

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№ 4

Scientific quarterly

Russian language research and teaching
(philological and methodological aspects)

Moscow 2024

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 4

Ежеквартальный научный журнал

Исследования и преподавание русского языка
(филологические и методические аспекты)

Москва 2024

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф.

Е.В. Барышева, д-р ист. наук, доц.

Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.

Гудрун Еришов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Еришова, д-р ист. наук., проф., *В.И. Заботкина*, д-р филол. наук, проф.

Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф., *В.А. Колотаев*, д-р филол. наук, проф.

Н.Л. Лене, канд. физ.-мат. наук, доц., *С.Ю. Неклюдов*, д-р филол. наук, проф.

О.В. Павленко, д-р ист. наук, проф., *Н.В. Ростиславлева*, д-р ист. наук, проф.

И.С. Смирнов, канд. филол. наук, *А.А. Столяров*, канд. ист. наук, доц.

П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, гл. ред., д-р ист. наук, доц., *И.П. Азерникова*, канд. ист. наук, доц.

П.А. Алипов, канд. ист. наук, доц., *Ю.Г. Бит-Юнан*, д-р филол. наук, доц.

Н.А. Комочев, канд. ист. наук, доц., *Е.А. Косован*, канд. ист. наук, доц.

И.С. Курилович, канд. филос. наук, ст. науч. сотр.

Н.В. Петров, канд. филол. наук, доц., *Н.А. Филин*, д-р ист. наук, доц.

Ответственный за выпуск

И.А. Шаронов, д-р филол. наук, проф.

Ответственный секретарь

Э.С. Сокрутницкий, аспирант ФАД ИАИ РГГУ

Содержание

Лингвистика и литературоведение

М.С. Ларина

Прагматика русских поговорок 9

А.Н. Ромашко

Паронимия и вариативность при образовании
относительных прилагательных 19

Амир Кушеш Закариа

Понятие «коммуникативная ситуация»
на примере ситуации команды 32

Описание современного речевого этикета

В.А. Савенкова

Стереотипные формулы выражения благодарности
в современном русском речевом этикете 43

А.С. Мамонова

Формулы моральной поддержки в диалогической речи 54

А.В. Христинич

К вопросу о стратегиях успокаивания, утешения
и подбадривания в диалоге 69

Методика преподавания русского языка

А.Р. Ибатуллина

Фразеологические единицы
в школьном курсе русского языка 75

О.А. Назарова

Игрофикация как технология обучения русскому языку
как иностранному 84

Человек, общество и власть в Римской империи

М.С. Ульянкина

Представления об *amicitia* (дружба)
в письмах Сенеки и Плиния Младшего 95

Д.А. Манаева

Представления о магии в сочинениях
христианских апологетов II в. н. э. 104

Е.С. Дорожкина

Культ женщин императорского дома
на греко-римском Востоке по данным
нумизматических источников (I–III вв. н. э.) 112

Abstracts 124

Сведения об авторах 130

Contents

Linguistics and literary theory

M.S. Larina

Pragmatics of Russian sayings 9

A.N. Romashko

Paronymy and variability in the formation
of relative adjectives 19

Amir Kooshesh Zakaria

The concept of a “communicative situation”
on the example of a command situation 32

Description of modern speech etiquette

V.A. Savenkova

Stereotypical formulas of gratitude expression
in modern Russian speech etiquette 43

A.S. Mamonova

Formulas of moral support in dialogic speech 54

A.V. Khristich

On the issue of strategies for calming, comforting
and encouraging dialogue 69

Methods of teaching the Russian language

A.R. Ibatullina

Phraseological units in the Russian language school course 75

O.A. Nazarova

Gamification as a teaching technique
for the Russian as a foreign language 84

Individual, society and power in the Roman Empire

M.S. Ulyankina

Representations of amicitia (friendship)
in the letters of Seneca and Pliny the Younger 95

D.A. Manaeva

Views on magic in the works of Christian
apologists of the 2nd century AD 104

E.S. Dorozhkina

The cult of the imperial women in the Greco-Roman East
according to numismatic sources (I–III AD) 112

Abstracts 124

Data about the authors 130

Лингвистика и литературоведение

УДК 398.9=161.1
ББК 82.3(2Рос=Рус)

М.С. Ларина

Прагматика русских поговорок

Статья посвящена исследованию прагматики русских поговорок. В качестве предмета исследования выступают прагматические особенности поговорок и их отличительные черты. В ходе работы выявляются критерии для отделения поговорок от пословиц, даются описания прагматики шести поговорок и толкования их значений.

Ключевые слова: фразеология, поговорки, пословицы, прагматика, речевые акты, лексикография

Поговорки в отличие от пословиц редко становятся отдельным объектом филологических исследований. Причина заключается в том, что они крайне редко рассматриваются учеными отдельно от пословиц. Кроме того, как показывают опросы, современное поколение по большей части плохо знает такого рода лексические единицы. Это происходит в том числе из-за того, что современные заимствования вытесняют устойчивые сочетания, связанные с реалиями прошлых эпох. В последнее время огромный теоретический интерес вызвала проблема прагматического описания, которое может дополнить семантический подход к толкованию. В силу этого особенно важной данная тема стала для лексикографов.

Пословицы и поговорки считают фразеологизмами. Под последними обычно понимаются устойчивые словосочетания или (реже) предложения, которые воспроизводятся аналогично слову в речи. Объединяет фразеологизмы с пословицами и поговорками наличие у них идиоматичности (образности). Внутри фразеологии есть попытки отделить пословицы и поговорки от фразеологизмов и пословицы от поговорок.

В разное время пословицы и поговорки ученые разделяли на основании следующих критериев: 1) синтаксического; 2) метафорического; 3) семантического. основоположником первого критерия стал В.И. Даль, который отнес к поговоркам словосочетания (т. е. такие как, например, *дать дуба*), а к пословицам – предложения¹. Такое разделение считалось традиционным вплоть до середины XX в. Этого же критерия (синтаксического) придерживался Г.Л. Пермяков, который исследовал данные единицы в рамках паремиологии [Пермяков 1988, с. 11–33]. Важно отметить, что к паремиям относят пословицы, поговорки, сказки, объединенные тем, что они должны быть известны всем носителям языка. В ходе своего исследования Г.Л. Пермяков выделил три типа клише грамматической завершенности. К отдельным сочетаниям слов он относил поговорки (клише А). С его точки зрения, поговорка – незамкнутое предложение, пополняемое из контекста, т. е. словосочетание. К двум другим типам клише Пермяков относил пословицы (клише Б) – самостоятельные предложения, состоящие из одних постоянных членов предложения, и побасенки (клише В), представленные в речи в виде нескольких предложений. Пермяков подчеркивал важность образной мотивировки данных трех типов клише. При прямой мотивировке эти клише применяются к другим видам изречений.

На основании второго (метафорического) критерия разделил пословицы и поговорки В.П. Жуков, представитель образного подхода². В основе данного подхода лежит представление о пословицах как образных речениях, а о поговорках как безобразных. Анализ пословиц и поговорок привел В.П. Жукова к пониманию нечеткости выделенного критерия, поскольку образность в такого рода паремиях может быть выражена частично. В результате исследователю пришлось выделить целый пласт пословично-поговорочных выражений: одна часть слов в составе таких выражений имеет образное, переносное значение, а другая – прямое, буквальное. В качестве примера В.П. Жуков приводил выражение *Пьяному море по колено*, в котором слово *пьяный* имеет прямое значение, а сочетание *море по колено* – образное.

М.Н. Шанский разделил поговорки и пословицы по третьему критерию – семантическому, т. е. по наличию (пословицы) или отсутствию (поговорки) назидательности³. Также он заявлял о наличии у первой группы (поговорок) тесной связи с речевой ситуацией и их од-

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. С. 15.

² Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991. 534 с.

³ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. С. 73.

ноплановости (например: *Бабушка надвое сказала, Нашла коса на камень*). К первой группе М.Н. Шанский относил также различные разговорно-бытовые речевые штампы (например: *Всего хорошего! Держи карман шире! В тесноте да не в обиде!*), а ко второй – пословицы и «крылатые слова» [например, *Не в свои сани не садись, Кашу маслом не испортишь, Знание – сила* (Бэкон)]. Кроме присутствия у данных выражений назидательности, он выделил также наличие у них народной мудрости.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский проанализировали опыт своих предшественников и на его основе сформировали собственный (функциональный) подход. Принципы этого подхода можно увидеть в их классификации, предлагаемой ими в работе «Основы фразеологии»⁴. Они выделяют следующие основные типы фразеологизмов: идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, фразеологизмы-конструкции, ситуативные клише и крылатые слова. В этой классификации пословицы выделены в отдельный тип фразеологизмов, что не произошло с поговорками, которые А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский относят в разряд идиом. Для них идиомы являются фразеологизмами, обладающими идиоматичностью и условностью.

Пословицы в отличие от поговорок авторы относят к отдельному типу фразеологизмов. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский называют причиной этого выделения наличие у пословиц особой семантики и дискурса. Под пословицами они понимают многословные единицы с большой степенью связности, которые являются фразеологизмами и имеют структуру предложения, обладают семантикой всеобщности, выражают совет (нравучительность) с точки зрения наивной логики. Они говорят о некоторой универсальности, вневременном характере пословиц. Под универсальностью понимается неактуализованность, отсутствие привязки к лицу и времени, что в традиции называется обобщенно-личными предложениями. Они являются истинными, готовыми быть выполненными в любой момент времени по отношению к любому лицу независимо от их положения. Кроме того, пословицы часто стоят в настоящем (вечном) времени (если у них выражена категория времени).

У поговорок этой универсальности нет, и они связаны с какой-то конкретной ситуацией. Они, как правило (но не всегда), стоят в прошедшем времени и не содержат в себе нравучения. Например, выражение *На охоту ехать, собак кормить*, которое было отнесено в статье к пословицам, – поговорка, поскольку не содержит в себе никакой нравучительности и является комментарием к конкретной ситуации,

---

⁴ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии: Краткий курс: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 67–98.

и используется, когда говорящий недоволен тем, что запланированное действие откладывается из-за неготовности адресата [Ван, Шаронов 2019, с. 98].

«Увидев щетки и швабры, генерал сразу же догадался, что мы делали приборку к его приезду. – *На охоту ехать – собак кормить*, – недовольно произнес он. – Раньше надо было прибираться» (Степанов А.Н. Порт-Артур)⁵.

Сложность отделения поговорок от пословиц заключается в том, что поговорки (как и пословицы) могут быть образными и необразными. По утверждению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, главное отличие поговорок от пословиц заключается в отсутствии у первых идеи всеобщности, а также в их связи с контекстом и какой-то конкретной ситуацией⁶. Это проговаривается в форме монолога или обсуждается в диалоге, что является важной дискурсивно-прагматической характеристикой поговорок. Однако в толковых словарях даются только толкования, из-за чего без внимания остаются коммуникативные функции русских поговорок и пословиц.

Прагматическое описание наглядно демонстрирует функционирование поговорок как в диалоге, так и монологе. При их описании учитывается фактор отнесенности к лицу. Критерий комментирования закономерно переводит поговорку в план прошедшего времени. Важным критерием оказывается и тип речевых актов (далее – РА). РА в зависимости от его позиции в коммуникативном взаимодействии двух или более лиц (диалоге) выражает субъективное намерение говорящего. РА в теории РА описывается как сочетание семантики высказывания и субъективного значения, т. е. иллокутивной силы [Серль 1986, с. 151–169]. Выделяются три компонента РА: интенция, содержание и перлокутивный эффект. Высказывание отражает речевое намерение говорящего. Последнее достигается только при понимании собеседником высказывания говорящего.

Теория РА показывает, как предложения актуализируются в речи. Информация в предложении передается говорящим слушающему для какой-либо цели, в то время как актуализация происходит при помощи местоимений, через категорию времени и модальности (событие было, будет происходить или могло произойти). Универсальность пословиц состоит в отсутствии у них актуализаторов – они могут быть отнесены к любому человеку в любой момент времени. Пословицы имеют так называемое обобщенно-личное значение, поэтому они обычно стоят в настоящем (вечном) времени. Помимо этого, они используются в текстах в качестве аргумента к тому или иному РА говорящего. Например, побуждение начать работу после

⁵ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

⁶ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Указ. соч. С. 77–83.

отдыха (*Пошли работать!*) можно аргументировать пословицей *Делу время, потехе час*.

В отличие от пословицы, выступающей в качестве аргумента к тому или иному РА, поговорка может быть самостоятельным РА, а также осуществлять разные функции в тексте. Например, выступать в качестве ответной реакции (реакция насмешки) на высказывание собеседника:

Строительство нового музейного здания длилось три года и обошлось в € 90 млн, что в кризисные времена могло бы считаться расточительством. Однако *охота пуще неволи* – проект был осуществлен в том виде, в каком и задумывался, безо всякой экономии на «излишествах»⁷.

На этом же примере ярко заметно одно из отличий поговорки от пословицы, о которой было написано ранее: при универсальности утверждения отсутствует нравоучительность.

Кроме того, поговорки при наличии универсальности смысла имеют форму прошедшего времени (формальное свойство). Это касается таких единиц, как, например, *Лед тронулся, А ларчик просто открывался, Пустили козла в огород*, которые будут описаны далее в соответствии с выявленным дискурсивно-прагматическим анализом поговорок, включающим в себя:

- 1) описание семантики поговорки;
- 2) сбор иллюстративной коллекции примеров для выявления типовых употреблений поговорки в диалоге и монологе;
- 3) попытку дискурсивной классификации поговорок. Определение типовых дискурсивных ситуаций.

В зависимости от намерения (интенции) говорящего и направленности высказывания к определенному адресату (в том числе и к себе) вид РА некоторых поговорок может меняться.

Представленные прагматические описания поговорок строятся по следующей модели: 1) поговорка; 2) словарное толкование; 3) описание конкретных прагматических значений.

В качестве иллюстрации будут приведены шесть прагматических описаний поговорок и выявлены их возможности по отношению к лично-временной перспективе события. Описание семантики производилось с опорой на толкования из «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова, большинство толкований также взято из этого словаря⁸. Два толкования из-за отсутствия искомой единицы

---

⁷ *Смолев Д.* Ренцо Пьяно построил дом для заспиртованных коров // Информационный портал газеты «Известия». URL: <https://iz.ru/news/536514> (дата обращения 11.05.2021).

⁸ *Жуков В.П.* Указ. соч. С. 33–371.

(*Мосты сожжены* и *Лед тронулся*) взяты из книг «Большой фразеологический словарь русского языка»⁹ и «Основы фразеологии»¹⁰. Кроме того, почти во всех описываемых поговорках глагол стоит в форме прошедшего времени или опущен, но подразумевается: *Мосты [были] сожжены*. Иллюстративные примеры к поговоркам собраны из Национального корпуса русского языка¹¹. На основе этого далее приводятся отобранные для анализа поговорки по предложенной ранее модели.

1. *Мосты сожжены*

Словарное толкование: возвращение к тому, что было, уже невозможно; прежние связи разорваны. Имеется в виду, что благодаря чьим-либо действиям сложилась ситуация, исключающая движение в обратном направлении, восстановление существовавших ранее отношений или обстоятельств¹².

1.1. Поговорка используется как

РА ЗАЯВЛЕНИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕКРАТИТЬ
СОМНЕВАТЬСЯ В РЕШЕНИИ ПОМЕНЯТЬ ЧТО-ЛИБО
КОРЕННЫМ ОБРАЗОМ ВВИДУ ТОГО ЧТО ОБРАТНОГО
ПУТИ НЕТ.

Альтернативный вариант: *Ну, все, пути назад нет!*

1) Цию вынул интераптор, мы завязали ему глаза, он отошел и закопал вслепую, чтобы труднее было найти. ***Мосты сожжены***, мы в дремучем лесу одни-одинешеньки (*Рыбаков В.* Вода и кораблики).

2) – Что же ты делаешь со мной? – спросил Борис Петрович, вынимая из кармана газету. – Ты разве не знаешь, кем я работаю. – Ну, все, ***мосты сожжены***, обратной дороги нет (*Носов С.* Грачи улетели).

2. *Лед тронулся*

Словарное толкование: какое-то дело, которое по каким-то причинам было трудно начать, все-таки начинается¹³.

2.1. Поговорка используется как

РА УТВЕРЖДЕНИЯ О ДОЛГОЖДАННОМ И ЖЕЛАЕМОМ
ДЛЯ ГОВОРЯЩЕГО СДВИГЕ В РАЗВИТИИ СОБЫТИЙ.

⁹ Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс книга, 2010. С. 387.

¹⁰ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Указ. соч. С. 79.

¹¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 11.05.2021).

¹² Телия В.Н. Указ. соч. С. 387.

¹³ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Указ. соч. С. 79.

1) Рано или поздно это должно было произойти. *Лед тронулся*. Я об автомобильном кредитовании (*Ганиев Х. Новости*).

2) Вызвали наших знаменитостей на съемку. <...> Гриценко красный как рак. Смоктуновский в дурном расположении духа. А тут еще Саша (Александр Княжинский, главный оператор) заявляет мне, что сначала придется снимать Гриценко и лишь потом, не раньше чем через два-три часа, Смоктуновского. Я чуть не упал со стула. <...> Подхожу сначала к Гриценко и говорю: «Николай Олимпиевич! Начнем с вас». – «Хорошо. Я готов». – «Вообще-то по свету надо бы начать со Смоктуновского», – вру я. – «Но он уступает первенство вам. Сказал, что вы великий артист и заслуживаете быть первым». – «Спасибо и на том», – бурчит Гриценко. Но вижу – взгляд потеплел. Подхожу к Смоктуновскому. «Иннокентий Михайлович, – говорю, – Гриценко вам отдает пальму первенства». <...> «По свету нам было бы выгодней начать с Гриценко, но он уступает вам. Говорит, что нехорошо заставлять такого артиста, как Смоктуновский, ждать». – «Да? А сам будет сидеть и ждать? Мне как-то неловко...» – «Я понимаю...» – говорю я, а сам думаю: «Ну что ж, *лед тронулся!*» (*Нахаптов Р. Влюбленные*)

3. *А ларчик просто открывался*

Словарное толкование: вопрос (при кажущейся трудности, сложности) решается легко, не требует больших усилий, долгих размышлений¹⁴.

3.1. Поговорка используется как

ОБОРОТ, ВВОДЯЩИЙ ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕГО-ЛИБО, ЧТО ДОЛЖНО БЫЛО ВЫЗВАТЬ У СОБЕСЕДНИКА/ЧИТАТЕЛЯ НЕДОУМЕНИЕ.

Поговорка используется как интродуктив (введение).

1) Прибывший по необычному, похожему на розыгрыш сигналу наряд прочесал окрестности, но никакого льва не обнаружил. *А ларчик просто открывался*. В соседнем доме в семье геолога жил лев по имени Сильвин (есть такой минерал) (*Ухов Е. Чудеса сбываются на святки*).

2) Какой же я был болван! Оказывается, существует три способа попасть в автомобиль, и все они подробно расписаны в Руководстве. Но тогда я еще не успел его изучить. *А ларчик просто открывался*: при 2-кратном нажатии на брелок разблокируются все двери. При длительном непрерывном – опускаются все окна (остается просунуть руку и открыть дверь изнутри). А если вставить ключ в личинку, разблокируется вся машина (*Мулюкин М. Тест-драйв Volkswagen Golf V*).

---

¹⁴ Жуков В.П. Указ. соч. С. 33.

3.2. Модифицированный вариант включает указание на РА удивления в диалоге.

Альтернативный вариант: *Оказывается, все так просто!*

3) – Просто поверните эту ручку, и замок откроется. –

– *А ларчик просто открывался!* Я думал здесь какой-то секретный механизм (Из устной речи).

Поговорки *Лед тронулся* и *А ларчик просто открывался* относятся к единицам, перешедшим в их разряд из крылатых выражений. Так, выражение *Лед тронулся* пришло из книги «Золотой теленок» Е.П. Петрова и И.А. Ильфа и полностью звучало как «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!», а выражение *А ларчик просто открывался* – из басни Крылова «Ларчик». О крылатых выражениях, ставших поговорками, писал в своей работе В.П. Жуков¹⁵.

4. *Был конь, да изъездился*

Словарное толкование: о ком-либо, утратившем свои былые достоинства, потерявшем былое значение, влияние, вес и т. п. Ср.: *Укатали сивку крутые горки*¹⁶.

4.1. Поговорка используется как

РА ПОЯСНЕНИЯ ПРИЧИНЫ ТОГО, ЧТО МУЖЧИНА УЖЕ НЕ ПРОЯВЛЯЕТ ОЖИДАЕМОЙ ОТ НЕГО АКТИВНОСТИ – ЧАЩЕ ВСЕГО ИЗ-ЗА ВОЗРАСТА.

Укатали сивку крутые горки. – Да, – говаривал, бывало, Алексей Сергеич, – прошла моя пора; *был конь, да изъездился*... До всего-то я был охоч... Рьяный был я, неукротимый (*Тургенев И.С.* Отрывки из воспоминаний своих и чужих).

– Этот? Да? В самом деле Балунский [король шулеров]? – Да. Этот самый.

– Что же, он теперь играет? – Нет. Совсем упал. – *Был конь, да изъездился*, – сказал помощник капитана (*Куприн А.И.* Ученик).

4.2. Модифицированный вариант употребления в диалоге может использоваться как косвенный РА отказа.

– Только ты можешь выполнить это задание. Столько лет работал у нас, да и знаешь много.

– *Был конь, да изъездился* (Из устной речи).

¹⁵ Жуков В.П. Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 53.

5. *Пустили козла в огород*

Словарное толкование: допустили кого-либо как раз туда, куда он стремился из корыстных соображений, но где может принести только вред¹⁷.

Поговорка используется как

РА ПОЯСНЕНИЯ ПРОБЛЕМ, НЕУДАЧИ ЧЕРЕЗ ОСУЖДЕНИЕ ПАРТНЕРА, КОТОРЫЙ РАБОТАЛ НА СЕБЯ, А НЕ НА ОБЩЕЕ ДЕЛО.

1) Позже ААР, естественно, превратил эту ошибку партнера в свое преимущество. Что называется, «*пустили козла в огород*», – иронизирует Вадим Клювгант (*Вержбицкий А., Старинская Г., Корытина Е.* Войти по-английски: как акционеры «Альфы» 14 лет выращивали ТНК-ВР, чтобы продать ее за один год Игорю Сечину).

2) Вы помните, в январе 1960 года Фидель Кастро (кстати, с благословения тогдашнего американского президента) совершил переворот на Кубе. Американцы быстро уразумели, что *пустили козла в огород*, и начались вселенские неприятели (*Ушаков И.* Записки неинтересного человека. Тетрадка № 1).

6. *Без меня меня женили*

Словарное толкование: шутил-ирон. Без ведома или согласия кого-либо решили что-либо за него или сделали что-либо от его имени. Говорится чаще о самом себе¹⁸.

6.1. Поговорка используется как

РА НЕДОВОЛЬСТВА (ИНОГДА ШУТЛИВОГО) ТЕМ, ЧТО ГОВОРЯЩИЙ БЫЛ ВКЛЮЧЕН В КАКУЮ-ЛИБО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЗ ЕГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СОГЛАСИЯ.

1) – *Без меня меня женили* – так сам Динзе прокомментировал «Известиям» эту информацию. – Пока что это разговоры ни о чем – на меня никто от Самуцевич не выходил и о защите ее интересов не просил, хотя я уже видел сообщения в Интернете о том, что я согласился быть адвокатом Самуцевич (*Маетная Е.* «Если Самуцевич попросит меня о помощи – конечно, не откажу!»).

2) Решение было принято без председателя, так как Бубенцов в это время пьянствовал... Однако это не помешало Федору Васильевичу искренне возмутиться: Нет, это что же получается?.. Опять *без меня меня женили!* (*Лаптев Ю.* Михаил и Митька: роман).

¹⁷ Жуков В.П. Указ. соч. С. 271.

¹⁸ Там же. С. 39.

Прагматический анализ русских поговорок позволил выявить, что поговорки: 1) лишены нравоучительности; 2) приписаны 1-му лицу; 3) являются образными РА, хотя иногда, как и пословицы, могут выступать в качестве аргумента при РА; 4) служат реакциями, объяснением или комментарием к событию, которое уже прошло; 5) в них часто проявляется оценка говорящего обсуждаемого события; 6) с дискурсивно-прагматической точки зрения более разнообразны, чем пословицы.

В дальнейшем данная тема может быть продолжена при условии расширения словника и наличия более полного корпуса иллюстративных примеров, которые дадут возможность выделить все возможные прагматические функции поговорок.

Литература

- Ван, Шаронов 2019 – Ван М., Шаронов И.А. Прагматическое описание русских пословиц с двойным инфинитивом // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», 2019. № 21 (7). С. 83–100.
- Пермяков 1988 – Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 235 с.
- Сёрль 1986 – Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.

А.Н. Ромашко

Паронимия и вариативность при образовании относительных прилагательных

Статья посвящена изучению паронимии и вариативности при образовании относительных прилагательных в русском языке. Приведены теоретические аспекты паронимии и вариативности. Особое внимание уделяется анализу однокоренных пар относительных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*. Рассматриваются морфонологические условия образования данных прилагательных. Особый акцент делается на анализе лексикографических описаний и реальных употреблений выбранных прилагательных.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, паронимия, вариативность, однокоренные синонимы, относительные прилагательные

Паронимические и вариативные пары составляют одну из серьезных трудностей в современной лингвистике.

Для разграничения данных понятий следует подробнее остановиться на каждом из них.

Паронимия – «явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)»¹. О.В. Вишнякова во введении к «Словарю паронимов» дает следующее определение паронимов: «Паронимы – это разные по значению слова, близкие по произношению, лексико-грамматической принадлежности и по родству корней, сходность в звучании которых приводит к смешению их в речи»². В современном языкознании определение паронимов не меняется: в учебнике стилистики русского языка И.Б. Голуб указано, что «паронимы – однокоренные слова, близкие по звучанию, но не совпадающие в значениях» [Голуб 2010, с. 50].

Для характеристики понятия вариативности обратимся к работам Л.К. Граудиной и О.Е. Вороничева. Л.К. Граудина выделяет два

© Ромашко А.Н., 2024

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

² Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Рус. язык, 1984. С. 14.

вида вариативности: варианты слов и варианты форм [Граудина 1980]. В первом случае совпадает лексическое значение, во втором – грамматическое. Как и О.Е. Вороничев, она указывает, что «словообразовательные варианты находятся между грамматическими и лексическими» [Граудина 1980] и могут выполнять лексическую и грамматическую функцию. В нашей работе мы будем рассматривать суффиксальные варианты прилагательных, которые могут представлять собой синонимы.

О.Е. Вороничев указывает, что при разграничении паронимии и синонимии важным является смысловой аспект. Например, слова *практический* и *практичный* различаются в первую очередь лексическим значением. В таком случае, по мнению исследователя, они будут выступать как неполные синонимы и неполные паронимы:

...такие слова, характеризующиеся синкретизмом лексических связей, занимают промежуточное положение между неполной синонимией и неполной паронимией [Вороничев 2011].

Таким образом, под вариативностью в данной работе мы понимаем лексико-словообразовательную вариативность, при которой образуются однокоренные синонимы, синонимичные во всех или некоторых лексико-семантических вариантах, по определению Ю.С. Азарха [Азарх 1987].

Для анализа нами было выбрано 10 пар относительных прилагательных, соотносящихся по значению с названиями фруктов, ягод, овощей и орехов: *ананасный* – *ананасовый*, *апельсинный* – *апельсиновый*, *мандаринный* – *мандариновый*, *вишенный* – *вишнёвый*, *малинный* – *малиновый*, *огуречный* – *огурцовый*, *перечный* – *перцовый*, *томатный* – *томатовый*, *миндальный* – *миндалевый*, *фундучный* – *фундуковый*. Выбор этих слов обусловлен тем, что в их современных употреблениях отмечается вариативность. Задачей исследования являлось определить, наблюдается ли распределение данных слов по значениям и по сочетаемости с существительными и выяснить, как полученная информация соотносится с данными словарей.

Мы сопоставили описания морфонологических условий для присоединения суффиксов *-н-* и *-ов-*, представленные в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова и «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой. В результате проведенного анализа мы выяснили, что наиболее частотным считается образование двух вариативных прилагательных от основы на переднеязычный, чаще всего в прилагательном с суффиксом *-н-* также прослеживаются чередования *к/ч* и *ц/ч*, а в прилагательном с суффиксом *-ов-* – чередование *о/е* с нулем звука. Проверка этих условий

на рассматриваемых нами парах показала, что морфонологические условия использования обоих суффиксов способствуют появлению вариативности. Все, кроме одного из рассмотренных нами прилагательных, соответствуют выделенным условиям. Мы заметили неточность формулировки в описании суффикса *-н-*: в словаре В.В. Лопатина и И.С. Улуканова указано, что присоединение *-н-* к основе, заканчивающейся на переднеязычный [л'], невозможно, однако одно из рассматриваемых нами прилагательных (*миндальный*) не соответствует данному описанию.

Мы рассматривали словарные статьи, посвященные выбранным прилагательным, в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова (1939–1942), «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова (1949), «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (1998) и «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2000), а также соответствующие описания в словаре «Словаре трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой. Кроме того, нами был проведен анализ употреблений данных прилагательных в словосочетаниях «прилагательное + существительное» на материалах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и интернет-сайтов.

Анализ лексикографических описаний прилагательных *ананасный* – *ананасовый* показал, что они совпадают во всех значениях, кроме «напоминающий ананас цветом, вкусом или ароматом». Основные значения данных прилагательных представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные значения прилагательных *ананасный* – *ананасовый*

Список значений	Ананасный	Ананасовый
1. Соотносящийся по значению с сущ. ананас (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>ананасные листья</i>)	+ (<i>ананасовый кустарник</i>)
2. Свойственный ананасу, характерный для него (Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>ананасный вкус</i>)	+ (<i>ананасовый вкус</i>)
3. Приготовленный из ананаса или с ананасом (Д.Н. Ушаков, А.С. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>ананасное мороженое</i>)	+ (<i>ананасовое варенье</i>)
4. Напоминающий ананас цветом, вкусом или ароматом (С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>ананасный сорт клубники</i>)	–

Данная пара также рассматривается в «Словаре трудностей русского языка» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (далее – СТЯ). В словаре указывается, что обе лексемы выражают значения «относящийся к самому растению» и «приготовленный из ананасов», в то время как в значении «имеющий свойства плода ананаса» может употребляться только *ананасный*³. Например: «*ананасный (ананасовый) кустарник*», «*ананасный (ананасовый) сок*», но «*ананасная клубника*»⁴.

Анализ современных употреблений показал, что *ананасовый* используется для выражения значений 1–3, в то время как дериват с суффиксом *-н-* устаревает. Сравнительная частотность двух прилагательных представлена на графиках на рисунках 1 и 2 (здесь и далее графики взяты из НКРЯ и корпуса Google Book Ngram Viewer)

Анализ интернет-источников также показал, что *ананасный* продолжает использоваться в устойчивых терминологических словосочетаниях, обозначающих сорт растений: *клубника ананасная, земляника ананасная, дыня ананасная*.

Следовательно, в широком употреблении вариант с *-н-* устаревает, однако это наблюдение не отмечено в рассмотренных нами словарях.

Прилагательные *апельсинный* и *апельсиновый*, согласно словарным статьям, также совпадают во всех значениях, кроме «цвета апельсина, оранжевый». Основные значения прилагательных представлены в табл. 2.

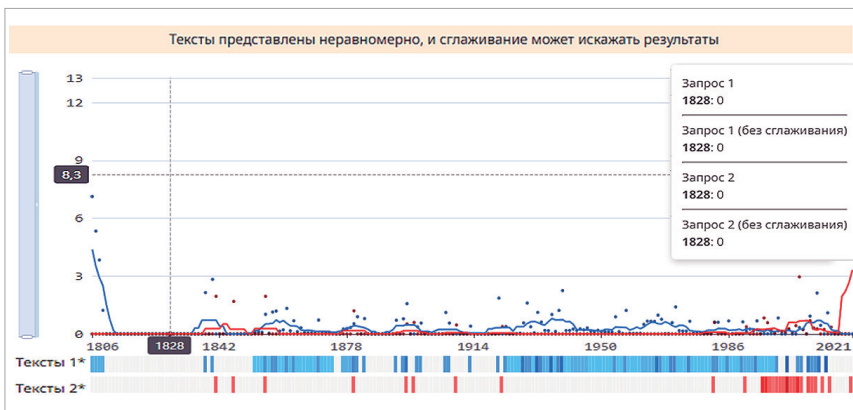

Рис. 1. График сравнительной частотности прилагательных *ананасный* – *ананасовый* (часть 1)

³ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 29.

⁴ Там же.

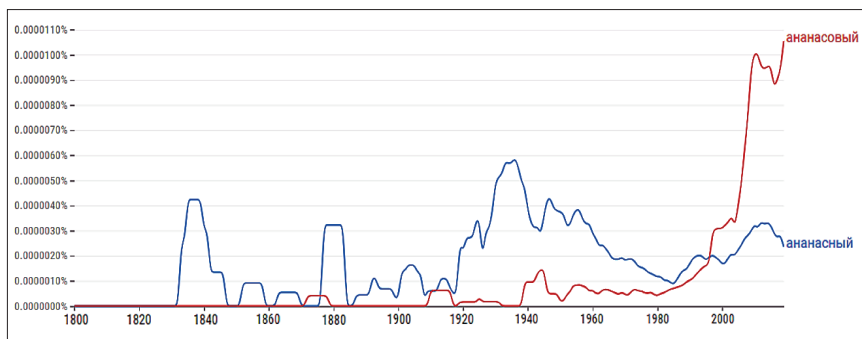

Рис. 2. График сравнительной частотности прилагательных ананасный – ананасовый (часть 2)

Таблица 2

Основные значения прилагательных апельсинный – апельсиновый

Значение	Апельсинный	Апельсиновый
1. Соотносящийся по значению с сущ. апельсин (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)	+ (апельсинная ветвь)	+ (апельсиновая ветвь)
2. Свойственный апельсину, характерный для него (Т.Ф. Ефремова)	+ (апельсинный вкус)	+ (апельсиновый вкус)
3. Приготовленный из апельсинов или с апельсинами (Д.Н. Ушаков, А.С. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)	+ (апельсинное варенье)	+ (апельсиновое варенье)
4. Цвета апельсина, оранжевый (А.С. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)		+ (апельсиновый джемпер)

Согласно словарной статье в СТЯ, *апельсиновый* чаще употребляется в значении «относящийся к самому растению, дереву», а *апельсинный* в значении «относящийся к плоду». В значении «приготовленный из апельсинов» оба слова могут употребляться одинаково: «апельсиновое (апельсинное) варенье». Также *апельсиновый* чаще употребляется в значении «имеющий признаки апельсина»⁵.

Анализ употреблений данных лексем показал, что *апельсиновый* употребляется для реализации всех значений, в то время как *апельсинный* устаревает. Сравнительная частотность двух прилагательных представлена на графиках на рис. 3 и 4.

⁵ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Указ. соч. С. 32–33.

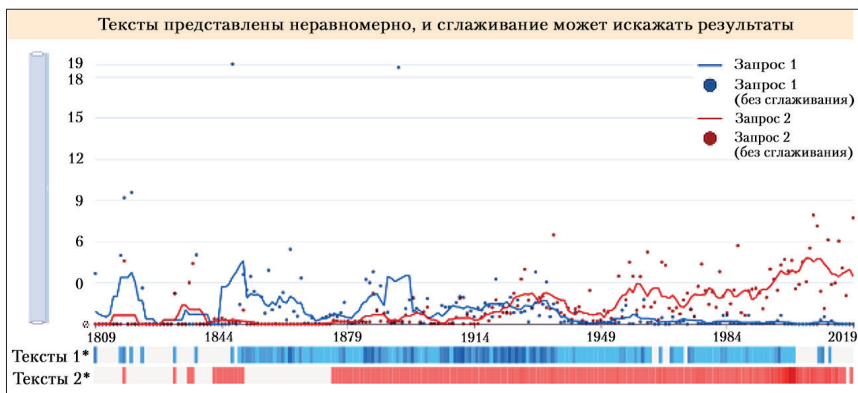

Рис. 3. График сравнительной частотности прилагательных *апельсинный – апельсиновый* (часть 1)

Данные показывают, что до 1900-х гг. слово *апельсинный* употреблялся чаще, чем *апельсиновый*. В период с 1900-х до 1950-х гг. можно заметить схожую частотность обоих слов. С 1950-х гг. употребительность слова *апельсиновый* растет и в последнее время значительно превосходит *апельсинный* по частоте использования.

То же явление прослеживается и в паре *мандаринный – мандариновый*. В толковых словарях значения обоих слов совпадают, но анализ употреблений показал, что для выражения всех значений используется дериват с суффиксом *-ов-*, в то время как *мандаринный* устаревает. Сравнительная частотность двух прилагательных представлена на графиках на рис. 5 и 6.

Похожее явление можно наблюдать и в парах слов *томатный – томатовый* и *миндальный – миндалевый*, только в этих случаях дериват с суффиксом *-н-* превосходит по частоте употреблений дериват

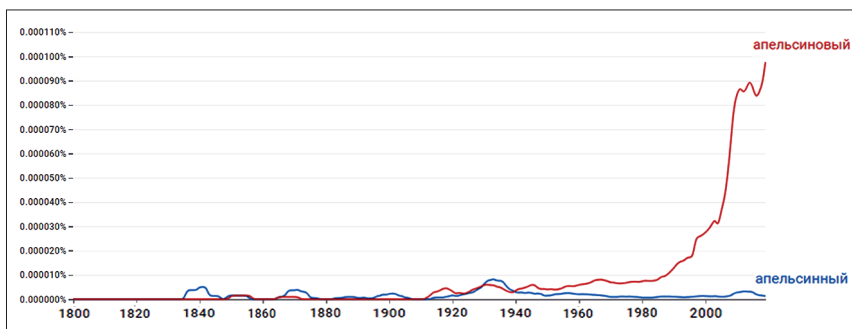

Рис. 4. График сравнительной частотности прилагательных *апельсинный – апельсиновый* (часть 2)

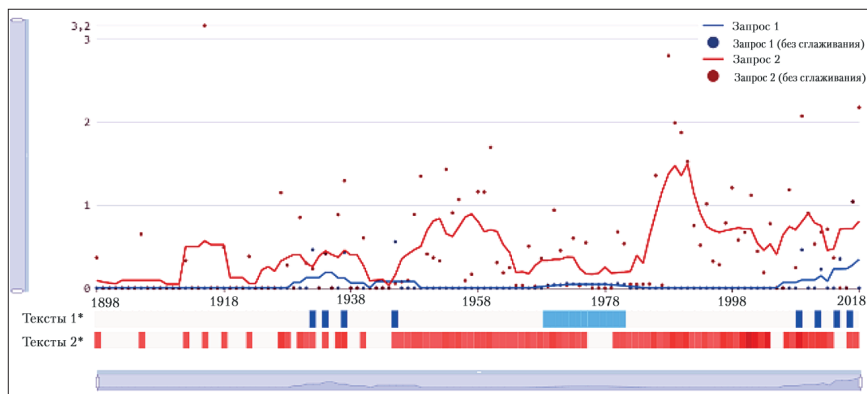

Рис. 5. График сравнительной частотности прилагательных мандаринный – мандариновый (часть 1)

с суффиксом *-ов-*. Сравнительная частотность прилагательных *томатный – томатовый* представлена в виде графика на рис. 7.

Анализ пары *миндальный – миндалевый* показал, что частотность *миндальный* намного выше деривата с *-ев-*: примеры употребления *миндалевый* в НКРЯ единичны.

Вишенный упоминается только в толковом словаре Д.Н. Ушакова с пометой *просторечное*, в то время как *вишнёвый* закреплен во всех рассмотренных нами толковых словарях. В НКРЯ нам удалось найти несколько примеров употребления *вишенный*, датированных XIX в.: *вишненные садки, вишненные кустики, вишненные косточки*. В современном же языке в тех же и других сочетаниях используется *вишнёвый*, а также только *вишнёвый* может употребляться в значении цвета. Итак, дериват с *-н-* зафиксирован в некоторых источниках, но не закрепился в языке.

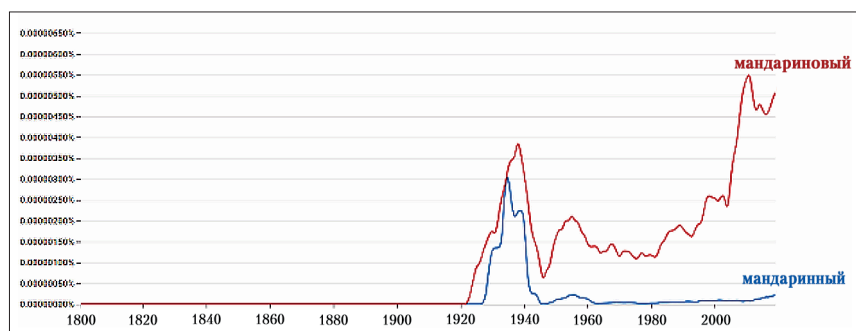

Рис. 6. График сравнительной частотности прилагательных мандаринный – мандариновый (часть 2)

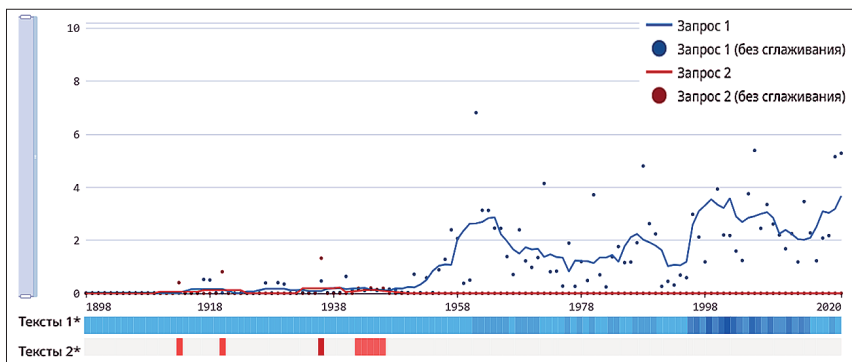

Рис. 7. График сравнительной частотности прилагательных
томатный – малиновый

Остановимся на паре *малинный – малиновый*. Согласно толковым словарям, прилагательные совпадают во всех значениях, кроме «цвета малины; темно-красный с фиолетовым оттенком». Основные значения данных прилагательных представлены в табл. 3.

В СТЯ также указано, что в значении «цвет малины» употребляется только *малиновый*, в то время как значения «относящийся к

Таблица 3

Основные значения прилагательных *малинный–малиновый*

Значение	Малинный	Малиновый
1. Соотносящийся по знач. с сущ. малина, связанный с ним (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>малинный лист</i>) Д.Н. Ушаков, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова приводят с пометой <i>разговорное</i>	+ (<i>малиновый лист</i>)
2. Свойственный малине, характерный для нее (Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>малинный запах</i>) Д.Н. Ушаков, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова приводят с пометой <i>разговорное</i>	+ (<i>малиновый запах</i>)
3. Сделанный, приготовленный из малины или с малиной (Д.Н. Ушаков, Т.Ф. Ефремова)	+ (<i>малинное варенье</i>) Д.Н. Ушаков, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова приводят с пометой <i>разговорное</i>	+ (<i>малиновое варенье</i>)
4. Цвета малины; темно-красный с фиолетовым оттенком (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, С.А. Кузнецов, Т.Ф. Ефремова)		+ (<i>малиновый берет</i>)

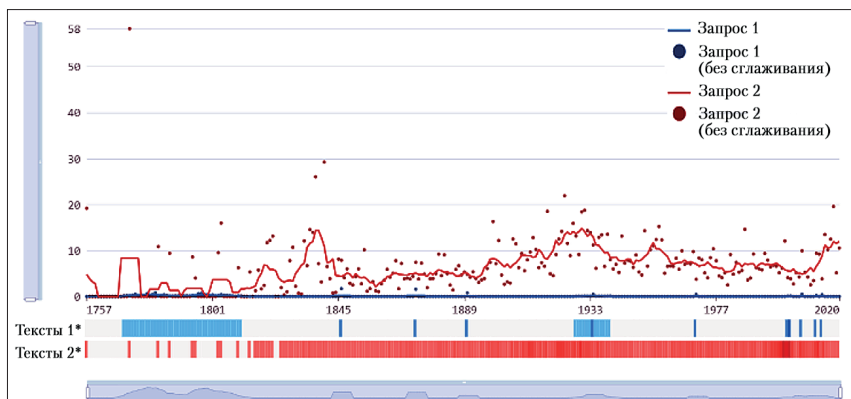

Рис. 8. График сравнительной частотности прилагательных *малинный – малиновый* (часть 1)

малине, свойственный ей» и «приготовленный из малины или с малиной» могут реализовываться обоими словами, хотя в современном языке чаще употребляется *малиновый*: «*малиновый лист*», «*малиновое варенье*»⁶. Также отмечено, что в терминологическом сочетании «*малинный жук*» употребляется только *малинный*.

Анализ примеров употребления показал, что в настоящее время *малиновый* используется для выражения всех значений, в то время как *малинный* используется только в терминологическом сочетании «*малинный жук*». Графики сравнительной частотности, представленные на рис. 8 и 9, подтверждают наше предположение.

Тенденция к устареванию одного прилагательного из пары наблюдается не во всех рассмотренных нами прилагательных. Рассмотрим

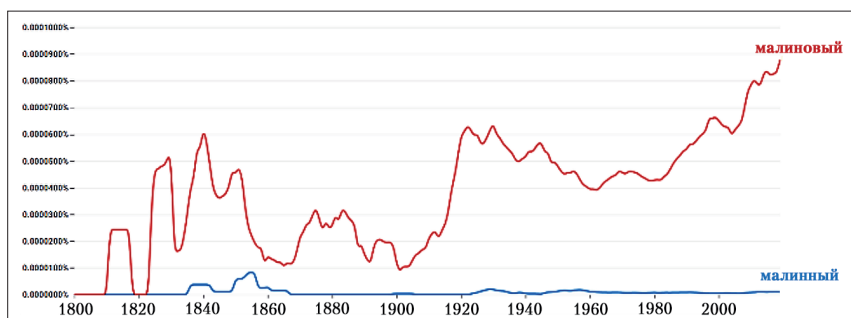

Рис. 9. График сравнительной частотности прилагательных *малинный – малиновый* (часть 2)

⁶ Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Указ. соч. С. 312.

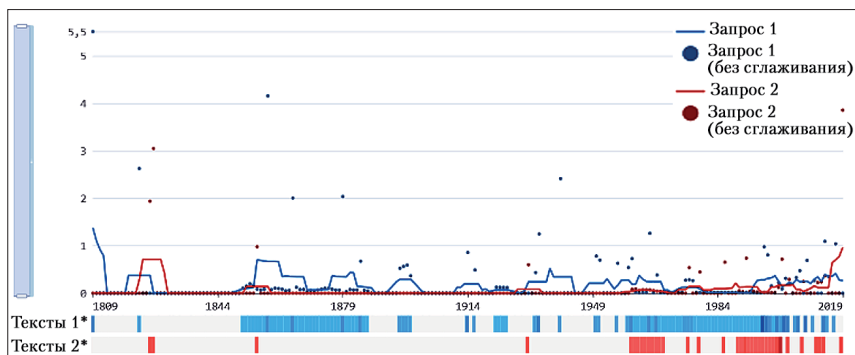

Рис. 10. График сравнительной частотности прилагательных *перечный – перцовый* (часть 1)

пару *перечный – перцовый*. Исследователи выделяют значения «соотносящийся по знач. с сущ. *перец*» и «свойственный перцу, характерный для него» у обоих лексем и «настоянный на перце (о напитках)» у *перцовый*. Анализ употреблений показал, что оба слова используются в современном языке, но имеют распределение по сочетаемости. Так, *перечный* сочетается с существительными *соус, вкус, зерно*, в то время как *перцовый* сочетается с *пластырь, водка, баллончик, настойка*. Следует также отметить, что только *перечный* используется в терминологическом сочетании «перечная мята». Рассмотрим графики сравнительной частотности прилагательных *перечный – перцовый*, представленные на рис. 10 и 11.

На обоих графиках можно увидеть, что оба прилагательных используются в современных контекстах, однако *перцовый* встречается реже из-за ограниченной сочетаемости.

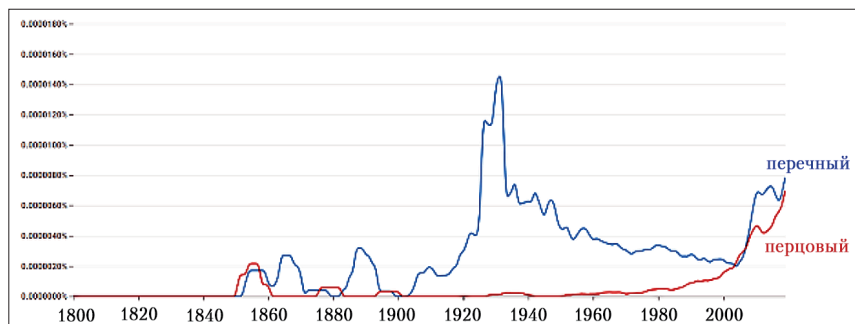

Рис. 11. График сравнительной частотности прилагательных *перечный – перцовый* (часть 2)

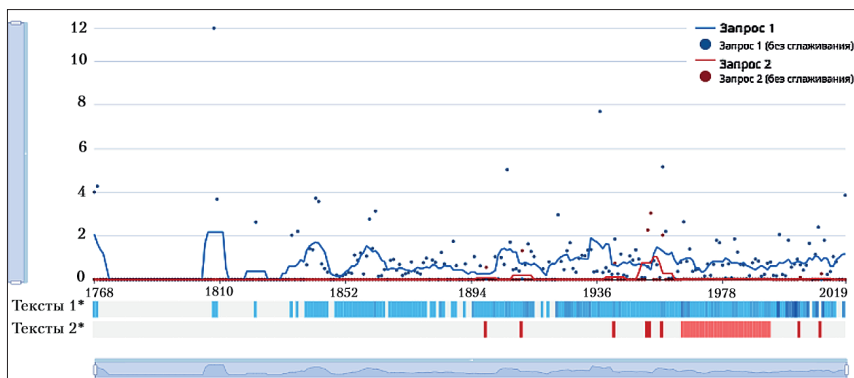

Рис. 12. График сравнительной частотности прилагательных *огуречный – огурцовый* (часть 1)

Кроме того, мы включили в анализ прилагательные, не отмеченные в толковых словарях. Например, из пары *огуречный – огурцовый* описан только дериват с суффиксом *-н-*, но мы нашли примеры употреблений деривата с *-ов-* в схожих контекстах: *огурцовый квас, огурцовые шкурки, огурцовый надел, огурцовый рассол*. Сравнительная частотность двух прилагательных представлена на графиках на рис. 12 и 13.

На обоих графиках можно увидеть высокую употребительность деривата с суффиксом *-н-*. Однако на графиках можно заметить единичные возвышения, соотносящиеся с употреблением деривата с суффиксом *-ов-*. Следует уточнить, что резкое повышение частотности *огурцовый* в 1950-х гг. связано с выходом серии книг Н.Н. Носова о Незнайке, где упоминается «Огурцовая река».

Следовательно, *огуречный* является предпочтительной формой для выражения всех значений, но в некоторых примерах для выражения тех же значений может использоваться и *огурцовый*.

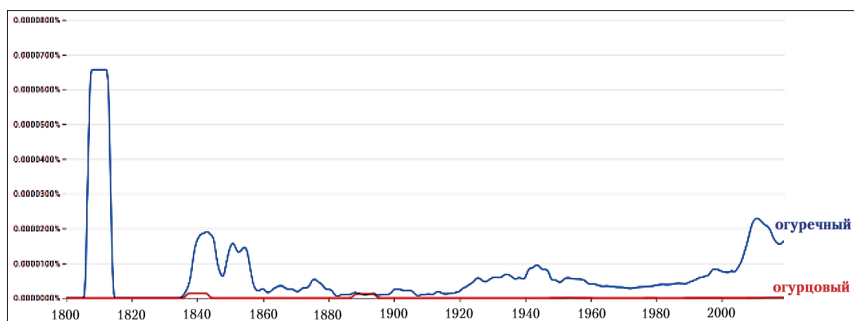

Рис. 13. График сравнительной частотности прилагательных *огуречный – огурцовый* (часть 2)

Остановимся также на паре *фундучный – фундуковый*. Оба прилагательных не закреплены в толковых словарях, но используются в современном языке. Примеры употребления данных прилагательных не представлены в НКРЯ, но на интернет-сайтах нам удалось найти сочетания *фундучный торт, фундучный сироп, фундучное молоко, фундучный крем*, а также *фундуковое молоко, фундуковая паста*. Следовательно, оба прилагательных употребляются в современных контекстах, кроме того, между ними наблюдается свободное варьирование.

Итак, в результате проведенного исследования нам удалось сделать следующие выводы.

1. В большинстве анализируемых пар одно из прилагательных является менее употребляемым и иногда даже устаревшим. В парах *огуречный – огурцовый, томатный – томатовый, миндальный – миндалевый* характерно преобладание словообразовательных вариантов в *-н-*, в то время как в парах *ананасный – ананасовый, апельсиновый – апельсиновый, вишенный – вишенёвый, мандаринный – мандариновый, малинный – малиновый – с -ов-*. Данное наблюдение отмечается в словаре трудностей для ряда слов, но не всегда подчеркивается в толковых словарях. Таким образом, этот результат нашего исследования позволяет уточнить данные словарных описаний.

2. В одной из рассмотренных нами пар, а именно в паре *перечный – перцовый*, наблюдается распределение по сочетаемости. Это явление не отмечено в словарях, но отражается в современных употреблениях. Данное наблюдение позволяет дать практические рекомендации изучающим РКИ.

3. При образовании прилагательного со значением цвета используется суффикс *-о*, в то время как при использовании слова в терминологическом значении к основе мотивирующего слова прибавляется суффикс *-н-*. Лучше всего это видно на примере пары *малинный – малиновый*, где только *малиновый* может выражать значение цвета, и только *малинный* использоваться в терминологическом сочетании. Наблюдения по поводу терминологического значения не отмечены в словарях, но мы считаем, что эти выводы важны и могут быть полезны для изучающих РКИ, в особенности для студентов сельскохозяйственных вузов, изучающих язык специальности.

4. Нами были выделены прилагательные, не упоминающиеся в толковых словарях, но использующиеся в современном языке (*фундучный – фундуковый*).

Таким образом, результаты проведенного нами исследования могут быть полезны для уточнения лексикографических данных, а также для преподавания и изучения русского как иностранного.

Литература

- Азарх 1987 – Азарх Ю.С. О синонимии однокорневых слов // Деривация и история языка: [сб.]. Пермь, 1987. С. 64–73.
- Вороничев 2011 – Вороничев О.Е. Критерии дифференциации паронимов и однокоренных синонимов // Филологические науки. 2011. № 2. С. 57–68.
- Голуб 2010 – Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф, 2010. 448 с.
- Граудина 1980 – Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка: грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. 286 с.

Амир Кушеш Закариа

Понятие «коммуникативная ситуация» на примере ситуации команды

В статье вводится понятие коммуникативной ситуации как тематической и иллокутивно значимого фрагмента диалогического дискурса и предлагается описание коммуникативной ситуации команды. Под коммуникативной ситуацией понимается микродиалог, обусловленный реализацией интенции говорящего лица, с позиций его структурного оформления. Рассматривается общее значение побудительного речевого акта, его семантические виды, такие как просьба, предложение, требование, совет, команда и т. д. Акцент в статье делается на описании способов формальной реализации коммуникативной ситуации команды. Рассматриваем характеристики речевого акта (РА) команды, грамматические конструкции его типового выражения: императив СВ или НСВ; инфинитив; глагол в форме 2-го л. буд. врем. и побудительное междометие, а также стереотипные ответные реплики (коммуникативы), служащие для указания на готовность к исполнению команды.

Ключевые слова: прагматика, теория речевых актов, диалог, побудительные речевые акты, команда, речевой акт согласия

Статья посвящена описанию грамматических и дискурсивных свойств коммуникативной ситуации команды, одной из наиболее распространенных форм диалогического общения.

Диалог – главная форма устного общения – в последние десятилетия стал объектом пристального изучения у лингвистов. Теория речевых актов является одной из самых развитых и известных прагматических теорий. Ее основы заложены известным философом Дж. Остином в книге «Слово как действие» [Остин 1962] и позже известный философ Дж. Сёрль [Сёрль 1986] подробно построил наиболее популярную теорию речевых актов. При описании речевого акта (далее – РА) Дж. Сёрль обратил внимание на две его разновидности, которые он определил как *прямые* и *косвенные* РА. Прямой РА – это

акт, в котором РА передается соответствующей грамматической моделью, определяемой целью РА. Например, вопрос передается вопросительными предложениями, связанными с желанием адресанта получить от собеседника неизвестную ему информацию. А побуждение передается при помощи императива и т. д. А если адресант использует для РА не соответствующую ему грамматическую структуру, например вопрос о возможности адресата совершить действие вместо побуждения его к выполнению этого действия, такой РА автор называет косвенным [Серль 1986].

Побудительные речевые акты (ПРА)

В работах А. Вежбицкой и М.Я. Гловинской [Гловинская 1993] предлагается описывать РА через семантику интерпретирующих их глаголов. В статье М.Я. Гловинской представлена группировка синонимических и квазисинонимических глаголов с одинаковыми или близкими иллокутивными целями. Иллокутивным глаголам, которые составляют ядро своей группы, дается толкование. Группа «команды» содержит глаголы *приказывать/приказать, требовать/потребовать* и др.

Теория речевых актов сильно повлияла на изучение диалогической речи, на трактовку сцепления реплик в диалогические единства. Для описания механизма сцепления РА участников диалога был введено понятие «иллокутивное вынуждение», представляющее некоторое негласное социальное правило, по которому вопрос требует ответа, приветствие – ответного приветствия и т. д. [Баранов, Крейдлин 1992]. Иницирующий акт связан исключительно с интенциями самого говорящего. Значение реактивного РА определяется иллокутивным назначением предшествующей реплики. Отсюда следует, что когда один собеседник совершает РА общего вопроса, он автоматически побуждает другого на использование РА подтверждения или опровержения.

Побудительность как грамматическая категория анализируется во многих работах [РГ 1980; Беляева 1992; Формановская 1994; Храковский, Володин 1986; Шаронов 2016 и др.]. Побудительными называются предложения, в которых говорящий или адресант побуждает кого-либо к совершению определенного действия. Дж. Серль [Серль 1986] трактует побудительный РА как попытку со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил.

Побудительный РА (далее – ПРА) может служить для выражения более детальных коммуникативных подвидов: РА просьбы, предложения, приказа, совета и т. д. Подвиды ПРА рассматриваются во многих работах, например в исследовании Е.И. Беляевой [Беляева 1992],

Н.И. Формановской [Формановская 1994] и др. В этих работах классификация подвидов побуждения строится на основе получения выгоды от результата действия и способа побуждения. На основе взаимодействия двух указанных факторов авторы делят все подвиды побуждения на реквестивы, облигативы и адвисивы.

1. Реквестивы: сюда входят *просьба, мольба, упрашивание* и др. В этой группе выполнение побуждаемого действия выгодно для адресанта. При этом адресант не имеет влияния на собеседника и опирается исключительно на социальную установку взаимопомощи между людьми. Поэтому адресат занимает высокое положение и у него есть свобода выбора: согласиться совершить или отказаться от совершения действия.

2. Облигативы: сюда входят *приказ, требование, распоряжение, разрешение* и др. В этой группе выполнение побуждаемого действия чаще всего выгодно для адресанта. Адресант имеет влияние на адресата, опирается на власть и силу. Поэтому адресату необходимо выполнить действие, чтобы не нарушить предварительную договоренность и не получить порицание/наказание. Результат действия в случае *разрешения и запрещения* выгоден адресанту.

3. Адвисивы: сюда входят *совет (рекомендация), приглашение, увещание* и близкие им акты. Совершение побуждаемого действия выгодно для адресата. Адресант авторитетен в вопросе полезности действия для адресата, но не имеет социальной власти. Поэтому адресат имеет свободу выбора.

Данная классификация страдает определенной схематичностью, в результате которой конкретные подвиды побуждения не получают детального описания. С нашей точки зрения, каждый подвид побуждения должен рассматриваться в рамках определенной побудительной ситуации, включающей анализ стереотипных моделей, используемых в данном подвиде, и стереотипных реакций на данный подвид побуждения.

Введение РА команды

Особенность коммуникативной ситуации команды (устного приказа) заключается в предварительной социальной заданности ролевой структуры. Е.Г. Которова [Которова 2016] пишет, что РА приказа отличается от других в некоторых аспектах, в первую очередь тем, что представляет собой достаточно узкий, ограниченный круг репликовых слов и сочетаний. РА приказа и реакции на них имеют место в ситуации, когда собеседники состоят в отношениях власти – подчинения. Отвечающий на приказ находится в более слабой, уязвимой, зависимой позиции; его свобода действий ограничена. Исследователь

предлагает различать РА просьбы и приказа (команды) именно по признаку «свобода выбора». В несвободной, формальной обстановке, характерной для РА команды, говорящий вынужден следовать официальным процедурам, соблюдать установленные для него правила: совершать установленные действия (жесты), произносить определенные слова. Закрепление избранных формул в кодексах, уставах, а также усиленное социальное давление приводят к сужению круга и фиксации дозволенных речевых формул.

Мы определяем ситуацию использования команды как устного приказа в дискурсе силовых структур, связанном с жесткой иерархией и обязательным выполнением требований старших по званию лиц младшими по званию, а также частично в спортивном дискурсе.

Е.И. Беляева [Беляева 1992] пишет, что для коммуникативных ситуаций команды заранее определяются роли собеседников: командир – подчиненный, босс (директор) – сотрудник, тренер – спортсмен и др. Учитывая зависимое положение одного из коммуникантов, следует уточнить, что согласие в ответ на команду – условная формулировка.

Коммуникативная ситуация команды

Ситуация команды в силу предопределенности отношений между коммуникантами имеет меньше компонентов. Вводные слова и вопросительные постчастицы в коммуникативной ситуации команды отсутствуют. Ситуация формируется на базе побудительного РА и реакции на него. Е.И. Беляева [Беляева 1992] пишет, что РА команды – это один из типов речевых действий, при котором адресант обращается к адресату с требованием совершения побуждаемого действия с требовательной интонацией. Высказывание обычно произносится с особой повелительной интонацией и громким голосом.

Типовые грамматические конструкции выражения РА команды:

- 1) императив совершенного вида (СВ) или несовершенного вида (НСВ);
- 2) инфинитив;
- 3) глагол в форме 2-го л. буд. врем.;
- 4) побудительное междометие.

1. Выражение РА команды с помощью *«императива СВ или НСВ»*.

Императивное предложение в СВ используется при требовании совершения как немедленного, так и отложенного действия. Императивное предложение в НСВ – для совершения немедленного действия.

Императив СВ: требование совершения немедленного действия:

– **Поднимите** руки вверх, – сказал бритый господин. – *Есть! Офицеры подняли руки (В. Пелевин. Чапаев и пустота)*¹.

Требование совершения отложенного действия:

– *Идите на батарею, – зло говорит командир полка, – и скажите* вашему командиру, чтобы он таких донесений больше не посылал (Б. Окуджава. Будь здоров, школяр!).

Императив НСВ: требование совершения немедленного действия:

– Почему я слышу артиллерийскую стрельбу? **Выполняйте** приказ! (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

2. Выражение РА команды с помощью конструкции «(приказываю) + инфинитив и инфинитивного предложения».

Конструкция «(приказываю) + инфинитив и инфинитивного предложения». При подаче команды чаще используется в форме СВ. Формы НСВ используются для побуждения к совершению многократных действий. Например:

«Приказываю + инфинитив»:

– **Я приказываю остановиться...** Куда же вы? Одумайтесь, вы же подписываете себя смертный приговор (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

– **Передать** артиллеристам – пусть тоже делают ложные позиции. А основные **замаскировать** так, чтобы в упор не видно было! (М. Бубеннов. Белая береза).

3. Выражение РА команды с помощью глаголов в форме 2-го л. буд. врем.:

Эта команда имеет вид инструкции и может описывать как одно, так и несколько последовательных действий, необходимых для выполнения: Например:

– Дети плохо знают по-русски; вы **займетесь** с ними этим предметом. Все понятно? (Ю. Жадовская. В стороне от большого света).

– **Значит так!** На аэродроме вы **возьмете** такси и немедленно **приедете** ко мне (А. Шмеман. Дневники).

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

4. Выражение РА команды с помощью «*побудительных междометий*».

Такие команды используются в обычной речи носителей русского языка.

Д.Н. Шмелев [Шмелев 2002] пишет, что среди них можно отметить первичные и вторичные междометия. Первичные междометия используются для

– команды немедленно замолчать, говорить тише: *Тс!*, *Чи!*, *Тш!* и др. Например:

– *Чи-ш-ш!* – произнес Нунан шепотом. – Ради бога, не так громко (А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине).

– *Тш!* – зашипела барыня и, загородив костлявой рукой рот старика, вскочила и дверь квартиры заперла на ключ (Г. Данилевский. Воля).

– для призыва, отгона животных и управления ими: *кис-кис*, *цып-цып*, *тега-тега*, *брысь*, *кыш*, *тпру* и др. Например:

– А ну-ка, котик, *брысь* отсюда (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

– *Пыль рассеивается* – на лужайке шестерка прекрасных коней, в полной упряжке. Они очень веселы, бьют копытами, ржут. – «*Тпру!* – кричит фья. – *Назад! Куда ты, демон! Балуй!*». Лошади успокаиваются (Е. Шварц. Золушка).

Л.В. Щерба [Щерба 1974] пишет, что вторичные междометия используются как:

– команда остановки, прекращения или завершения деятельности: *ша*, *стоп!*, *баста!*, *хорош!*, *спасибо!*, *всё-всё!*, *хватит!*; *спасибо!* Например:

– *Мария!* – **Всё-всё**, молчу. Вот только последний вопрос (Н. Абгарян. Всё о Манюне).

– *Да идите же!* – и тянул меня за рукав. – **Стоп!** А где «Мираж»? (Б. Житков. Мираж).

– как команда поторопиться, делать что-либо быстрее: *живей*, *быстрее!*, *шустрее!*, *смелее!* Например:

– В полутьме мелькали какие-то быстрые тени, вспыхивали мутным светом чьи-то глаза. – **Быстрее!** – закричал Горлонос. – Вы их упустите! (М. Тырин. Будет немножечко больно).

– Немедленно поймай мальчика, – заверещала Марина Степановна, закрывая дверь в коридор, – *живей*, пока он себя не поранил (Д. Донцова. Микстура от косоглазия).

Коммуникативы принятия команды к исполнению

Сигналы понимания команды и готовности их выполнить имеют жестко регламентированный характер. Они включают следующие коммуникативы: «*Есть*», «*Слушаюсь*», «*Разрешите выполнять*», «*Будет сделано*». Это формулы, используемые в коммуникации подчиненного с начальством в таких структурах, как армия, полиция, служба охраны и тому подобное.

«Есть»

Словарь Ефремовой причисляет стереотипную реплику «*Есть*» к частицам: «IV част. Употребляется в речи военных как ответ подчиненного, соответствуя по значению сл.: команда понята и принята к исполнению!»

Коммуникатив «*Есть*» неуместен в бытовых ситуациях (исключение составляют ироничные, шуточные случаи употребления). «*Есть*» нередко используется в близких военным, строгих по структуре организациях, таких как полиция и служба охраны. Однако подобные употребления нельзя назвать регулярными, в большинстве письменных источников они запечатлены с оговоркой «по-военному». Иными словами, у коммуникатива «*Есть*» – прочная ассоциация с армией. Например:

- *И чтоб в зале я тебя не видел! – Есть!* – по-военному отозвался охранник (А. Житков. Супермаркет).
- *Командовать вами будет товарищ Маргарита. – Есть!* – отозвалась наша вожатая. – *Всем все ясно? – выпучился Гарегин Сергеевич (Н. Абгарян. Всё о Манюне).*

Важной регламентированной составляющей ответа на команду является сопровождающий ответ жест, описываемый как *отдать честь, козырнуть, взять под козырек*. Военный прикладывает руку с вытянутыми пальцами к козырьку головного убора. Данный жест может использоваться также как военное приветствие. Ср.:

- Передать артиллеристам – пусть тоже делают ложные позиции. А основные замаскировать так, чтобы в упор не видно было! <...> – Есть!* – козырнув, ответил Лозневой (М. Бубеннов. Белая береза).

«Слушаюсь»

Близкий данному коммуникативу «*Слушаю*» в XIX в. был распространен не только среди военных, но также среди гражданских лиц, однако в современной коммуникации устарел, хотя словари по-прежнему фиксируют это значение. Толкование слова «*слушаюсь*» было обнаружено в двух толковых словарях русского языка: в Малом академическом словаре и словаре Ожегова. Первый источник в статье о глаголе «*слушаться*» предлагает следующее определение: «*Слушаю и (устар.) слушаю-с. Ответ младшего или подчиненного лица на распоряжение, означающий, что оно принято к исполнению. [Лопухин:] И квасу мне принесешь. [Дуняша:] Слушаю. (Чехов, Вишневы сад); [Атуева:] Коли приедет дама, ты звони два раза. [Тишка:] Слушаю-с. (Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского)*». Толкование «*Слушаюсь*» почти идентично определению коммуникатива «*Есть*», за исключением того, что в нем снято ограничение на использование подчиненными вне армейской среды.

В целом коммуникатив «*Слушаюсь*» распространен среди военных, хотя и, менее популярен, чем обязательный по протоколу «*Есть*». «*Слушаюсь*» в отличие от «*Есть*» используется в большей степени работниками полиции и службы охраны. Ср. диалог, описывающий коммуникацию полицейских:

– Вот что, товарищ Фомин, – сказал полковник, – этим делом займется вы. <...>. – Слушаюсь! – Лёня встал и вышел из кабинета (М. Сергеев. Волшебная галоша).

Собранный в НКРЯ материал показывает, что, сходно с коммуникативом «*Есть*», «*Слушаюсь*» может использоваться для реагирования как на прямые, так и на косвенные РА. Ср.:

– Никаких бандеролей! Только нарочными! Сорок или пятьдесят человек... передавать из рук в руки, ехать электричками или попутками! Чтобы не смогли отследить всю цепочку! – Слушаюсь! (С. Шуляк. Шпион).

Ограничение в использовании «*Слушаюсь*» касается использования команды по отношению к одному конкретному лицу (непосредственно собеседнику). Представляется маловероятной замена коммуникатива «*Есть*» на «*Слушаюсь*» в следующем диалоге, где изображена коммуникация командира с группой, с многочисленным вооруженным отрядом:

Стрелять в живых людей строго воспрещается. Только в случае самообороны или крайней необходимости, по команде. Приготовься! – Есть!.. (А. Богданов. Федор Шуруп).

Жест «отдать честь», или «kozyрнуть», подробно рассмотренный нами в связи с коммуникативом «Есть», может сопровождать и употребление коммуникатива «Слушаюсь». В первую очередь это актуально для коммуникации военнослужащих, а также сотрудников полиции. В сфере обслуживания, напротив, использование этой небальной единицы не считается уместным.

«Разрешите выполнять»

Коммуникатив «Разрешите выполнять» может сопровождать реплику «Есть» и «Слушаюсь» и в некоторых случаях заменять ее. Чаще всего данный коммуникатив произносят, чтобы удостовериться в том, что в присутствии более нет необходимости, коммуникация завершена и исполнитель может идти для выполнения команды, ср.:

– <...> Подбери надежных бойцов, расскажи, как и что надо сделать, и пусть делают. А подробные указания я дам лично перед отправкой. – *Слушаюсь, товарищ майор! Разрешите выполнять?* – Обожди... – Озеров покопался в планшетке, вытащил небольшую книжечку. – Вот это о разведке. Очень полезная, почитай, а потом и действуй (М. Бубеннов. Белая береза).

– Игнат, Гарик, вы продолжаете работать на поиске вампириши. Антон, а вы с Ольгой ищите мальчишку. <...> – *Разрешите выполнять?* – спросил я. – Да, конечно (С. Лукьяненко. Ночной дозор).

Можно сделать вывод, что коммуникатив «Разрешите выполнять» имеет одновременно две функции: принятия команды к исполнению и прощания.

«Будет сделано»

Использование коммуникатива «Будет сделано» в ответ на команду иногда встречается не только в дискурсе силовых структур, но и в мужской речи гражданского дискурса.

В словаре под редакцией Кузнецова реплика «Будет сделано» толкуется следующим образом: «выражение готовности выполнить распоряжение». Ср. использование коммуникатива в диалоге милиционеров и в диалоге работников гражданского предприятия:

– *Обязательно сделайте фоторобот!* – распорядился Люсин. – Прямо сейчас же свяжитесь с контролем ПМГ и попросите их доставить к нам обеих женщин. – *Будет сделано.* – Глеб подсел к Николаю Ивановичу и снял белую трубку на витом, как пружина, шнуре. – *Вызываю первого!* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы).

корпоративного речевого этикета:

– *Надо вывесить в вестибюле портрет! – Будет сделано!* – кивнула Шура.
(Э. Рязанов, Э. Брагинский. Служебный роман).

Употребление Шурой коммуникатива «*Будет сделано*» нетипично для взаимодействия гражданских лиц, хотя может использоваться лицами, проходившими военную службу.

Использование коммуникатива «*Будет сделано*» не подходит для ситуаций, когда от говорящего требуется действие, к выполнению которого он должен приступить незамедлительно. Такой ответ невозможен на реплику вышестоящего лица «Доложите обстановку» или «Пройдите ко мне в кабинет!». Это же ограничение не позволяет произвести замену коммуникатива «*Слушаюсь*» на коммуникатив «*Будет сделано*» в следующем диалоге:

– *Хорошо, если ты завтра со мною едешь, – строго сказал Пиар, <...>, – то сейчас же отправляйся спать. – Слушаюсь! Будет сделано!* (М. Богатов. Комиссия).

Результаты исследования можно оформить в виде структурной модели коммуникативной ситуации команды, построенной на основе типовых л/г конструкций и коммуникативов принятия команды к исполнению.

Тип коммуникативной ситуации	СТИМУЛ	Тип РА: Лексико-грамматические конструкции	Ответ: Коммуникативы
КОМАНДА	Желание говорящего лица или необходимость	<i>Императив, инфинитив, глагол в форме 2-го л. буд. врем.; побудительное междометие</i>	Принятие команды к исполнению: « <i>Есть</i> », « <i>Слушаюсь</i> », « <i>Будет сделано</i> », « <i>Разрешите выполнять</i> » и др.

Заключение

Итак, в статье на примере ситуации команды были рассмотрены способы формальной реализации коммуникативных ситуаций, состоящих из набора стереотипных элементов. Было продемонстрировано взаимодействие типа речевого акта команды, его типовых грамматических форм и ответных реплик – коммуникативов, маркированных в качестве форм принятия команды к исполнению. Это коммуникативы *Есть*, *Слушаюсь*, *Разрешите выполнять*, *Будет сделано*. Анализ употребления коммуникативов выявил индивидуальные прагматические особенности каждой единицы, влияющие на ее выбор речи.

Литература

- Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Беляева 1992 – *Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. 168 с.
- Гловинская 1993 – *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект (ред. Е.А. Земская). М.: Наука, 1993. С. 158–218.
- Которова 2016 – *Которова Е.Г.* Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1. С. 65–77.
- Остин 1962 – *Остин Дж.Л.* Чувство и чувствительность. Оксфорд; Нью-Йорк: Изд-во Оксфордского ун-та, 1962. 144 с.
- РГ 80 – Русская грамматика: [В 2 т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / [Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова и др.]. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Сёрль 1986 – *Сёрль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–187.
- Формановская 1994 – *Формановская Н.И.* Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5–6. С. 34–40.
- Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 186 с.
- Шаронов 2016 – *Шаронов И.А.* Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 15. М.: РГГУ, 2016. С. 538–547.
- Шмелев 2002 – *Шмелев Д.Н.* К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 336–349.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* О «диффузных» звуках // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 147–149.

Описание современного речевого этикета

УДК 81'373=161.1

ББК 81.2Рус-3

В.А. Савенкова

Стереотипные формулы выражения благодарности в современном русском речевом этикете

В статье рассматриваются микродиалоги с речевым актом благодарности и описываются стереотипные формулы благодарности в современном русском речевом этикете с точки зрения их прагматических различий. Материал исследования – примеры употребления формул – был взят из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Ключевые слова: иллокутивный акт, речевой этикет, диалогическое единство, благодарность

Речевой этикет – это неотъемлемая часть диалогической речи, служащая для гармоничной и успешной коммуникации между людьми. Русский речевой этикет стал предметом исследования лингвистов во второй половине прошлого века, и с тех пор интерес к изучению этикетных формул только рос. Тем не менее с тех пор жизнь носителей языка значительно изменилась: разрушилась прежняя социальная структура общества и появилась новая, начали стремительно развиваться технологии, появилась глобальная сеть Интернет. Все эти факторы не могли не повлиять на разговорную речь. Под влиянием молодежного жаргона и виртуального общения роль формального стиля постепенно ослабевает, многие этикетные выражения, актуальные для конца XX в., устаревают, возникают новые. В частности, изменениям подверглись этикетные формулы благодарности. Исходя из вышесказанного, лингвисты сталкиваются с недостатком полного описания современных формул благодарности как части русского речевого этикета. В данной статье мы попробуем сделать шаг к решению этой проблемы.

Речевой этикет в «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакай определяет как

...систему языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией¹.

Речевой акт «благодарность» входит в классификацию иллокутивных актов, которая основывается на теории речевых актов Джона Остина. Ключевым понятием этой теории является «перформатив» – высказывание, которое является выполнением действия и не может расцениваться как истинное или ложное [Остин 1986].

Теорию речевых актов развивал Джон Сёрль. Согласно его классификации, речевые акты благодарности попадают в класс экспрессивов. Используя экспрессив, говорящий не имеет намерения констатировать какое-либо событие или побудить слушающего к какому-либо действию, но выражает с той или иной степенью искренности некие эмоции по отношению к слушающему, его действиям или результатам этих действий [Сёрль 1986].

Речевой акт благодарности используется в основном в диалогической речи. Единицей диалога принято считать предложенное Н.Ю. Шведовой понятие «диалогическое единство» (ДЕ) – коммуникативная единица диалога, состоящая из сочетания реплик, взаимообусловленных семантически и структурно [Шведова 1960, с. 281]. Схожим понятием является микродиалог – элементарная единица диалогической речи, состоящая из стимулирующей и реактивной реплик². Реплика-стимул, или иницилирующая реплика, открывает диалогическое единство и задает тему дальнейшей коммуникации. Благодарность является реактивным актом, т. е. ответом на действие собеседника. Е.В. Падучева в статье «Прагматические аспекты связности диалога» пишет об иллокутивной связности реплик в диалогической паре: «Первый тип прагматических связей — это связи между речевыми актами, в состав которых входят соотносительные реплики, т. е. естественные связи, в силу которых, например, за вопросом должен следовать ответ» [Падучева 1982, с. 306].

---

¹ Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-Пресс, 2001. С. 3.

² Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство «ИКАР», 2009. С. 134.

Как правило, диалогическое единство с формой благодарности состоит из трех элементов: некое действие собеседника (речевое или неречевое), благодарность говорящего и ответ на благодарность:

– Вот, я хочу вам подарить. – Роза поднимается с дивана, ступает в тень, к книжной полке, вытягивает из толпы томов тонкую глянцевую книжницу. – Это мой собственный перевод Ахматовой. – Спасибо. – Не за что³ (С. Шаргунов. Уйти по-английски).

Наиболее типичной этикетной формулой выражения благодарности в русском языке является коммуникатив *спасибо*.

Коммуникативы, или релятивы, – это короткие ответные реплики диалога, единицы одновременно речи и языка. Такие реплики необходимы для структурирования диалога и формирования взаимопонимания в диалогической речи [Шаронов 2017, с. 114–127]. Приведем толкование «спасибо» из Большого универсального словаря русского языка: «Этикетное слово, с помощью которого в разговоре или в письме выражает кому-л. благодарность, признательность за что-л. даваемое, предоставляемое или данное, предоставленное»⁴.

Комбинаторика слова «спасибо» в словарях ограничена: как правило, встречаются формы «большое/огромное спасибо», «спасибо на добром слове» и «спасибо за внимание». Неполноту этих словарных статей можно объяснить тем, что данные словари были созданы для носителей русского языка, для которых различия подобных этикетных формул очевидны и интуитивно понятны. Иностранцам, например, изучающим русский язык, сложно прагматически различить некоторые формулы благодарности, что может повлечь некорректное использование тех или иных выражений.

Как любые этикетные единицы, формы благодарности имеют яркую национальную специфику и отличаются в семантическом и прагматическом планах в разных языках и культурах. Как мы выяснили, благодарность – это реактивный акт, и для носителя русской лингвокультуры важно адекватно соотносить качество действия, за которым должна следовать благодарность, и интенсивность выражения признательности: если благодарность будет превышать значимость действия, принимающий благодарность может смутиться или даже посчитать излишнюю любезность издевательством; недостаточность благодарности может быть расценена как грубость, охлаждение в отношениях или их разрыв.

³ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

⁴ Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2023. С. 1152.

Для исследования были выбраны стереотипные единицы благодарности, наиболее часто используемые носителями русского языка в современной (с начала 2000-х гг. до наших дней) речи. Частично данные брались из «Словаря русского речевого этикета» А.Г. Балакай и пособия «Русский речевой этикет» А.А. Акишиной и Н.И. Формановской⁵, частично собирались методом наблюдения из социальных сетей, форумов, личных чатов.

В итоге мы отобрали 18 единиц: *спасибо, спасибо большое, спасибо огромное, благодарю, я вам так/очень признателен/благодарен, я у вас в долгу, я ваш должник, спасибо на добром слове, спасибо за всё, благодарствую, ой, спасибо, спасибочки, мерси, вот спасибо, ну спасибо, спасибоки, и на том спасибо, спасаешь/спасаете (ты меня спасаешь/вы меня спасаете).*

На данный момент не существует единой общепринятой классификации речевых актов благодарности. Мы сочли нужным указать два принципа разделения подобного рода стереотипных единиц: гнездовой и стилистический.

В своем словаре А.Г. Балакай использует алфавитно-гнездовой принцип. Однокоренные единицы, согласно этому способу, группируются вокруг ключевого слова. Так, в часть с ключевым словом *спасибо* включены такие выражения, как: *спасибо Вам (тебе); спасибо за совет; спасибо на хлебе, на соли да на добром слове; спасибочки* и др. Пользуясь этим методом, мы создали такую версию классификации стереотипных формул благодарности:

Лексическое гнездо «спасибо»: *спасибо; спасибо большое; спасибо огромное; спасибо на добром слове; спасибо за всё; ой, спасибо; спасибочки; спасибоки; мерси; вот спасибо; ну спасибо; и на том спасибо*

Лексическое гнездо «благодарю»: *благодарю, я вам так/очень признателен/благодарен*

Выражение благодарности через другие косвенные акты: *я у вас в долгу, я ваш должник, век не забуду, спасаешь/спасаете (ты меня спасаешь/вы меня спасаете)*

Стилистическое разделение единиц речевого этикета подразумевает классификацию на основе теории функциональных стилей речи. На основе этого метода мы разделили стереотипные этикетные формулы на такие категории:

Нейтральные способы выражения благодарности: *спасибо, спасибо большое, спасибо огромное*

⁵ Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1978. 183 с.

Формальные способы выражения благодарности: *благодарю; я у вас в долгу; я ваш должник*

Неформальные способы выражения благодарности: *спасибо на добром слове; спасибо за всё; благодарствую; ой, спасибо; спасибочки; мерси; спасибоки; спасаешь/спасаете (ты меня спасаешь/вы меня спасаете)*

Иронические формы: *вот спасибо; ну спасибо; и на том спасибо*

Описание коммуникатива неразрывно связано с интенцией иницирующей реплики.

Как уже было сказано, мы рассматриваем не просто речевой акт благодарности, а микродиалоги со структурой «благодаяние – благодарность – ответ на благодарность (вариативно)».

Прагматический анализ использования той или иной реплики предполагает внимание к типу благодаяния (вербальное – невербальное), качеству, ожиданиям благодаяния и некоторым другим оценкам благодаяния со стороны говорящего лица.

Анализ квазисинонимического ряда подобных формул демонстрирует различия ситуаций их использования и дает важные прагматические уточнения их употреблений.

Наше исследование основывается на поиске прагматических различий между этикетными формулами благодарности в русском языке на основе метода синонимических замен.

Самой частотной и универсальной формулой выражения благодарности в русском языке является единица *спасибо*. Стилистическая нейтральность делает область ее использования практически безграничной: выражение признательности за помощь, оказание услуги, подарок, комплимент, ответ на вопрос, приглашение, поздравление, пожелание, выполнение просьбы.

А у меня дочь родилась. Дашка. – Поздравляю. – **Спасибо** (А. Геласимов. Ты можешь);

Родители ведь не знают про твои увлечения? Кешка помотал головой. – Значит, скажешь сам, когда захочешь. Я, знаешь, чужие секреты не выдаю. – **Спасибо**, – вздохнул Кешка (Н. Дашевская. Скрипка неизвестного мастера);

– Вот, возьмите, это вам. Марина поставила на пол пакет и сверху положила комплект постельного белья. – Ангелочки! – умилилась бабушка. – **Спасибо!** (А. Попова. Ангел на простыне).

Формулы *спасибо большое* и *спасибо огромное* также нейтральны, но выражают несколько большую степень признательности по сравнению со *спасибо*. Иными словами, за дорогой подарок носитель русской лингвокультуры скорее поблагодарит дарителя формулами

спасибо большое или *спасибо огромное*, чем простым *спасибо*. Важен также параметр неожиданности и количество ресурса (сил, времени и т. д.), затраченного на помощь: чем более неожиданной и трудной для исполнителя она была, тем больше будет степень признательности благодарящего и его эмоциональная реакция.

Bonboncita: У меня всегда были очень длинные волосы, причем практически беспроблемные, а тут просто клоками вылезать начали. Я и на воду, и на климат грешу, сейчас пользуюсь лосьоном от выпадения волос Klogane, но пока что результатов нет. Посоветуйте, чем можно подлечить волосы?

ОНА: Можно попробовать капсулы (я знаю, что у Виши бывают, у Рене Фуртюрер), моей подруге очень помогли!

Bonboncita: Надо будет в аптеке поспрашивать про них, **спасибо огромное** (Красота, здоровье, отдых: Косметика и парфюм (форум)).

Первый пользователь столкнулся с проблемой, которая очень беспокоит его. Второй пользователь дал конкретный совет (марку лекарства) и подтвердил его действенность (капсулы помогли подруге), за что первый пользователь ему очень признателен, и потому использует усиленную формулу благодарности.

Формула *благодарю* употребляется обычно в формальной обстановке по отношению к лицу выше по возрасту или статусу. Кроме того, эта формула часто употребляется между военными по отношению к человеку выше по званию:

– Экзамен вы, без сомнения, сдали. Оценку и финальную сумму баллов узнаете завтра, вместе со всеми. Можете идти. – **Благодарю**, господин контр-адмирал! (В. Васильев. Шуруп).

В этом случае использование формулы *благодарю* обусловлено не только формальностью ситуации, но и особенностями лексики военного устава. Другие формулы, даже нейтральные, звучали бы в контексте некорректно.

Формула *я вам очень/так признателен/благодарен* также относится к формальным способам выражения благодарности, но обладает большей эмоциональностью, чем *благодарю*:

– Знакомься, Герка, это Дмитрий Касьянович Сотник, тот самый адвокат, который вызволил тебя. [...] – **Я вам очень признателен**, – сердечно пожал он руку Сотнику (М. Чулаки. Примус).

Особенностью формулы также является более узкий круг употребления, чем у предыдущих. Обычно словами *я вам очень/так признателен/благодарен* выражается благодарность за очень значительную

помощь или услугу; на комплименты, поздравления и пр. так, как правило, не отвечают.

Я у вас в долгу и я ваш/твой должник – это выражения благодарности в виде косвенного акта обещания никогда не забывать о полученной помощи и оказать услугу в ответ, как только она потребуется, т. е. отплатить добром за добро. Они употребляются скорее в формальной обстановке и, как и *я вам очень/так признателен/благодарен*, прагматически ограничены в рамках благодарности за очень серьезную услугу:

– Вот что, Гатлинг, – неожиданно выступил Симпкинс, – вы спасли мне жизнь, и **я у вас в долгу**. Я берусь за это дело. Не прекословьте. Здесь нет никакой жертвы. (А. Беляев. Остров погибших кораблей).

(Банкир) Вы знаете, я не думал, что вам... так быстро удастся решить мои проблемы. (Корнев) А вы считаете, что ваши проблемы решены? (Банкир) Шамана больше нет. **Я ваш должник**. А давайте выпьем! (Кончаловский, Ибрагимбеков, Корецкий. Антикиллер, к/ф).

Стоит отметить, что эти формулы постепенно устаревают. Употребляются они чаще мужчинами.

Формула *спасибо на добром слове* имеет два значения. В прямом значении выражение употребляется как благодарность за комплимент, похвалу, подбадривание, доброе пожелание, т. е. добрые слова:

– Никогда не думал, что операционная сестра может играть такую большую роль. Ей-богу! Благодаря тебе мы сэкономили минут двадцать! – **Спасибо на добром слове!** – просияла польщенная Сашенька (В. Михальский. Одиному везде пустыня).

Спасибо на добром слове также используется в обратном значении как выражение недовольства, осуждения за критику, неуместное или грубое замечание, двусмысленный намек:

– Лариса Семеновна, есть такая теория: чемпион настолько выжигает себя, настолько удовлетворяет свое самолюбие, тщеславию, что на повторный – тренерский – взлет у него уже не остается внутреннего запала. У вас же как у тренера получилась блестящая команда: Наташа Кучинская, Лариса Петрик, Ольга Карасева, потом – Турицева, Корбут, Бурда, Саади, Ким... – **Спасибо на добром слове** (С. Шачин. Королева и ее золото).

Неформальная формула *спасибо за всё* выделяется из квазисинонимического ряда не только очень узким кругом ситуаций использования, но и отсутствием конкретики, за какой именно поступок

говорящий благодарит собеседника. Это выражение используется специфически при прощании, когда говорящий уезжает надолго или навсегда, часто без возможности связываться во время разлуки с теми, с кем он прощается. Используя формулу *спасибо за всё*, адресант обобщенно благодарит за все добро, всю помощь и поддержку, которую ему оказывали:

- А на следующий год, бог даст, свидимся; будет время у вас, так и посидим где немного, родных своих вспомним. Всего доброго вам. – И вам всего доброго, – ответил он, улыбнувшись грустно. – И **спасибо за все**. А я прилечу. Обязательно (А. Крамер. О скитальцах и странниках);
- Что ж, прощайте, Дмитрий Родионович! – обернувшись, хриплым голосом бросил он. – **Спасибо за все...** – Вам спасибо! – горячо отозвался Катин родственник (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»).

Благодарствую – это устаревшее выражение благодарности, которое сейчас в прямом значении употребляется в основном или пожилыми людьми, или для придания ситуации торжественности. Также может выражать высокую степень признательности из-за возвышенного оттенка:

- Скажите, Нил Степанович, а как дома, как работаете? Как со здоровьем? Что Наталья Владимировна? – Жаловаться пока не приходится, **благодарствую**, – ответил Игнатов, вежливо наклонив голову и подумав, что разговор вновь не получился и пора вставать и раскланиваться (П. Проскурин. Число зверя. Часть первая).

Формула также может быть использована в молодежном жаргоне в шутовом значении:

[Халява] Передай хлеб там.

[Скелет передает ему хлеб] **Благодарствую** (А. Рогожкин. Блокпост).

В отдельных случаях *благодарствую* используется в ироническом смысле как способ показать неискренность благодарности, скрытую за оттенком пафоса:

- Слушаюсь, господин генерал-лейтенант, – нарочито официально ответил Гуров и поднялся со стула. – Мог бы и спасибо старику сказать, – пробурчал себе под нос Орлов, глядя в спину уходившему полковнику. Тот обернулся в дверях. – **Благодарствую**, ваше высокопревосходительство! (Н. Леонов. Лекарство от жизни).

Спасаетшь/Спасаете (Ты меня спасаетшь/Вы меня спасаете) – это неформальная благодарность за помощь, причем неожиданную, срочную и очень необходимую. В других случаях (например, в ответ на комплимент) эти выражения употребляются редко:

– Запиши адрес... Там коммуналка, назовешься моей сестрой откуда-нибудь... Из Витебска, к примеру. У меня и в самом деле в Витебске родня, двоюродная сестра замужем за каким-то занюханым местным коммерсантом. Вот и скажешь, что приехала с мужем в Москву. Впрочем, я позволю соседям, чтобы не чинили препятствий... – Ой! – расцвела Ирина. – **Ты меня спасаетшь!** (*Л. Корнешов. Газета.*)

Формула *ой, спасибо* употребляется в ответ на неожиданную похвалу, небольшую помощь, комплимент в неформальной обстановке. Важно, что услуга должна быть не очень значительной, так как это выражение часто произносят бегло, не акцентируя на нём внимания. Его можно считать скорее женским:

Толик: А это тебе, как обещал, карандаши.

Люся: **Ой, спасибо...** (Белый Бим, Черное ухо, к/ф).

Спасибочки и мерси – это молодежные неформальные благодарности, использующиеся во многих ситуациях, таких как оказание услуги, небольшой подарок, ответ на комплимент, совет, поздравление, пожелание и др. Употребляются чаще или знакомыми женщинами при личном общении, или при общении в Интернете:

Пользователь: Мне почему-то кажется, что все у вас хорошо будет. Мечта ваша заветная осуществится.

Нюрашка: Ритулечка, **спасибочки** за теплое пожелание: (Беременность Планирование беременности (форум));

– Я все сделал. Ноу проблем! – крикнул, обернувшись издалека, Олег. – **Мерси**, – кивнула Ева, не удивившись, будто они были на радиосвязи (*Е. Родченкова. Евления.*)

Похожей по прагматике является формула *спасибки*, но она свойственна скорее общению на форумах или в социальных сетях:

Verruckte: Кстати, не подскажите как называется песня из рекламы с соком «Добрый», если не ошибаюсь... она еще из французского фильма с Пьером Ришаром...

Vladimir Cosma: Le Jouet. Чудесная.

Verruckte: **Спасибки!!!** (Рекламные ролики на TV (форум)).

Существует пара схожих по значению формул – *ну спасибо* и *вот спасибо*. Оба они имеют прямое значение, обозначающее благодарность за долгожданную или, наоборот, неожиданную помощь:

И он бросился к ней, к ее животу, к милому опухшему лицу (Гуля, Гуля!), осторожно обнял... – Я так устала, папа... – выдохнула она. И он все повторял как заведенный свое «боже-боже», пока метался на кухню за портмоне, вначале не нашел его (оказалось, – в кармане пиджака, а там единственная крупная купюра... да не важно! – и рукой таксисту: «Неважно, неважно, бери-уезжай!»). – **Ну, спасибо**, мужик... – обескураженно произнес водила, трогая и головой покрутив на радостях. (*Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын*).

– Я договорилась насчет комнаты. – **Вот спасибо**. (*С. Довлатов. Заповедник*);

а также значение ироническое как выражение недовольства, осуждения, возмущения:

– Да не обзывал я! – По-твоему, я всё это выдумала? По-твоему, я вру? **Ну, спасибо**. На старости лет меня лгуньей обзывают. Спасибо, зятёчек (*О. Селедцов. Танго с феминистками*);

– Представь, что было бы, если б Марцелл все же пришел, но ничего у него не вышло. Знаешь, что такое гнев униженных и оскорбленных? – Догадываюсь. – И я вовсе не про тебя говорю. – **Вот спасибо**. – Не за что (*Виктор Чигир. Марцелл*).

Формула *и на том спасибо* не имеет значения прямой благодарности и не используется для того, чтобы показать искреннюю признательность собеседнику. Это саркастическая благодарность, выражающая одновременно общее недовольство ситуацией или словами собеседника и удовлетворение, иногда неискреннее, за некоторые положительные моменты сложившейся ситуации:

И вы тоже каждый раз беспечные, всегда думаете, что именно вы до пенсии доживете. Ты-то хоть доживешь? – Игорь Васильевич серьезно посмотрел на Игоря. – Я-то откуда знаю? – зло спросил Игорь. – Вроде собираюсь. Вешаться тоже мыслей нет. – Ну, **и на том спасибо**, – сказал Игорь Васильевич почему-то с сарказмом (*А.Б. Сальников. Отдел*).

За последние тридцать лет русский речевой этикет претерпел значительные изменения, и необходимость описания актуальных этикетных единиц стала важной научной проблемой. В ходе данной работы были описаны стереотипные формулы выражения благодарности

в современном русском речевом этикете. Было выяснено, что речевой акт благодарности относится к экспрессивам и является реактивным актом микродиалога «благодеение (вербальное или невербальное) – благодарность – ответ на благодарность (вариативно)». На основе данных словаря и пособия речевого этикета, а также методом наблюдения за речью молодых людей, активностью в социальных сетях и на форумах мы отобрали 18 стереотипных единиц выражения благодарности. Основываясь на иллюстративных примерах 2000–2020-х гг. из НКРЯ, мы проанализировали употребление данных единиц, выявив их прагматические различия и обозначив их в описании к каждой формуле.

Литература

- Остин 1986 – *Остин Д.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 21–128.
- Падучева 1982 – *Падучева Е.В.* Прагматические аспекты связности диалога // Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.
- Сёрль 1986 – *Сёрль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–193.
- Шаронов 2017 – *Шаронов И.А.* Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 114–127.
- Шведова 1960 – *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 377 с.

А.С. Мамонова

Формулы моральной поддержки в диалогической речи

Статья посвящена формулам моральной поддержки, а именно формулам успокоивания, поддержки/подбадривания и соболезнования/сочувствия в диалогической речи. Автор подробно описывает некоторые из наиболее употребительных формул моральной поддержки, их различия и специфику использования, а также приводит примеры их употребления в диалогической речи (большинство примеров, используемых в статье, взято из Национального корпуса русского языка). Особое внимание в статье уделяется грамматической форме, лексическому составу и «национальной специфичности» некоторых формул моральной поддержки. Также в статье приводятся списки собранных автором формул моральной поддержки, составленная им классификация типов переживаний собеседника и выявленные им основные тактики успокоивания и поддержки. Автор приходит к выводу о важности и необходимости подробного исследования и описания формул моральной поддержки ввиду малой изученности данной темы.

Ключевые слова: речевой этикет, формулы моральной поддержки, диалогическая речь, речевые акты, интенция, тактики успокоивания и поддержки

Русский речевой этикет является важной частью нашего повседневного общения. В диалогической речи ежедневно используются разные стереотипные этикетные формулы, например приветствия, прощания, просьбы, извинения; с их анализом мы можем ознакомиться прочитав работы Т.Г. Михальчук «Русский речевой этикет» [Михальчук 2016], Ренате Ратмайр «Прагматика извинения» [Ратмайр 2003] и др. Однако, помимо вышеприведенных формул, в диалогической речи встречаются этикетные формулы успокоивания, поддержки и соболезнования/сочувствия в ситуациях, когда нужно успокоить человека, выразить соболезнование, проявить сочувствие, утешить или подбодрить. Качественный анализ и подробное описание данных этикетных формул практически отсутствуют.

Чтобы лучше понять и проанализировать интересующие нас этикетные формулы, необходимо определить, какое место речевой этикет занимает в повседневной диалогической речи и какую функцию выполняет.

Речевая коммуникация представляет собой взаимодействие людей, общение, направленное на обмен информацией. Диалог – это часть речевой коммуникации, «текст, создаваемый двумя людьми» – говорящим и слушающим (диалогическая пара), которые в процессе общения постоянно меняются ролями и порождают иницирующие реплики и реактивные.

В диалоге реализуются речевые акты, они описываются в нарративе при помощи глаголов речевых актов (далее – РА). Любой РА содержит в себе коммуникативное намерение говорящего. Дж. Остин, основатель теории РА, выделяет три составляющие РА: локуция (сам акт «говорения»/произнесения), иллокуция (коммуникативное намерение говорящего) и перлокуция (эффekt, который достигается в результате совершения РА) [Остин 1986, с. 87–88]. Иллокуция – самая важная составляющая РА при его анализе и описании.

Большую роль в диалогической речи играет стереотипность ситуаций, которая отражается в стереотипных речеактных единицах, называемых «формулами». В повседневной речи они доведены до автоматизма и реализуются в разных коммуникативных ситуациях.

Диалоги ситуативны и регулярны, ежедневно повторяемы, в результате чего появляются стереотипные коммуникативные ситуации (фреймы, ритуалы), включающие в себя стереотипные действия собеседника (ответы, реакции и т. д.), относительно устойчивые типы высказываний (речевые жанры [Бахтин 1997]), а также стереотипные формулы. Стереотипные ситуации могут включать в себя такие диалогические единства, как «вопросы и ответы на них», «сообщения об успехах и поздравления» и многие другие.

Вежливость – это часть речевой коммуникации, необходимая для гармоничного общения. Понятие «вежливость» связано с термином «речевой этикет». Н.И. Формановская, исследователь в области речевого общения и этикета, понимает под речевым этикетом

...регулирующие правила речевого поведения, систему национально-специфичных, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности [Формановская 1987].

Именно речевой этикет и вежливость регулируют диалог, помогают коммуникантам достичь успешного взаимодействия.

Известно, что слова обладают как губительной, так и целительной силой. Лиза Ф. Барретт, профессор психологии, нейробиолог, исследующий эмоции, пишет следующее: «Сила слов – не метафора. Слова других людей имеют прямое влияние на мозговую деятельность и системы вашего тела, а ваши слова имеют такое же влияние на других людей»¹. РА успокаивания, поддержки, соболезнования/сочувствия относятся к классу экспрессивов, то есть они способны выражать психологическое состояние говорящего, а также оказывать эмоциональное воздействие на адресата [Сёрль 1986, с. 183]. Схематические конструкции РА успокаивания, поддержки и соболезнования/сочувствия можно представить следующим образом:

Х успокаивает Y в ситуации S посредством C, где X и Y – коммуниканты, S – коммуникативная ситуация, C – этикетные формулы успокаивания. Y находится в состоянии эмоционального возбуждения вследствие ситуации S – случившегося негативно оцениваемого события, либо ожидаемого негативно оцениваемого события. Задача X-а – вернуть Y-а в спокойное состояние.

X поддерживает Y в ситуации S посредством C, где X и Y – коммуниканты, S – коммуникативная ситуация, C – этикетные формулы поддержки. Y находится в подавленном эмоциональном состоянии вследствие ситуации S – случившегося негативно оцениваемого события, либо ожидаемого негативно оцениваемого события. Задача X-а – подбодрить Y-а.

X выражает соболезнование/проявляет сочувствие (к) Y-у в ситуации S посредством C, где X и Y – коммуниканты, S – коммуникативная ситуация, C – этикетные формулы соболезнования. Y находится в подавленном состоянии вследствие ситуации S – случившегося негативно оцениваемого события. Задача X-а – проявить эмпатию к Y-у.

Довольно часто в данных ситуациях Y (адресат) плачет, поскольку он расстроен/испуган/обеспокоен/взволнован и т. п.

Главное отличие РА моральной поддержки – их интенция. Интенция РА успокаивания – привести собеседника в состояние спокойствия. Интенция РА поддержки – подбодрить собеседника, вселить в него уверенность и надежду. Интенция РА соболезнования/сочувствия – проявить эмпатию к собеседнику.

---

¹ Лиза Ф. Барретт. Семь с половиной уроков о мозге // Сайт «Моноклер». URL: <https://monocler.ru/sila-slova-kak-drugie-vliyayut-na-nash-mozg/> (дата обращения 20.09.2024).

Успокаивание

Существует определенное условие для реализации РА успокаивания – это наличие коммуникативной ситуации (S) – случившееся с собеседником негативно оцениваемое событие, либо ожидаемое собеседником негативно оцениваемое событие. Тем самым РА успокаивания, реализованный в диалоге при помощи тех или иных этикетных формул, будет являться реакцией на коммуникативную ситуацию (S) – внешние (внеязыковые) негативные события в жизни собеседника, а также на его вербальные или невербальные действия. Поэтому РА успокаивания является ситуативно обусловленным и реактивным.

Приведем несколько примеров диалогов из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), содержащих наиболее употребительную формулу успокаивания «Ничего страшного»:

1) [Ника] Я решила те позвонить/ узнать как дела. Ты меня прости за вчерашнее. Там все неожиданно получилось. [Катя] Ой/ да ладно те/ Господи/ **ничего страшного**. Я понимаю прекрасно (Телефонный разговор студенток).

2) – Извини за дверь. Не было времени искать другое место. – **Ничего страшного**. – Сфинкс поднимает взгляд наверх, откуда доносятся причитания Лэри (М. Петросян. Дом, в котором...).

3) [Саша] Мама вернётся/ сынок/ обязательно! О! Глянь-ка. Портфель нашелся. [Витя] А я его и не терял. Просто двойку получил в школе и... [Саша] **Ничего страшного**/ старичок. Я в детстве/ знаешь... портфели... в Обводном топил (Д. Асанова, В. Аристов. Жена ушла, к/ф)².

В вышеприведенных примерах мы видим, что РА успокаивания, реализующемуся при помощи формулы «Ничего страшного», предшествует негативно оцениваемое действие со стороны собеседника (или его бездействие) и последующее извинение за это (примеры 1 и 2), либо же печальное событие, происшествие в жизни собеседника, которое оказало негативное влияние на его эмоциональное состояние (пример 3).

Поводы для использования этикетных формул успокаивания могут быть разными, например собеседник (адресат) получил плохую оценку за работу, потерял что-то ценное, испортил какую-то вещь или же поранился и т. п. Каждый отдельный повод требует использования особых стереотипных формул успокаивания. Для выбора подходящих формул нужно учитывать коммуникативную ситуацию

---

² Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

(S) – случившееся с собеседником негативно оцениваемое событие, либо ожидаемое собеседником негативно оцениваемое событие. Зная коммуникативную ситуацию, мы можем определить тип переживания собеседника: переживания о прошлом (ретроспектива) и переживания о будущем (перспектива). Составим классификацию типов переживаний собеседника по времени проблемного события относительно момента речи.

1. Ретроспектива:

- А) Физическая или душевная травма (ссадины, ушибы, порезы, переломы и т. д./обида, предательство и т. п.).
- Б) Появившаяся социальная или моральная проблема (увольнение, проигрыш, расставание, неудача, серьезная ошибка и т. п.).
- В) Переживание из-за случайного причинения вреда/неудобства собеседнику (адресату), сопровождающее извинение (толкнули, наступили на ногу, перебили, помешали, забыли что-то сделать и т. п.).

2. Перспектива:

- А) Опасение возникновения проблемы в будущем (экзамен, защита дипломной работы, важная встреча и т. п.).

Теперь определим основные тактики успокоивания и реализующие их формулы для каждой ситуации.

1. Относящиеся к ретроспективе:

- 1) Физическая травма – *Магическое воздействие на психику*/«заговор» («У (кошки/сороки...) заболит, у (собаки/вороны...) заболит, а у тебя (имя собеседника), заживи/пройди/не боли!»).
- 2) Физическая/душевная травма – *Исчезновение проблемы со временем* («(Сейчас/щас) всё пройдет», «До свадьбы заживет» (только в случае физической травмы), «Время лечит», «Время залечит раны» «Время – лучший доктор»).
- 3) Появившаяся социальная или моральная проблема – *Указание на незначительность проблемы* («Ерунда!», «Пустяки!/Пустяк!», «Мелочи!/Мелочь!», «Это (всё) ерунда/пустяки/мелочи!», «Не (велика) беда!»).
- 4) Появившаяся социальная или моральная проблема – *Уверение в благополучности положения дел* («Ничего страшного», «Ничего страшного/особенного не случилось», «Всё в порядке», «Всё нормально», «Всё хорошо»).
- 5) Переживание из-за случайного причинения вреда/неудобства собеседнику, сопровождающее извинение – *Реакция на извинение за незначительный ущерб – преуменьшение ущерба* («Ничего», «Ничего-ничего/Ничего, ничего/Да ничего, ничего», «Ничего страшного/Да ничего страшного», «Всё в порядке», «Всё нормально», «Бывает», «С кем не бывает!»).

2. Относящиеся к ретроспективе и к перспективе:

- 1) Физическая/душевная травма/ Появившаяся социальная или моральная проблема/ Опасение возникновения проблемы в будущем – *Побуждение к возвращению в нормальное состояние – к прекращению плача/истерики* («Ну, ну/Ну-ну», «Ну-ну-ну/Ну, ну, ну», «Ш-ш-ш/Тш/Тщ-щ!/ Тш-ш!/Тш-тш-тш!», «Тихо, тихо/Тихо-тихо/Тихо-тихо-тихо/(Ну) тихо, тихо, тихо/(Ну) тише, тише, тише», «(Ну) всё, всё/Ну, всё-всё/Ну всё», «(Ну) всё, всё, всё», «(Ну) будет, будет» (устар.), «(Ну) полно, полно/Полно тебе!» (устар.), «Ну не надо так (убиваться/переживать)», «(Ну) перестань (плакать)/Ну хватит», «Успокойся/-тесь/Ну успокойся», «(Ну) не плачь/-те, (пожалуйста)»).
- 2) Опасение возникновения проблемы в будущем/ Появившаяся социальная или моральная проблема – *Побуждение к возвращению в нормальное состояние – к прекращению волнений* («Не переживай/-те», «Не нервничай/-те», «Не волнуйся/-тесь», «Не бойся/-тесь», «Не боись!» (неформ.), «Не паникуй!» (неформ.), «Не тревожься/-тесь» (устар.), «Не беспокойся/-тесь»).

Как мы видим, количество тактик успокоивания довольно велико. Оно и является причиной разнообразия реализующих их формул. Приведем список собранных нами этикетных формул успокоивания:

«Ну, ну/Ну-ну», «Ну-ну-ну/Ну, ну, ну», «Ш-ш-ш/Тш/Тщ-щ!/ Тш-ш!/Тш-тш-тш!», «Тихо, тихо/Тихо-тихо/Тихо-тихо-тихо/(Ну) тихо, тихо, тихо/(Ну) тише, тише, тише», «(Ну) всё, всё/Ну, всё-всё/Ну всё», «(Ну) всё, всё, всё», «(Ну) будет, будет» (устар.), «(Ну) полно, полно/Полно тебе!» (устар.), «Ну не надо так (убиваться/переживать)», «(Ну) перестань (плакать)/Ну хватит», «Успокойся/-тесь/Ну успокойся», «(Ну) не плачь/-те (,пожалуйста)»; «Ничего», «Ничего-ничего/Ничего, ничего/Да ничего, ничего», «Ничего страшного/Да ничего страшного», «Всё в порядке», «Всё нормально», «Всё хорошо», «Ничего страшного/особенного не случилось»; «Бывает», «С кем не бывает!», «Всякое бывает в жизни», «И на старуху бывает проруха»; «Не переживай/-те», «Не волнуйся/-тесь», «Не беспокойся/-тесь», «Не бойся/-тесь», «Не боись!» (неформ.), «Не паникуй!» (неформ.), «Не нервничай/-те», «Не тревожься/-тесь» (устар.); «Ерунда!», «Пустяки!/Пустяк!», «Мелочи!/Мелочь!», «Это (всё) ерунда/пустяки/мелочи!», «Не (велика) беда!»; «Время лечит», «Время залечит раны», «Время – лучший доктор»; «У (кошки/сороки...) заболи, у (собаки/вороны...) заболи, а у тебя, (имя собеседника) заживи/пройди/не боли», «Всё пройдёт», «До свадьбы заживёт».

Стоит отметить, что в большинстве формул присутствует отрицание («не надо», «ничего», «не велика», «не»), таким образом, в самой форме этикетного выражения заключена семантика отрицания чего-

либо негативного; мы словно отгораживаем человека от негативного воздействия извне или же стараемся преуменьшить важность потери, неудачи, проблемы. Также в большинстве этикетных формул успокаивания, приведенных выше, присутствуют усилительные частицы «ну» и «всё», содержащие в себе элемент призыва и побуждения; говорящий призывает собеседника прислушаться к нему и прекратить плакать, корить себя, извиняться и т. д.

Подробнее опишем некоторые из приведенных выше тактик успокаивания и реализующие их формулы.

Реакция на извинение за незначительный ущерб (преуменьшение ущерба):

«Ничего», «Ничего страшного/Да ничего страшного», «Ничего-ничего/Ничего, ничего/Да ничего, ничего» – нейтральные этикетные формулы успокаивания, чаще всего произносимые в повседневной речи, как реакция на «неправильное» невербальное (толкнуть, наступить на ногу и т. п.) или вербальное (неправильно произнести фамилию и т. п.) действие говорящего (успокаивание как «снятие вины, прощение»). Выражения с использованием данных этикетных формул успокаивания будут принимать форму ритуальных клише; заученных фраз, которые мы чаще всего произносим автоматически (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ с подобной реализацией вышеназванных формул успокаивания):

- 1) – Извините, что оторвал вас от трапезы. – **Ничего страшного**, я уже закончил (С. Иванов. Плавание на «Тринакрии»).
- 2) – Здравствуйте. Я Оксана. Простите, что заставила вас ждать. – **Да ничего страшного**. Женья (Е. Алехин. В голове багажиста).
- 3) – Извините, я не хотел вас разбудить. – **Да ничего страшного**, я вполглаза дремал... (М. Елизаров. Библиотекарь).

Довольно часто вместе с формулами «Ничего», «Ничего-ничего» употребляется другая формула успокаивания – «Бывает». Они могут идти «в связке» – «Ничего, бывает»/«Ничего-ничего, бывает» (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ, содержащих вышеназванные формулы):

- 1) – Правильно! А я, старый дурень, забыл. А заслуженная артистка смеется и успокаивает его: – **Ничего, бывает** (И. Стаднюк. Максим Перепелица).
- 2) Он вдруг заржал, но тут же спохватился: – Извини, Кузьма Матвеевич, дают еще себя знать лошадиные пережитки. – **Ничего, бывает**, – простил Кузьма Матвеевич (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Фраза «Ничего, бывает» представляет собой эллиптическую конструкцию. Если «развернуть» эту фразу, то получится следующее: «Ничего страшного не случилось/не произошло, с кем не бывает». Стоит отметить, что у формулы успокаивания «Бывает» есть зафиксированная грамматическая форма – настоящее время, 3-е лицо, единственное число. И хотя у этой формулы сохраняется частичное семантическое значение («Бывает», то есть это не какая-то экстраординарная ситуация, это может случиться с каждым, такое происходит/бывает и не раз, т. е. много раз, часто и повсеместно), все же больше закрепляется именно прагматическое значение (успокоить собеседника, указав на обыкновенность ситуации, тревожащей его; убедить слушающего, что ему не из-за чего переживать).

Говоря о таких этикетных формулах успокаивания, как «Ничего страшного», «Ничего» и «Ничего-ничего», мы должны отметить, что они могут быть использованы не только в качестве ритуальных клише, фраз, адресованных слушающему, но и быть частью автокоммуникации, где адресант и адресат сообщения совпадают, то есть в таких ситуациях, когда говорящий успокаивает сам себя, произнося данные этикетные формулы (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ с подобной реализацией вышеназванных формул успокаивания):

- 1) Тошнота не проходила, а усиливалась. Но опохмеляться Андрей не любил. **Ничего-ничего**, *успокаивал он себя*, пройдет еще пара часиков, он плотно покушает – и все само собой устаканится (А. Грачев. Ярый–3. Ордер на смерть).
- 2) Засыпка вдруг стала оседать, и под потолком образовались такие щели, что даже в небольшую метель в комнату проникал снег. Дядя Кмоль изо всех сил боролся против ополчившихся на него сил природы, но все же ему пришлось сдаться: от постоянных сквозняков Етыльбын жестоко простудился и слег. Скрепя сердце дяде Кмолю пришлось натянуть меховой полог в комнате. – **Ничего**, – *успокаивал он себя*. – Летом как следует отремонтирую дом (Ю. Рытхэу. Время таяния снегов).

Указание на незначительность проблемы

Помимо стандартных нейтральных этикетных формул успокаивания («Ничего страшного», «Всё в порядке», «Всё нормально» и др.), мы достаточно часто используем в речи их «неформальные» варианты: «Ерунда!», «Пустяки!/Пустяк!», «Мелочи!/Мелочь!» и др. Эти ответные реплики обычно эмоционально окрашены (одно из главных отличий от нейтральных формул), и на письме после них ставится восклицательный знак, а самое важное – они содержат *тимиологическую*

оценку. Этот термин ввел в употребление А.Б. Пеньковский: «Этому timiotaton “самое важное, ценное и значительное” противопоставлено все то, что неважно, несущественно, несерьезно; чему не следует придавать значения; <...> т. е. все то, о чем можно сказать – *пустое* (*пустяк, пустяки*), *мелочь* (*мелочи*), *безделка*, *ерунда*, *чепуха*, *вздор*» [Пеньковский 1995, с. 36].

И.А. Шаронов в статье «О роли “неважности” в речевой коммуникации» анализирует многие языковые единицы, содержащие тимеологическую оценку (в том числе и интересующую нас формулу «Ерунда!»), и пишет, что тимеологическая оценка служит для разделения «всех мыслимых объектов и фактов на заслуживающие и не заслуживающие внимания» [Шаронов 2005, с. 525].

Существует два разных значения ответной реплики «Ерунда!»/«Это (всё) ерунда!»/(Всё) это ерунда» (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ, отражающих это):

1) ерунда как «чушь/вздор»: [№ 7] И так оно и будет. [№ 5] Ну как это так/ люди убивали/ а потом вдруг начнут брататься/ да никогда. Это только в кино/ **это всё ерунда**/ утки. В жизни всё немного по-другому (Беседа с социологом на общественно-политические темы);

2) и ерунда как «ничего страшного»: Когда вышли на улицу, я, чуть не плача, долго извинялась перед Мацаевым за такой прием. **«Все это ерунда**, – сказал он. – Я врач, и мое дело лечить, а не обижаться на кого-то» (Н. Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева).

В значении «ничего страшного» (пример 2) ответная реплика «Всё это ерунда» используется с целью успокоить собеседника, говорящий указывает на незначительность, несущественность предмета разговора, снижает его важность.

Приведем еще несколько примеров употребления ответной реплики «Ерунда!»/«Это (всё) ерунда!»/(Всё) это ерунда» в значении «Ничего страшного» из НКРЯ:

1) [Лучана] Гришенька! Ты только не волнуйся/ твоя машина осталась цела. <...> Я только... я только завалила какой-то забор/ а потом и столб упал. [Гриша] **Это ерунда** (А. Сурикова, Э. Брагинский. Московские каникулы, к/ф);

2) [Мужской голос] Кто ж так крылья делает? Разве это угол атаки? Вот какой должен быть угол атаки/ вот/ понимаешь? [Васька] Ну вот/ сломали. [Мужской голос] **Ерунда**. <...> Сейчас починим (Г. Данелия, И. Таланкин, В. Панова. Серёжа, к/ф).

Поддержка/подбадривание

Существует определенное условие для реализации РА поддержки/подбадривания (такое же, как для РА успокоивания) – это наличие коммуникативной ситуации (S) – случившееся с собеседником негативно оцениваемое событие, либо ожидаемое собеседником негативно оцениваемое событие. Тем самым РА поддержки, реализованный в диалоге при помощи тех или иных этикетных формул, будет являться реакцией на коммуникативную ситуацию (S) (присутствие внеязыкового элемента «проблемная жизненная ситуация» [Захарова 2011, с. 124]), которая оказывает негативное влияние на эмоциональное состояние собеседника. Таким образом, РА поддержки/подбадривания можно назвать реактивным и ситуативно обусловленным (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ, отражающих это):

1) – Стесняется после своей незадачи на клиросе. А служить-то ему до страсти хочется! Дьякон погладил меня по голове и сказал: – Пустяки! **Не принимай близко к сердцу.** Я раз в большой праздник вместо многолетия вечную память загнул, да никому другому, а Святейшему Синоду! **Не горюй**, малец... (В. Никифоров-Волгин. Святое святых).

2) [Мария] Скоро конференция по языкозу/ а у меня материала/ ноль! Я уже и истерила/ сейчас вот/ наоборот/ хожу спокойная как танк/ а материал-то все равно не прибавляется! Не знаю/ короче/ что делать... [Анна] Ладно тебе/ не паникуй/ **все будет хорошо** (Телефонный разговор).

Поводы для использования этикетных формул поддержки/подбадривания могут быть разными, например собеседник (адресат) получил плохую оценку за работу, потерял что-то ценное, потерпел неудачу, расстался с любимым человеком, «опустил руки» и т. д. Каждый отдельный повод требует использования особых стереотипных формул. При выборе формул нужно учитывать коммуникативную ситуацию (S), о которой говорилось ранее, и уже исходя из данной коммуникативной ситуации, выстраивать определенную тактику, направленную на поддержку и подбадривание собеседника. Определим основные тактики поддержки/подбадривания и выражающие их формулы:

1. Относящиеся к ретроспективе и к перспективе:

1) Опасение возникновения проблемы в будущем/Появившаяся социальная или моральная проблема – *Акцент (надежда) на будущее*: «Всё будет хорошо», «Всё обойдется», «Всё наладится», «Всё образуется», «Всё устаканится» (неформ.), «Надо надеяться на лучшее», «Будет и на нашей улице праздник!», «Прорвёмся!»; «Ещё не вечер», «У тебя ещё всё впереди», «(Ещё) не всё потеряно».

2. Относящиеся к ретроспективе:

- 1) Появившаяся социальная или моральная проблема – *Апелляция к воле/самоконтролю*: «Не унывай!», «Не грусти/-те!», «Не печалься/-тесь!» (устар.), «Не горюй/-те!» (устар.), «Не расстраивайся/-тесь!», «Не огорчайся/-тесь!», «Не отчаивайся/-тесь!», «Не падай духом!», «Выше голову!», «Не вешай нос», «Держись!», «Взбодрись!», «Нельзя терять выдержки!», «Возьми себя в руки, (дружище)», «Надо взять себя в руки!»; «Не принимай близко к сердцу», «Не обращай/-те внимания», «Не бери/-те в голову».
- 2) Появившаяся социальная или моральная проблема – *Указание на позитивность неудачи как получения отрицательного опыта*: «На ошибках учимся», «За битого двух небитых дают», «Это тебе вперёд наука».

3. Относящиеся к перспективе:

- 1) Опасение возникновения проблемы в будущем – (*Комплимент + Мотивация*): «Ты умный/сильный... +) «Ты (со всем) справишься!», «(У тебя) всё получится!», «Ты всё сможешь/преодолеешь!», «Я верю в тебя!/Мы верим в тебя!».

Как мы видим, количество тактик поддержки/подбадривания довольно велико. Оно и является причиной разнообразия реализующих их формул. Приведем список собранных нами этикетных формул поддержки/подбадривания:

«Не унывай!», «Не грусти/-те», «Не печалься/-тесь» (устар.), «Не горюй/-те» (устар.), «Не расстраивайся/-тесь», «Не огорчайся/-тесь», «Не отчаивайся/-тесь!», «Держись!», «Взбодрись!», «Не вешай нос», «Не падай духом», «Выше голову!», «Нельзя терять выдержки», «Возьми себя в руки (, дружище)», «Надо/нужно взять себя в руки»; «Не принимай близко к сердцу», «Не обращай/-те внимания», «Не бери/-те в голову»; «Надо надеяться на лучшее», «Всё будет хорошо/отлично/нормально», «Всё обойдется», «Всё наладится», «Всё образуется», «Всё устаканится» (неформ.); «Ты (со всем) справишься!», «(У тебя) всё получится!», «Ты всё сможешь/преодолеешь!», «Я верю в тебя!/Мы верим в тебя!»; «Ещё не вечер», «(Ещё) не всё потеряно», «У тебя еще всё впереди», «Будет и на нашей улице праздник!», «Прорвемся!»; «На ошибках учимся», «За битого двух небитых дают», «Это тебе вперед наука».

Рассмотрим этикетные формулы поддержки/подбадривания «Всё обойдётся», «Всё наладится», «Всё образуется», «Всё устаканится» (неформ.) и отметим их «национальную специфичность». В статье «Языковая картина мира» в электронной энциклопедии «Кругосвет» Анна Андреевна Зализняк пишет, что «“национальная специфичность” слова чаще всего определяется специфичностью присутствующих в

нем неявных смыслов; она заключена в тех бесплодных и трудноуловимых смысловых элементах, которые передаются подспудно как нечто самоочевидное. К таким смыслам в русском языке относится смысл “как бы само собой”³, который присутствует и реализуется в перечисленных выше формулах.

Смысл «как бы само собой» мы можем проинтерпретировать следующим образом:

1) не нужно предпринимать усилий, чтобы случилось что-то хорошее, чтобы что-то изменилось к лучшему (от тебя ничего не зависит);

2) если ты ничего не будешь делать, со временем что-то хорошее всё равно само произойдет. То есть в этом случае говорящий снимает с собеседника ответственность и наделяет «ею» вещи и обстоятельства (здесь также присутствует концепт «судьба» и «время»).

Соболезнование/сочувствие

Существует определенное условие для реализации РА соболезнования/сочувствия – наличие коммуникативной ситуации (S) – случившееся с собеседником негативно оцениваемое событие. Это может быть смерть близкого человека (родителя, родственника, друга), любимого питомца или же усталость ввиду тяжелой работы, неудача, затруднительное положение и т. п.

РА соболезнования/сочувствия так же, как РА успокоивания и РА поддержки/подбадривания, ситуативно обусловленный и реактивный; говорящий реагирует на внешние (внеязыковые) негативные события, произошедшие в жизни собеседника.

Приведем список собранных нами этикетных формул соболезнования/сочувствия:

«Соболезную», «(Прими/-те) мои/наши (искренние) соболезнования», «(Я тебе/Вам/вам) искренне соболезную», «(Я) скорблю/(мы все) скорбим вместе с тобой/вами/Вами»; «Сочувствую», «(Я) очень тебе/Вам/вам сочувствую», «Как я тебе/Вам/вам сочувствую», «(Я) от всей души сочувствую тебе/Вам/вам», «Искренне сочувствую твоему/Вашему/вашему горю», «Глубоко Вам/вам сочувствую/-ем»; «Как я тебя/Вас понимаю!», «Что такое “не везёт” и как с ним/этим бороться!».

Стоит отметить, что формулы «Соболезную» и «Сочувствую» довольно часто бывают взаимозаменяемы в случае выражения соболезнования по случаю чьей-либо смерти, но всё же «Соболезную» явля-

---

³ Зализняк А.А. Языковая картина мира // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html/ (дата обращения 20.09.2024).

ется наиболее употребительной формулой соболезнования (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ, содержащих вышеназванные формулы):

- 1) – Я тебе не рассказывала? Я ведь вдова. – **Соболезную** (Т. Орлова. Ловушка для ящериц).
- 2) ...Я мама Жени. – Какого Жени? – Он тоже разбился. – Женщина вытерла платком уголки глаз. – **Соболезную** (М. Трауб. Ласточ...ка).
- 3) А через несколько месяцев он погиб сидя на привязи. – **Сочувствую**. И вам больше не хотелось собаками заниматься? (А. Лесняк, Я. Бадридзе. Волк в человеческой шкуре).
- 4) [На кладбище] [Лиза] Вы потеряли близкого человека? [Арина Дукельская] Да. Мужа. [Лиза] **Сочувствую** (А. Кириенко, С. Рузинская, В. Еремин. Инди, к/ф).

Стоит также отметить, что формулу «Сочувствую» иногда используют, чтобы подшутить над собеседником, привести его в замешательство (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ с подобной реализацией вышеназванной формулы):

- 1) – Сюда приедет сам Кандинский? – А вас это радует? – удивленно спросил Выприцких. – Ах, это такой душка! – воскликнула хозяйка. – Он такой мужественный, такой импозантный! Я всегда смотрю, когда он выступает по телевизору! – **Сочувствую**, – промямлил Выприцких, юмористически покосившись на Гурова (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска).
- 2) – Знакомы с ним? Ах да, я и забыл... Представляешь, Ниночка, господин Путилин живет в одном доме с Яковым. – **Сочувствую**, – усмехнулась та. – Соседство, прямо скажем, не из приятных. – Почему, мадам? (Л. Юзефович. Дом свиданий).

Использование формулы «Соболезную» в ситуации чьей-либо неудачи, усталости, какого-либо печального, неприятного события (не касающегося смерти) будет прагматически неверным (приведем несколько примеров диалогов из НКРЯ, отражающих это):

- 1) – Можете меня поздравить, – сказал он, – меня опять прогнали с квартиры. Буквально на следующий день после нашей встречи. Живу пока здесь, рядом, у приятеля. – **Сочувствую**, – покивал Сараев (С. Шикера. Выбор натуры).
- 2) [Димочка] Я устал. Весь день на ногах. [Женя] **Сочувствую** (Р. Белецкий. Молодые люди).

Однако формула «Соболезную» все же иногда используется в ситуациях, не касающихся чьей-либо смерти, и в таком случае всегда употребляется с шутливой иронией:

- 1) [Сергей] Уже вернулся из отпуска? [Владимир] Да. [Сергей] **Соболезную** (Разговор двух друзей).
- 2) [Аня] Представляешь/ у нас опять лифт не работает! Вчера пешком поднималась на девятый этаж/ и сегодня придется... [Катя] **Соболезную** (Разговор студенток).
- 3) [Даша] Это далеко... На автобусе ехать. [Люся] Тогда... Сочувствую. И **соболезную** (Телефонный разговор).

Заключение

Речевой этикет является важной частью нашего повседневного общения, которое состоит из таких стереотипных коммуникативных и этикетных ситуаций, как «вопросы и ответы на них», «просьбы, предложения к совместным действиям и реакции согласия или отказа», «приветствие и прощание», «сообщение об успехах и поздравление», «сообщение о проблемах, несчастьях и сожаление, успокаивание, поддержка» и мн. др. Речевой этикет и вежливость регулируют диалог, помогают коммуникантам достичь успешного взаимодействия. Стереотипность ситуаций, знание и владение определенными формулами речевого этикета позволяет нам нормально функционировать в обществе.

Речевой этикет, анализ и описание определенных РА и этикетных формул – одни из самых популярных, востребованных и актуальных тем исследований. Так как большой интерес к речевому этикету возник сравнительно недавно, не все этикетные формулы были подробно описаны, и не все РА были проанализированы в полной мере или проанализированы вообще, например РА успокаивания и поддержки/подбадривания и реализующие их формулы. Таким образом, подробное исследование и описание формул моральной поддержки, без всякого сомнения, представляют большую важность и необходимость.

Литература

-
- Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х годов. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 159–206.
- Захарова 2011 – *Захарова Г.П.* Лексико-грамматические средства выражения интенции поддержки в русском языке // Вестник Самарского гос. университета. 2011. № 1/2 (82). С. 124–128.

- Михальчук 2016 – *Михальчук Т.Г.* Русский речевой этикет: Практикум. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 319 с.
- Остин 1986 – *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
- Пеньковский 1995 – *Пеньковский А.Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // ЛАЯ. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 36–40.
- Ратмайр 2003 – *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
- Сёрль 1986 – *Сёрль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
- Формановская 1987 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
- Шаронов 2005 – *Шаронов И.А.* О роли «неважности» в речевой коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции Диалог–2005. Т. 2005. М., 2005. С. 525–527.

А.В. Христич

К вопросу о стратегиях успокаивания, утешения и подбадривания в диалоге

В статье рассматриваются диалогические реплики успокаивания, утешения, подбадривания. Дается разграничение данных групп, близких семантически и прагматически; анализируются речевые единицы и стимулирующие их использование речевые ситуации. Языковой материал классифицируется по стратегиям и тактикам их употребления. Иллюстративные примеры взяты из коллекции Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Ключевые слова: речевой этикет, коммуникативные стратегии, семантика, прагматика, интенции подбадривания, успокаивания, утешения

Понятие речевого этикета (далее – РЭ) подразумевает систему коммуникативных стратегий и устойчивых формул, которые служат для гармоничного речевого контакта собеседников. Устойчивым формулам русского РЭ посвящены фундаментальные труды Н.И. Формановской, А.Г. Балакай¹ [Формановская 1979]. Анализ коммуникативных стратегий является составной частью корпуса исследований, посвященных речевому этикету. Стратегии утешения уделяется особое внимание современных ученых-лингвистов [Клебанова 2020; Нестерова 2011; Михальчук 2009]. Однако стратегии успокаивания и подбадривания рассмотрены слабо как количественно, так и качественно. Семантика этих трех понятий чрезвычайно близка, но сопоставительный анализ позволит выявить основы для функционального разграничения данных стратегий. В настоящее время силами бакалавров Российского государственного гуманитарного университета, обучающихся в Институте филологии и истории, составляется современный словарь русского РЭ, в котором будут представлены утешение, подбадривание, успокаивание и другие коммуникативные стратегии.

© Христич А.В., 2024

¹ Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-Пресс, 2001. 672 с.

Статья посвящена составлению списка единиц, классификации реплик и ситуативных условий их использования.

Приведем общий список речевых единиц, который будет использован в дальнейшем анализе: *ну не надо так, успокойся/-тись, не волнуйся/-тись, не бери(-те) в голову, не парься, чепуха, ерунда, всякое бывает/бывает, с кем не бывает, первый блин комом, время лечит/время – лучший доктор, до свадьбы заживет, будет и на нашей улице праздник, все пройдет, выше голову, выше нос, не падай/-те духом, не унывай/-те, еще не вечер, все будет хорошо, все к лучшему, три к носу.*

К успокаиваниям относятся единицы, интенция употребления которых заключается в эмоциональном воздействии на перевозбужденного собеседника, говорящий стремится привести его в эмоционально стабильное состояние: *ну не надо так, успокойся/-тись, не волнуйся/-тись, не бери(-те) в голову, не парься, чепуха, ерунда.* В данных примерах можно наблюдать как предикативные, так и императивные формы. Для прагматического анализа приведем примеры:

– Я еще не знаю причин его нервного срыва, а душа уже полнится собственной виной: так много подлости во мне накопилось, что прямо ощущаю ее в себе. – *Ну, не надо так.* Все обойдется (Ю. Азаров. Подозреваемый)².

От волнения я стала, сбиваясь, проглатывая слова, объяснять, что без бабушки все погибнет, разрушится. Мама и папа панически испугались <...> – Мы умоляем тебя, *успокойся!* – вталкивая мне в рот пиллюлю и заставляя запить ее водой, причитала мама (А. Алексин. Раздел имущества).

– Миша, ты что, себе его взял? Я не разрешаю! – почти завизжала Алевтина. – Мам, *не волнуйся*, мы его накормим, он немного придет в себя от стресса, согреется, а потом я его отнесу кому-нибудь (А. Русских. Не спрашивай почему, или Дождливое лето).

– А что там были за выстрелы? – по коже пробежали неприятные мурашки. – *Не бери в голову*, ничего особенного (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало).

А Лиза откусила совсем немного, какую-то крошечку, и вдруг расплакалась. Тут Гришка тоже расстроился — из-за Лизы и из-за бумажного сердца. Он утешительно толкнул Лизу в плечо и сказал: «Ну, Лизка, ты это... *Не парься!* Би хэппи!» (М. Аромштам. Мохнатый ребенок).

– Ведь я же практически высланный, враг народа. – Ах, это *чепуха!* – отмахнулась она. – Ты же понимаешь! Они могут это повернуть в одну минуту! (В. Аксенов. Новый сладостный стиль).

² Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

Сделать такое фетровое чудо собственными руками невозможно. У нас в театре, конечно, замечательные бутафоры, но не Боги. А шляпы валять – не горшки печь. Это делают в специальном месте. Алеша подмигнул и говорит: – *Ерунда, не переживай. Найду я тебе шляпу (В. Зверовицков. Дело в шляпе).*

Из иллюстративных примеров видно, что стимулирующей ситуацией может оказаться отчаяние, истерика, сильное перевозбуждение или опасение собеседника. При этом причиной беспокойств может являться как незначительная, так и трудноразрешимая проблема. И.А. Шаронов в докладе «Стратегии успокоивания, утешения и подбадривания в диалоге» выводит следующий набор тактик употребления данных речевых единиц. Первая – эмоциональное воздействие: *ну не надо так, успокойся/-тись, не волнуйся/-тись*. Говорящий призывает собеседника вернуться в эмоционально стабильное состояние. Вторая – побуждение считать случившееся неважным: в единицах *не бери в голову, не парься* добавляется минимизация значительности проблемы собеседника. Третья – пренебрежительная оценка проблемной ситуации: единицы *чепуха, ерунда* выражают отрицание серьезности проблем собеседника.

К утешениям относятся диалогические реплики, которыми говорящий стремится вербально облегчить отношение к проблеме: *всякое бывает/бывало, с кем не бывает, первый блин комом, время лечит/время – лучший доктор, до свадьбы заживет, будет и на нашей улице праздник, все пройдет, все к лучшему*. Рассмотрим ситуации употребления:

Я изобразил в лицах мое неудачное поступление в студию при Малом театре. – Ну и что, – возразил Ильинский. – *Всякое бывает (Ю. Никулин. Мое любимое кино).*

– Кому нужна эта справедливость, если, может, навсегда расстанемся, – заплакала Евдокия. <...> – Не вини себя, – не вытерпела баба Катя. – Ничего худого тут нет, *с кем не бывает (Е. Родченкова. Ночные фиалки).*

– Ну, как успехи? – спросил он. – Да так себе! – ответил я, перебирая в кармане несколько бумажек... и глазами указывая на большую часть «товара», оставшуюся в сумке. – Ничего страшного! *Первый блин комом!* (Газета. Рапан-шоу по-анапски).

– Екатерина, спасибо за помощь, вообще как будто ничего не понимаю и сообразить не могу... <...> – Не переживай, все будет хорошо, <...> сама же знаешь, *время лечит (Форум: Колонии Нижегородской области).*

– Не плачь, Маша, – сказали мы. – Любовь – дело наживное ... *Время – лучший доктор*. Верь нам (Картинки из живых москвичей // «Столица»).

– «А я все-таки ушиблась», – рассуждает Наташа. – *До свадьбы заживет*, – говорит опять Соня (В. Короленко. Письма).

– Я весь год мечтал, из-за четверок переживал. И все накрылось медным тазом! – Ну, не все потеряно, – сказал Фил. – *Будет и на нашей улице праздник* (Д. Бавильский. Чужое солнце).

– Ничего, княгинюшка, вы не плачьте. Теперь его помилуют... *Все к лучшему*... Вон с Турцией война, а его не пошлют... Ничего, княгинюшка... (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

В приведенных примерах можно увидеть, что формулы утешения используются в том случае, если собеседник потерпел неудачу, физический или материальный ущерб, пережил потрясение, т. е. отсутствует возможность исправить неблагоприятную ситуацию. Также стоит отметить тактики речевого поведения говорящего. Во-первых, это указание на распространенность проблемной ситуации: *всякое бывает, с кем не бывает, первый блин комом*. Во-вторых, уверение в самоисправлении ситуации в будущем: *все пройдет, до свадьбы заживет, будет и на нашей улице праздник, все к лучшему*. В-третьих, призыв примириться с ситуацией в силу невозможности ее исправления: *время лечит, время – лучший доктор*.

Из проведенного анализа двух групп выведем семантические и прагматические отличия. Реплики утешения в отличие от реплик успокаивания содержат в себе аргумент. Говорящий апеллирует к рациональной оценке ситуации – восприятию проблемы как распространенной, признанию причин неудачи ввиду отсутствия опыта, убеждению в улучшении положения дел или необходимости смириться с непоправимым. Успокаивания являются менее нагруженными семантически и непосредственно содержат призыв к спокойствию. Прагматические условия употребления речевых единиц этих двух групп также различны. Стратегия утешения применяется к человеку, находящемуся в эмоционально статичном состоянии, способному воспринимать аргументирующую нагрузку рассмотренных единиц. Успокаивания используются в случае перевозбужденного состояния собеседника. В данном случае важна не смысловая нагрузка диалогических реплик, а побуждение, которое заключается в том, что говорящий адресует свою волю агенту с целью вызвать определенное действие [Иосифова 2012, с. 12].

Подбадривания – коммуникативные реплики, которые направлены на мотивацию к активному противодействию проблемам: *выше голову, выше нос, не падай/-те духом, не унывай/-те, еще не вечер, все будет хорошо, три к нулю*.

– Пойду просить прощения! – *Выше голову*, Толя! – Ольга Петровна улыбкой поддержала сослуживца (Э. Рязанов. Служебный роман).

– Неа, пока не забрала, так расстроилась, что ХГЧ низкий, что не забирала. – Нечего расстраиваться, надежда умирает последней! *Выше нос*, дружище! (Беременность: Планирование беременности (форум)).

– Если Люся не сможет доказать, что Крупов отлучался из дома в тот вечер, мы окажемся у разбитого корыта. <...> – Эрих, *не падай духом!* – воскликнула Люся, потормошив меня за руку (Н. Трофимова. Третье желание).

– Короче, пари я продудл начисто! – *Не унывай*, – говорит приятель, – теперь ты этот фокус, при случае, с кем угодно можешь повторить (Н. Пеньков. Была пора).

– А чем ей платить! – воскликнула Стеша. – Ей платить нечем. Ничё – *еще не вечер...* (В. Кунгурцева. Ведогони, или Новые похождения Вани Житного).

– Вы не волнуйтесь, *все будет хорошо*. В штабной комнате есть телефон, дети бесплатно будут звонить вам, так что вы всегда будете в курсе, что с ними происходит (Н. Абгарян. Всё о Манюне).

Беспризорный мальчик был потрясен. Ведь это песня о его несчастной доле. Чем больше он слушал, тем сильнее всхлипывал. – Ну, чего ты, Мишка? – сказал Есенин ласково, закончив чтение. – *Три к носу*, все пройдет (М. Ройзман. Все, что помню о Есенине).

Примеры показывают, что речевые единицы подбадривания употребляются в ситуации, когда собеседник отправляется на важное дело, переживает невзгоды или беспокойства, т. е. проблема разрешима и не является фатальной. Сгруппируем единицы по тактикам. Первая – побуждение к оптимизму: *выше голову, выше нос, не падай/-те духом, не унывай/-те, все будет хорошо*. Вторая – уверение в возможности преодоления проблемы: *еще не вечер, три к носу*.

Сопоставим результаты анализа первых двух групп с третьей. Семантическая нагрузка диалогических реплик подбадривания, в отличие от реплик успокаивания и утешения, содержит в себе как побуждение: *выше голову, выше нос, не падай/-те духом, не унывай/-те, три к носу* – так и аргумент: *ещё не вечер, все будет хорошо*. Прагматические условия также отличны. Подбадривать целесообразно человека, столкнувшегося с относительно несерьезными трудностями, готового воспринять семантически оптимистическое сообщение говорящего.

В заключение необходимо отметить доминирующие интенции употребления единиц трех стратегий. Успокаивания используются для вывода собеседника в эмоционально нейтральное состояние; утешения – для снятия эмоционального напряжения; подбадривания – для стимулирования активности и уверенности.

шения – для облегчения эмоциональных тягот собеседника; подбадривания – для побуждения к дальнейшим действиям. Правильный выбор стратегии, тактики и диалогической реплики позволяет повысить качество коммуникации, приблизиться к достижению желаемого результата в ходе взаимодействия с другими людьми. Несмотря на то что успокаивания, утешения и подбадривания могут восприниматься в качестве взаимозаменяемых понятий, анализ показал, что речевые единицы данных стратегий являются семантически и прагматически отличными. Они применяются в разных сценариях диалога и поддаются сепарации с точки зрения смысловой нагрузки. Неправильный выбор стратегии может повлечь за собой непредвиденную реакцию собеседника, деструктивно повлиять на качество коммуникации и привести к коммуникативной неудаче.

Литература

- Иосифова 2012 – *Иосифова В.Е.* Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 34 с.
- Клебанова 2020 – *Клебанова М.Г.* «Сочувствие», «утешение», «успокаивание» в обиходной коммуникации // Язык и культура: взгляд молодых: Материалы Междунар. науч. конф. студентов и школьников в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. М., 2020. С. 200–204.
- Михальчук 2009 – *Михальчук Т.Г.* Ситуация «Утешение. Соболезнование» в русской художественной литературе и в современном русском языке: национальная специфика // *Kalba ir tarpkulturine komunikacija* (Язык и межкультурные коммуникации) BALISI, Vilnius pedagoginio universitete. Vilnius, 2009. С. 149–153.
- Нестерова 2011 – *Нестерова Т.В.* Непрямые способы выражения интенций «сочувствие» и «утешение» в обиходном общении русских // *Русский язык за рубежом*. 2011. № 5 (228). С. 75–81.
- Формановская 1979 – *Формановская Н.И.* Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1979. 37 с.

Методика преподавания русского языка

УДК 81'373.72=161.1

ББК 81.2Рус-3

А.Р. Ибатуллина

Фразеологические единицы в школьном курсе русского языка

В статье рассматривается использование фразеологизмов, изученных в рамках школьного курса по русскому языку, на Едином государственном экзамене. Автор анализирует материал по теме фразеологии, который представлен в учебниках по русскому языку для 5–11-х классов, фразеологизмы из списка, предложенного Федеральным институтом педагогических измерений для решения задания № 24 на ЕГЭ по русскому языку. Автор отмечает, какие фразеологизмы изучаются в рамках школьного курса на основе перечня рекомендованных Министерством образования и науки РФ учебников, сопоставляет единицы списка ФИПИ и единицы, представленные в «Школьном фразеологическом словаре русского языка», с фразеологизмами школьной программы, а также проводит опрос среди респондентов, сдавших ЕГЭ по русскому языку, которые не обучаются/не обучались на филологическом или лингвистическом профилях, на знание фразеологизмов, изучаемых в рамках школьного курса. Автор приходит к выводу, что необходимо скорректировать материал, представленный в школьных учебниках по русскому языку, а именно расширить тему фразеологии и добавить новые примеры, чтобы они включали фразеологические единицы, предъявляемые на ЕГЭ и относящиеся к другому типу, чем представленные в учебниках в настоящее время.

Ключевые слова: фразеологизмы, русский язык, школьный курс, ЕГЭ, список фразеологизмов ФИПИ

Известно, что задания на Едином государственном экзамене, который необходимо сдать всем выпускникам для получения аттестата, составлены в соответствии со школьной программой по тому или иному предмету. Важно, чтобы задания действительно были построены на материале школьного курса и учащиеся смогли успешно их выполнить. Одно из подобных заданий – задание № 24 на ЕГЭ по русскому языку, которое посвящено поиску фразеологизмов в тексте. Подразумевается, что фразеологическая единица, предназначенная

для поиска, известна учащемуся и он сможет найти ее в предложенном тексте. Соответственно в списке фразеологизмов от Федерального института педагогических измерений должны быть представлены единицы, изученные в рамках школьного курса. При поверхностном взгляде на данный список можно отметить, что единицы типа *иметь значение, в свою очередь, что и говорить* и т. д. нельзя поставить в один ряд с привычными фразеологизмами типа *бить баклуши, точить лясы, стреляный воробей*. Это значит, что у экзаменуемого могут возникнуть определенные трудности при выполнении задания № 24, что может повлиять на итоговые баллы. Эта проблема актуальна в настоящее время, поскольку ЕГЭ играет важную роль в системе российского образования; кроме того, ЕГЭ по русскому языку является обязательным для сдачи для всех учащихся, поэтому, если материал школьной программы не соответствует контрольным измерительным материалам на ЕГЭ, его необходимо корректировать.

«**Фразеологические единицы** – устойчивые, воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, которые существуют в языке в виде целостных и устойчивых по своему значению выражений»¹. Существует несколько различных классификаций фразеологических единиц. Многие классификации были предложены отечественными лингвистами; первой и наиболее известной из них является классификация фразеологизмов В.В. Виноградова. Согласно Виноградову, выделяются три типа фразеологических единиц: 1) фразеологические **сращения** – устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой; то есть те случаи, когда значения компонентов фразеологизма неизвестны носителям языка (*ничтоже сумняшеся*); 2) фразеологические **единства** – устойчивые сочетания слов с ясной внутренней формой; то есть все компоненты фразеологизма понятны носителям языка (*подливать масла в огонь*); 3) фразеологические **сочетания** – устойчивые выражения, один компонент которых употреблён в прямом значении, а другой – в переносном (фразеологическом), например, *одержать победу, корень зла* [Виноградов 1946; Виноградов 1977].

Эта классификация была дополнена другим отечественным лингвистом Н.М. Шанским, который добавил к трем группам фразеологизмов еще одну – фразеологические **выражения** – «устойчивые в своем составе и употреблении обороты, семантически членимые и целиком состоящие из слов со свободными значениями»². Фразеологические

---

¹ Алимов Д. Фразеологические единицы с ботаническим ключевым компонентом в английском языке // Интернет-издание «Научный корреспондент». URL: <https://nauchkor.ru/pubs/frazeologicheskie-edinitsy-s-botanicheskim-klyuchevym-komponentom-v-angliyskom-yazyke-61f39571e4dde50001bcb89e> (дата обращения 10.06.2024).

² Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка: Пособие для пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1964. С. 201.

выражения подразделяются на два типа: выражения номинативного характера (*высшее учебное заведение*) и выражения коммуникативного характера (*хрен редьки не слаще*). Другие российские лингвисты, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, не считают выделение фразеологических выражений правомерным: в своей работе «Основы фразеологии» ученые отмечают, что к фразеологическим выражениям коммуникативного характера относятся, с одной стороны, пословицы, а с другой – крылатые слова со структурой предложения (например, «Человек – это звучит гордо»)³. По мнению авторов «Основ фразеологии», с точки зрения семантики, прагматики и стилистики – это разные языковые явления. Кроме того, авторы считают, что определение «фразеологического выражения», данное Шанским, неприменимо к пословицам, поскольку компоненты пословиц переинтерпретированы семантически, то есть значение всего выражения не исходит из прямых значений его элементов. Относительно выражений номинативного характера, авторы пришли к выводу о том, что «интуитивно они не входят в состав фразеологии, хотя определенная устойчивость им свойственна»⁴.

Поскольку развитие фразеологии как науки показало, что классификация фразеологизмов определяется конкретными задачами исследования (например, исследованием семантики и синтаксиса фразеологических единиц, их словарного описания, а также изучением авторской фразеологии и анализом функционирования фразеологизмов в речи на материале различных корпусов), авторами «Основ фразеологии» была предложена другая, более подробная классификация фразеологизмов, отвечающая интуитивным представлениям различных лингвистов о сущности фразеологизма как такового.

Эта классификация, семантически мотивированная и практически ориентированная, включает в себя шесть типов фразеологических единиц и выглядит следующим образом:

- 1) **идиомы** (*с молодых ногтей, книга за семью печатями, рвать и метать* и т. п.; сюда же частично относятся **поговорки** – выражения типа «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*» и **крылатые слова** типа «*Счастливые часов не наблюдают*»);
- 2) **коллокации** (*проливной дождь, трескучий мороз, сердце ёкнуло* и т. п.);
- 3) **пословицы** (*всяк сверчок знай свой шесток, не в свои сани не садись, что посеешь, то и пожнёшь* и т. п.);
- 4) **грамматические фразеологизмы** (*чуть что, как раз, ну вот* и т. п.);

---

³ Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): Учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 46.

⁴ Там же.

- 5) **фразеологизмы-конструкции** («X – он и в Африке X», «тоже мне X», «где уж/ж нам Р» и т. п.);
- 6) **ситуативные клише** (спокойной ночи, стой! кто идёт?, руки вверх и т. п.).

Можно выявить определенные различия между классификацией фразеологизмов В.В. Виноградова и Н.М. Шанского и классификацией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.

Так, изначальные три группы фразеологизмов, предложенные В.В. Виноградовым, а именно **сращения, единства и сочетания** – представлены в классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского в виде **идиом и коллокаций** (коллокациям соответствуют сочетания, а идиомам – сращения и единства); **выражениям**, которые были предложены Н.М. Шанским, соответствуют **пословицы** из классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Кроме того, классификация А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского была дополнена еще тремя подвиды фразеологизмов: **грамматическими фразеологизмами, фразеологизмами-конструкциями и ситуативными клише** (на основе интуитивных представлений различных ученых); что в классификации В.В. Виноградова и Н.М. Шанского не рассматривалось в целом.

В исследовании данная классификация используется с целью распределения единиц, представленных в списке ФИПИ, по группам для составления опроса.

В рамках работы было рассмотрено, каким образом тема фразеологии представлена в учебниках русского языка школьного курса. Основанием для выбора учебников является «Федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации к использованию в образовательном процессе в имеющих государственную аккредитацию и реализующих образовательные программы общего образования образовательных учреждений на 2023–2024 учебный год». Для анализа были выбраны учебники по русскому языку для учащихся 5–11-х классов. По результатам анализа отобранного материала выяснилось, что: 1) в обеих частях учебника по русскому языку для 5-го класса⁵ тема фразеологии еще не затронута; 2) в учебнике по русскому языку для 6-го класса (2 части)⁶ даны определения *фразеологии* и *фразеологизма*, а также в различных упражнениях даны фразеологизмы (самое большое количество единиц по сравнению с учебниками для других классов); 3) в учебнике по русскому языку для 7-го класса (2 части)⁷ в качестве повторения даны

⁵ Ладыженская Т.А. Русский язык. 5 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений.: В 2 ч. М.: Просвещение, 2012. Ч. 1. 192 с.; Ч. 2. 176 с.

⁶ Баранов М.Т. Русский язык. 6 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций: В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 2020. 196 с.

⁷ Баранов М.Т. Русский язык. 7 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2021. 176 с.; Он же. Основы фразеологии (краткий курс).

те же определения, что и в учебнике для 6-го класса, а также представлено небольшое количество новых фразеологизмов; 4) в учебнике по русскому языку для 8-го класса⁸ тема фразеологии не рассмотрена; 5) в учебнике по русскому языку для 9-го класса⁹ в рубрике «Повторение» дана пара упражнений с небольшим количеством новых фразеологизмов, а также впервые упоминается и предлагается для использования «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. Жукова¹⁰; 6) в учебниках для 10–11-х классов¹¹ в отличие от учебников для средней школы нет раздела «Лексикология и фразеология», но дана пара упражнений, где могут быть затронуты те или иные фразеологические единицы (в основном крылатые слова).

Таким образом, можно сделать вывод: базовые знания о фразеологии русского языка и примеры фразеологизмов (основная их часть) даются в курсе русского языка для 6-го класса; в дальнейшем эта тема рассматривается только в качестве повторения изученного.

Согласно Уставу федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный институт педагогических измерений» (глава II, п. 2.1.2), все контрольные измерительные материалы ЕГЭ должны быть разработаны по образовательным программам основного общего и среднего общего образования, то есть все задания должны быть построены на материале всего школьного курса по русскому языку. В связи с этим необходимо выявить, соответствуют ли единицы из списка ФИПИ единицам, изучаемым в рамках школьной программы.

На основе классификации фразеологизмов А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского были распределены по группам фразеологизмы, представленные в списке ФИПИ (278 единиц) для решения задания № 24 на ЕГЭ. Получились следующие результаты: 1) **идиомы** (241 единица); 2) **коллокации** (6 единиц); 3) **пословицы** (единицы отсутствуют); 4) **грамматические фразеологизмы** (22 единицы); 5) **фразеологизмы-конструкции** (единицы отсутствуют); 6) **ситуативные клише** (9 единиц).

---

⁸ Тростенцова Л.А. Русский язык. 8 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2014. 271 с.

⁹ Бархударов С.Г. Русский язык. 9 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2019. 255 с.

¹⁰ Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1980. 447 с.

¹¹ Львова С.И. Русский язык и литература. Русский язык. 10 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций (базовый и углубленный уровни). М.: Мнемозина, 2014. 368 с.; Она же. Русский язык и литература. Русский язык. 11 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций (базовый и углубленный уровни). М.: Мнемозина, 2014. 336 с.

Поскольку «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. Жукова¹² включает в себя фразеологизмы, часть из которых в обязательном порядке должна быть рассмотрена в рамках школьного курса русского языка, следует выявить, входят ли в данный словарь единицы из списка ФИПИ.

Для сопоставления единиц из списка ФИПИ с единицами «Школьного фразеологического словаря русского языка» В. Жукова¹³ на основе критериев количества и частотности употребления были выбраны **идиомы**. При выявлении в «Школьном фразеологическом словаре русского языка» единиц, представленных в списке ФИПИ, получились следующие результаты: 116 единиц представлено и в словаре, и в списке ФИПИ, 125 единиц представлено в списке ФИПИ, но их нет в словаре. Таким образом, из списка фразеологических единиц, предложенного ФИПИ для выполнения задания № 24 ЕГЭ по русскому языку, большая часть идиом не представлена в «Школьном фразеологическом словаре русского языка» В. Жукова¹⁴.

При этом при анализе примеров фразеологизмов, представленных в упомянутых ранее учебниках по русскому языку для 5–11-х классов, можно заметить, что единицы из списка фразеологизмов ФИПИ не представлены среди фразеологизмов из школьных учебников (ни одна из 278 единиц).

Стоит отметить, что определение фразеологизма, данное в 1-й части учебника М.Т. Баранова для 6-го класса: «**Фразеологизмы** – это устойчивые сочетания слов, которые не делятся на отдельные слова и являются одним членом предложения»¹⁵ – в целом охватывает единицы, которые представлены в списке ФИПИ, например, *в свою очередь, стало быть и т. д.*, но подобных примеров авторы не приводят, что является определенным недостатком учебника. При этом все фразеологизмы (104 единицы), представленные в учебниках с 5-го по 9-й класс включительно, по классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского так же, как и большинство единиц из списка ФИПИ, являются **идиомами**; единицы, представленные в учебниках для 10–11-х классов (около 50 единиц), являются **крылатыми словами**, их в списке ФИПИ нет.

Для того чтобы выяснить, какое представление о фразеологизмах получили люди, которые сдали ЕГЭ по русскому языку, а также проверить их знание значений фразеологизмов, предложенных в учебниках по русскому языку для 5–11-х классов, был составлен и проведен

¹² Жуков В.П. Указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Баранов М.Т. Русский язык. 6 класс: Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 2020. 196 с.

опрос. Респондентами выступили 40 человек от 17 до 25 лет не филологических и не лингвистических специальностей. Опрос проводился в Гугл-формах. Задания опроса были сформированы на основе проведенного исследования «Иноязычное слово в речевом узусе» [Какорина 2003], где проверялось знание респондентами значений заимствованных слов. В начале опроса респондентам следовало указать свой возраст (от 17 до 25 лет) и направление, на котором они обучаются или обучались. Далее опрос делится на три блока заданий: 1) передать основное содержание высказывания, заменив выделенные фразеологизмы словами-синонимами; 2) объяснить значение фразеологизма, представленного в контексте; 3) выбрать из предложенных выражений фразеологизмы.

Для первого задания были предложены следующие фразеологические единицы: *как с гуся вода, собаку съел, яблоко раздора, метать бисер перед свиньями, как в воду глядел, сердце кровью обливается, лопить на слове, положила руку на сердце, как белка в колесе, бьет в глаза*. Фразеологизмы были выбраны из учебников по русскому языку для 5–11-х классов по принципу потенциально меньшей известности/меньшей частотности употребления на основе языковой интуиции исследователя. Результаты выполнения данного задания следующие: 40 респондентов из 40 (у каждого респондента правильных ответов больше, чем неправильных) обладают «языковым чутьём» и могут правильно заменить фразеологизмы, изучаемые в рамках школьного курса, на слова-синонимы.

Для второго задания были предложены следующие фразеологические единицы: *филькина грамота, звёзд с неба не хватает, сосать лапу, молочные реки, шито белыми нитками, ждать у моря погоды, медвежья услуга, пока суд да дело, мокрая курица, зарубить на корню*. Фразеологизмы были выбраны из учебников по русскому языку для 5–11-х классов по принципу меньшей известности/меньшей частотности употребления на основе языковой интуиции исследователя. Наибольшую трудность в объяснении вызвали следующие фразеологизмы: *молочные реки, шито белыми нитками, пока суд да дело*. Результаты выполнения данного задания следующие: 23 респондента из 40 (то есть большая часть) способны объяснить значения фразеологизмов в контексте, изучаемых в рамках школьного курса.

Для третьего задания были выбраны 10 фразеологизмов из учебников по русскому языку для 5–11-х классов (*от корки до корки, спустя рукава, поставить на ноги, черепашиным шагом, белые мухи, встать в строй, от мала до велика, полный вперёд, тёртый калач, взять себя в руки*) (фразеологизмы были выбраны по принципу частотности употребления на основе языковой интуиции исследователя); 10 фразеологизмов из списка ФИПИ, не представленных в «Школьном фразеологическом словаре русского языка» В. Жукова (в свою

очередь, иметь значение, одно время, что касается, чувствовать себя, что и говорить, честно говоря, на всякий случай, до сих пор, стало быть) (фразеологизмы были выбраны по принципу сложности определения статуса единицы на основе языковой интуиции исследователя); 10 обычных словосочетаний (*искать дорогу, найти клад, понять суть, великодушный человек, чёрная ворона, качественно выполнять, прийти на парад, взять за руку, нестандартная ситуация, неустанно работать*) (словосочетания были придуманы исследователем по принципу схожести с фразеологическими единицами). По результатам выполнения данного задания можно сделать следующие выводы: респонденты хорошо узнают фразеологизмы, взятые из школьных учебников по русскому языку (большинство ответов именно на этих единицах); как и предполагалось, меньшинство ответов приходится на единицы, взятые из списка фразеологизмов от ФИПИ, то есть респонденты не воспринимают данные выражения как фразеологизмы; есть достаточно много ответов на единицах, которые так или иначе напоминают фразеологизмы (*чёрная ворона, неустанно работать*), при этом на остальных обычных словосочетаниях ответов либо 0, либо минимальное количество, что говорит о развитии «языковом чутье» респондентов.

Суммируя все выводы, сделанные по результатам опроса, можно подвести следующий итог: респонденты, которые сдали ЕГЭ по русскому языку, основанный на школьной программе, в достаточной мере знакомы с фразеологизмами школьного курса, поскольку способны заменить фразеологические единицы словами-синонимами, а также объяснить их значение. При этом единицы, которые представлены в списке фразеологизмов от ФИПИ для выполнения задания № 24, не воспринимаются респондентами в качестве фразеологизмов, а значит, при выполнении задания № 24 на ЕГЭ по русскому языку экзаменуемых могли возникнуть определенные трудности.

Подводя итог, стоит отметить, что фразеологические единицы помогают сохранять и передавать новым поколения нравственные и культурные традиции, представления о мире, закрепленные в национально-специфичных и универсальных концептах.

Поэтому важно изучать подобные единицы начиная со школьного периода, чтобы формировать у учащихся эти концепты.

Выявив фразеологические единицы, представленные в школьных учебниках по русскому языку для 5–11-х классов, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации, и в рамках опроса, сопоставив их с единицами из списка, предложенного ФИПИ, можно прийти к следующему выводу: респонденты, которые сдали ЕГЭ по русскому языку и не обучаются/не обучались на филологических или лингвистических специальностях, хорошо знают значения фразеологизмов, которые рассматриваются в учебниках по

русскому языку, но при этом выражения из списка ФИПИ не воспринимаются респондентами в качестве фразеологизмов. Это говорит о том, что при решении задания № 24 на ЕГЭ по русскому языку у экзаменуемых могли возникнуть трудности и вопросы в связи с несоответствием контрольных измерительных материалов материалу школьной программы. Подобные трудности могут возникнуть и у будущих экзаменуемых, в связи с чем необходимо скорректировать материал, представленный в школьных учебниках по русскому языку, а именно расширить тему фразеологии и добавить новые примеры: рассматривать не только идиомы, но и коллокации, грамматические фразеологизмы, пословицы, фразеологизмы-конструкции и ситуативные клише, чтобы эти примеры включали единицы из списка ФИПИ (*иметь значение, в свою очередь* и т. п.).

Литература

- Виноградов 1946 – *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии: 1819–1944. Секция филологических наук. Л.: Изд-во Ленингр. Ордена Ленина ун-та, 1946. С. 45–69.
- Виноградов 1977 – *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
- Какорина 2003 – *Какорина Е.В.* Иноязычное слово в речевом узусе разных социальных групп (по данным социолингвистического опроса) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2003. С. 455–480.

О.А. Назарова

Игрофикация как технология обучения русскому языку как иностранному

В статье рассматривается игрофикация как образовательная технология применительно к преподаванию русского языка как иностранного. По мнению многих специалистов, игрофикация способна решить проблемы с мотивацией и вовлеченностью учащихся, сделать обучение более персонализированным и студентоцентричным, улучшить понимание учебного материала и укрепить «мягкие навыки» студентов. В то же время игрофикация может не подходить для всех видов обучения и групп учащихся, а ее эффективность будет зависеть от выбора игровых механик, которые должны быть ориентированы как на внешнюю, так и на внутреннюю мотивацию учащихся. Важно находить баланс между учебным процессом и игровыми элементами, чтобы не отвлечь учащихся от образовательного процесса, с одной стороны, а с другой, не превратить игру в монотонный процесс.

Ключевые слова: игрофикация, русский язык как иностранный, игровые методы, РКИ

Игра является неотъемлемой частью мировой культуры и сопровождает человечество на протяжении всей его истории. С точки зрения онтогенеза игра связана с ранним возрастом ребенка как один из основных способов передачи знаний и опыта старшего поколения младшему. По мере взросления человека меняются игры, в которые он играет, но их роль не уменьшается. Вопросами о природе и значении игры в воспитании и обучении человека начиная с XIX в. занимались Г. Спенсер, Ж. Пиаже, Э. Берн, И. Хейзинга, Дж. Нейман, К. Гроос, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.

Сейчас мы имеем дело с абсолютно новым типом учащихся, а именно представителями поколения «цифровых аборигенов» [Prensky 2005, p. 98], с самого рождения окруженных разнообразными «гаджетами». М. Пренски перечисляет основные черты «цифровых аборигенов», среди которых: потребность в более высокой скорости обучения

и достижения успеха; «параллельная обработка» сразу нескольких источников информации; «гипертекстовое мышление»; «визуальный интеллект»; интерес к фантазийным мирам; предпочтение виртуального общения и др. М. Пренски убежден, что внедрение игр в образование будет отвечать новым потребностям «цифровых аборигенов», так как все игры уже сами по себе заставляют игроков учиться, например в процессе освоения правил и геймплея.

С появлением первых видеоигр и ростом их популярности, начиная с 1970-х гг., игра перестала быть исключительно детским видом активности. Число игроков видеоигр к началу 2023 г. уже превысило 3 млрд человек, а это значит, что играет уже более 40% всего населения [Jovanović 2023]. Учитывая такой уровень вовлеченности, который игры стали создавать для широкого круга людей, стали предприниматься первые попытки создания чисто образовательных компьютерных игр. Одной из первых стала «The Oregon trail» 1971 г. Она была специально разработана для школьников 8 класса, которые в игровой форме могли узнать об истории колонизации американского запада [Артамонова 2018, с. 38].

Лингвист Дж. Джи в своей книге «Чему видеоигры могут научить нас в области обучения и грамотности» проанализировал различные компьютерные игры того времени и вывел набор из 36 принципов обучения на основе того самостоятельного изучения, которое каждый игрок предпринимает, когда осваивает новую игру (например, принцип обязательного обучения, принцип активного и критического обучения, принцип непрерывного обучения от простого к сложному, принцип множественных маршрутов и др.) [Gee 2003, pp. 208–212]. Разработчик видеоигр Дж. Шелл считает, что учебная деятельность в целом очень похожа на игровую [Шелл 2020, с. 418–420]. В игре, как и в школе или университете, есть задания, за выполнение которых можно получить XP¹, награды (новые знания, оценки). Трудность учебных заданий (квестов) повышается по мере прохождения курса (игры), а экзамен иногда оказывается настоящей «битвой с боссом».

Под влиянием повсеместной «игрофикации» начинает корректироваться и дополняться понятие игры. От определения Й. Хейзинги, по которому игра – это поведение, осуществляемое в определенных границах места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы и необходимости, сопровождается чувствами подъема и напряжения, несет с собой радость и разрядку [Хейзинга, 2015, с. 37], ученые переходят к понимаю игры как «системы, в которой игроки участвуют в искусственном конфликте, который определен правилами и приводит к измеримому результату» [Salen, Zimmerman 2003, p. 96].

---

¹ Очки опыта.

Профессор факультета педагогических технологий Университета Блумсберга К. Капп немного дорабатывает это определение, называя игру системой, в которой игроки решают абстрактную задачу, определяемую правилами, интерактивностью и обратной связью, итогом которой становится измеримый результат, часто вызывающий эмоциональную реакцию [Карр 2012, р. 25]. Специалист по образовательным технологиям Г.К. Селевко определяет игру как вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением. В любой «педагогической игре» по Г.К. Селевко, необходимы четко поставленная цель обучения и соответствующий ей результат, которые могут быть обоснованы и характеризуются учебно-познавательной направленностью².

Отметим, что современное образование отвечает принципам активного обучения, включающим «методы, в которых обучаемый занимает активную позицию по отношению к преподавателю, другим студентам или индивидуальным средствам обучения»³. Одной из форм такого обучения являются игры. Признание роли игр в образовании нашло отражение в понятии *game-based learning* (GBL), то есть «обучение, основанное на игре». Внедрение таких игр, как, например, “*Minecraft: Education Edition*”, в учебный процесс стимулирует активное обучение в свободном и безопасном пространстве (*sandbox learning*), что обеспечивает более глубокое и системное понимание изучаемого материала [Coleman, Money 2020, р. 450].

Активные методы соответствуют принципам коммуникативно-го подхода в обучении иностранным языкам, формировавшегося с 1970-х гг. в работах зарубежных [Hymes 1972; Halliday 1985; O'Connor, Wilkins 1972] и отечественных ученых⁴ [Пассов 1991]. Этот подход предполагает активное вовлечение учащихся в устную и письменную коммуникацию в процессе занятий, что приводит к формированию умения эффективно общаться для решения социально-коммуникативных задач. На образовательный потенциал игр в преподавании иностранных языков обратил внимание лингвист Е.И. Пассов. Игру он сравнил с оболочкой, которую можно наполнить тем содержанием, которое необходимо для овладения всеми видами речевой деятельности [Пассов 1988, с. 205]. При этом учебные задачи при использовании игр маскируются и выступают не в явном виде, что превращает обуче-

---

² Селевко Г.К. *Современные образовательные технологии. Учеб. пособие.* М.: Народное образование, 1998. С. 50.

³ Лапыгин Ю.Н. *Методы активного обучения: Учеб. и практикум для вузов.* М.: Юрайт, 2023. С. 76.

⁴ Костомаров В.Г., Митрофанов О.Д. *Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам.* М.: Русский язык, 1976. 160 с.

ние в увлекательный процесс, способный включить в себя даже самых неуверенных, неактивных и слабых студентов. В игре стресс и зажим чаще всего уступают место спонтанной речи. По мнению лингвиста, игры на занятиях иностранным языком развивают учащихся, формируют языковые и речевые умения и навыки, углубляют знания о культуре страны изучаемого языка, а также приводят к непроизвольному запоминанию речевого материала.

Среди так называемых обучающих игр, использующихся в преподавании иностранных языков, обычно выделяют дидактические, ролевые и деловые⁵. К дидактическим играм относятся языковые игры, которые специально созданы или адаптированы для целей обучения (выделяют лексические, грамматические, фонетические и орфографические игры). Ролевые игры предусматривают распределение учащихся по ролям для разыгрывания определенных ситуаций. Они предоставляют возможность применить и закрепить уже полученные знания в ситуации речевого общения, близкой к реальной. Деловые игры проводятся среди учащихся, владеющих иностранным языком на уровне В1+ и изучающих язык специальности, так как имитируют профессиональную среду [Никулина 2009, с. 172]. В деловых играх обязательен анализ игры и ее обсуждение участниками на изучаемом языке⁶.

Но игра также может выступать в качестве «сюжетной» линии, еще больше погружая учащихся в контекст применения изучаемого языка. В этом случае мы уже говорим об игрофикации (gamification). Этот термин ввел программист Н. Пеллинг в 2002 г., понимая под ним применение игрового дизайна к интерфейсам различных электронных устройств: мобильных телефонов, торговых автоматов, банкоматов, мониторов в самолетах и т. п. [Pelling 2011]. Классическое определение игрофикации было предложено С. Детердингом, М. Сикартом, М. Найкке, К. О'Харой и Д. Диксоном и звучит так: «Игрофикация – это использование игровых элементов в неигровых контекстах (для улучшения пользовательского опыта и вовлечения пользователей)» [Deterding, 2011, p. 8]. Самыми известными и распространенными игровыми элементами для геймификации являются очки, бейджи и таблицы лидеров (PBL: Points Bages Leaderboards) [Вербах, Хантер 2015, с. 104]. Игроки могут накапливать очки, выполняя те или иные задания, получать бейджи (значки), отмечающие какие-то особые достижения, и в зависимости от этого занимать определенное место

---

⁵ Методы контекстного обучения студентов: Метод. пособие / Е.В. Баркалова, Ю.М. Боброва, А.В. Еремин, М.Б. Кабанова, С.И. Коряченцова, Р.М. Кравченко, Ю.В. Морозова, Л.А. Чернышева; Под общ. ред. Ю.В. Морозовой. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 35.

⁶ Там же. С. 39–40.

в рейтинге. Но PBL является лишь частным случаем применения игровых элементов в игрофикации. Авторы первого курса по геймификации К. Вербх и Д. Хантер предложили свою «пирамиду элементов», состоящую из игровых компонентов (аватары, бейджи, коллекции, очки, уровни и т. п.), механики (правил) и динамики (сценарии участия игры, социальные взаимодействия и эмоции). Например, если в основе игрофикации применяются уровни и баллы за их прохождение, то у игрока создается ощущение движения и прогресса. Дальше остается только решить, в какую внешнюю форму облечь эту систему игровых элементов – офлайн или онлайн, эстетический вид игры, инструменты и ресурсы ее реализации и т. п.

По мнению Каппа, игрофикация – это использование игровой механики, эстетики и игрового мышления с целью вовлечения людей, мотивации их к учебной деятельности и решению проблем [Карр 2012, р. 51]. Основная цель геймификации – вовлечь человека в учебную деятельность и мотивировать ее продолжать. Игофикация содействует обучению, так как ее элементы основаны на педагогической психологии и представляют собой методы, которые используются в течение многих лет (баллы, поощрения или замечания). Разница заключается в том, что игрофикация выводит образовательный процесс на новый уровень, включая эти хорошо знакомые элементы в увлекательное игровое пространство, которое может одновременно и мотивировать, и обучать учащихся. Уровни помогают схематично категоризировать информацию, а баллы и бейджи дают чувство роста и развития. Игофикация позволяет повысить социальную активность и общение, создать доброжелательную и стимулирующую обучение среду. Учащиеся начинают самостоятельно ставить себе цели и выстраивать образовательные стратегии. Быстрая обратная связь, которая обеспечивается игровыми механиками (особенно в онлайн-формате), дает возможность учащимся оценивать свои успехи, а учителю вовремя вносить поправки в программу курса, дифференцировать учащихся по уровню понимания предмета. Тем самым игрофикация может улучшить взаимодействие не только внутри учебной группы, но и между учениками и учителем, создавая гибкую, ориентированную на студента среду обучения [Cavus 2023, pp. 216–219].

Однако игрофикация не означает упрощение и «инфантилизацию» образования, это серьезная технология, которая позволяет детально проектировать образовательный процесс и эффективно организовывать формы, средства и методы обучения. Она позволяет ускорять процесс обучения, делать преподавание сложных предметов понятнее и привлекательнее, развивать у учащихся системное мышление⁷.

---

⁷ Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. Учеб. пособие. М.: Народное образование, 1998. С. 61.

Кроме того, в основе игрофикации всегда лежит анализ целевой аудитории (в случае МООС (Massive open online course), приложениями) или учебной группы, включающий, например, «Октализ» Ю-Кай Чоу [Yu-Kai Chou 2015] или теорию игровых психотипов Р. Бартла [Bartle 1996]. На основе этого далее происходит разработка игрового сюжета и подбор подходящих игровых элементов, с учетом целей, задач и программы учебного курса [Вербах, Хантер 2015]. Важно понимать, что игрофикация не воздействует на учебный процесс напрямую. По мнению американского психолога Р. Ландерса, выбранные игровые элементы определяют целевое поведение учащегося, и уже сформированное таким образом поведение будет улучшать качество его деятельности в контексте обучения [Landers 2015, p. 762]. Это принципиальным образом отличает игрофикацию от обучения, основанного на играх (GBL).

Нам представляется перспективным применение технологии игрофикации в процессе обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ). Мультинациональные, разновозрастные группы, в которых встречаются студенты с разным уровнем мотивации и интереса к языку, а зачастую и с разными уровнями подготовки, испытывающие напряжение и неудовлетворенность в связи с возникающими языковыми трудностями в ходе учебного процесса – это реалии многих преподавателей русского языка как иностранного. В этом случае игрофикация (в отличие от дискретного применения игр в процессе обучения) может оказаться эффективным подходом к обучению как в рамках целого курса, так и его части, позволяя выстроить учебный процесс с учетом всех индивидуальных особенностей учащихся группы и адаптировать материал для нескольких уровней сложности, не нарушая при этом групповой баланс. Игрофикация способна обеспечить необходимое пространство для синхронизации различных аспектных курсов, которые ведут разные преподаватели (например, курсы по грамматике и развитию речи).

Игрофикация на занятиях РКИ может быть реализована с помощью привлечения приложений с элементами игровой мотивации. Примеров подобных приложений достаточно много, но во многих из них игровая составляющая применяется только частично: игровая валюта «фрикадельки» в LinguaLeo, рост растения по мере изучения слова в Memrise, дидактические игры в LingoDeer, соревновательный аспект в Kahoot, игровая эстетика в Emister. Наиболее же системно игрофикация реализована в приложении Duolingo. В его основе лежит простейшая механика PBL, благодаря которой приложение стимулирует пользователей заниматься ежедневно по несколько раз. Это яркий пример того, как игрофикация может влиять на учащегося, внося изменения в его поведение и тем самым приводя его к повышению уровня знания изучаемого языка. Кроме того, дополнительную

мотивацию в игре могут создавать различные виды взаимодействия с друзьями (совместные «челленджи» или соревнования), а также яркая игровая стилистика и эстетика, быстрая обратная связь и адаптивность. Кроме того, Duolingo предоставляет возможность связать учетные записи учащихся и преподавателя, который будет получать еженедельные отчеты об активности студентов и отслеживать их обучение. Преподаватели английского языка в Томском политехническом университете Н.В. Аксенова и Д.В. Шепетовский включили Duolingo в обязательную внеклассную активность в шести учебных группах разного уровня. По результатам исследования через две недели после начала эксперимента у большей части студентов началось падение интереса и мотивации к продолжению выполнения ежедневных занятий на сайте Duolingo, что объясняется однотипностью заданий и отсутствием сюжета [Аксенова 2014, с. 486]. Среди недостатков данного приложения также следует отметить отсутствие реальной коммуникации в процессе обучения. Более того, большая часть работы в приложении основывается на грамматико-переводном методе. На наш взгляд, это хорошее подтверждение того, что PBL не является универсальной моделью игрофикации, так как направлена в первую очередь на внешнюю мотивацию.

Для сохранения долговременной мотивации учащихся к занятиям необходимо создавать условия, в которых им будет интересно учиться. С этой целью в игрофицированный учебный курс можно добавить историю, сюжет. Повествование или история как игровой элемент придают актуальность и значение получаемому новому опыту, увлекают игрока и заставляют его продвигаться дальше [Karr 2012, p. 84]. Хорошо продуманная игрофикация должна сочетать в себе не только систему интерактивных игровых элементов, но и персонажей, сюжет с завязкой, кульминацией и развязкой. Примером может послужить готовая веб-платформа геймифицированного обучения Classcraft, позволяющая превратить учебный курс в путешествие по фантазийному миру, а учащихся – в его героев. Большое количество разнообразных механик, детально продуманная игровая стилистика, возможность управлять процессом обучения и направлять учащихся, а также создавать сюжет делают ее очень привлекательной готовой основой для игрофикации. Необходимо отметить, что Classcraft хоть и является онлайн-платформой, но прекрасно подойдет и для очных занятий, например в случае обучения по принципам перевернутого класса. Кроме таблиц успеваемости и возможности онлайн-общения с учащимися, учитель может выбирать, как оценивать студентов (как награждать за выполненные задания и наказывать за невыполнение домашних работ) и какое поведение он хочет поощрять (отсутствие опозданий, выполнение дополнительных заданий, работа над ошибками и др.). Таким образом, учащиеся будут проводить больше времени

за выполнением домашнего задания и делать это более качественно. Из недостатков стоит отметить сложность настройки, а значит, зависимость качества игрофикации (и всего учебного курса) от того, насколько полно преподаватель использует платформу. Кроме того, платформа предусматривает большой объем специализированной лексики на русском языке (хотя это может стать актуальным для курса по языку специальности для группы студентов-программистов) и ориентирована на большую группу, а значит, далеко не всегда может подойти преподавателю РКИ.

Преподаватель русского языка как иностранного пока не стоит перед широким выбором игрофицированных учебных курсов, а становится своего рода первооткрывателем и экспериментатором. На данный момент опубликовано крайне мало практических работ, посвященных игрофикации в сфере РКИ [Заякина, Заякина 2023; Минеев-Ли, Коллегов 2021; Гордиенко и др. 2022; Ерофеева 2019]. Автором данной статьи был подготовлен и реализован собственный проект геймифицированного курса для летней школы, который был подробно описан в статье [Назарова 2021]. Данный проект подтвердил одно из самых главных преимуществ игрофикации – возможность в групповом курсе обеспечить действительно эффективный индивидуальный подход. При создании нашего игрофикационного проекта мы смогли учесть как цели и задачи собственно учебного курса, так и непростые условия обучения (онлайн-занятия в пандемию) и все особенности смешанной учебной группы. Мы заметили рост интереса к занятиям со стороны слабомотивированных учащихся, что отразилось в итоге на результатах обучения. Благодаря системе вознаграждений удалось сделать участие студентов на занятиях более активным и менее напряженным. Но мы обратили внимание на то, что реализация и поддержка такого проекта может вызывать трудность у преподавателей со стандартной нагрузкой. Формат летней или зимней школы, кажется, больше подходит для игрофикации, так как студенты, да и сам преподаватель, больше настроены на нетрадиционный формат занятий. Краткосрочный летний курс хорошо вписывается в формат игрофикации, тогда как более длительный курс в таком формате мог бы снизить мотивацию учащихся и оказаться менее эффективным.

Таким образом, игрофикация помогает адаптировать учебную программу к различным образовательным потребностям и сделать процесс обучения более интересным и увлекательным для самих студентов. Формы применения игрофикации варьируются от разнообразных обучающих приложений, которые можно использовать в качестве дополнительной работы с языком, до онлайн-платформ с уже готовыми игровыми механиками и эстетикой, в которые можно «обернуть» программу уже существующего курса. Кроме того, возможно создание собственных игрофицированных курсов в онлайн-

и офлайн-форматах. Тогда применение игрофикации будет особенно эффективно в случае краткосрочных программ (2–5 недель) и применительно к учебным разделам, традиционно вызывающим у изучающих русский язык затруднения (стилистика русского языка, причастия, деепричастия, глагольные причастия и т. п.). Такой формат игрофикации оказывается самым непростым и трудозатратным, но дает возможность преподавателю создать ориентированный на студентов курс, учитывающий все индивидуальные особенности, потребности и интересы учащихся, а также цели и задачи учебного курса. На данный момент все еще наблюдается недостаток в качественных исследованиях в этой области, отсутствие апробированных моделей реализации игрофикации в сфере преподавания иностранных языков, анализа влияния тех или иных игровых механик на поведение учащихся. Тем не менее на основании уже проведенных исследований можно говорить о методическом потенциале игрофикации в сфере преподавания РКИ. Технология игрофикации представляется нам универсальным подходом к организации обучения в мультинациональных, разновозрастных группах, объединяющих студентов с разным уровнем подготовки и знания языка, а также часто с недостаточной мотивацией.

Литература

- Аксенова 2014 – Аксенова Н.В. Опыт использования сайта duolingo.com в обучении английскому языку студентов технического вуза // Молодой ученый. 2014. № 7 (66). С. 484–486.
- Артамонова 2018 – Артамонова В.В. Развитие концепции геймификации в XXI веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 2/2. С. 37–43.
- Вербих, Хантер 2015 – Вербих К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
- Гордиенко и др. 2022 – Гордиенко О.А., Егорова А.Ю., Тарасова Е.С. Стимулирование когнитивной деятельности обучающихся посредством использования возможностей геймификации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 6. С. 91–100.
- Ерофеева 2019 – Ерофеева А.А. Геймификация как прием обучения свободному общению на русском языке (на примере обучения студентов инженерно-технического профиля) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 10. С. 359–364.
- Заякина, Заякина 2023 – Заякина И.А., Заякина М.Г. Использование приемов геймификации в практике преподавания русского языка как иностранного // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2023. № 2. С. 82–83.

- Минеев-Ли, Коллегов 2021 – *Минеев-Ли В.Е., Коллегов А.К.* Использование геймификации при обучении студентов вузов русскому языку как иностранному // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2021. № 2 (42). С. 128–133.
- Назарова 2021 – *Назарова О.А.* Геймификация учебного процесса: опыт применения на краткосрочных учебных курсах по русскому языку как иностранному // *Из практики преподавания русского языка как иностранного взрослым: Сб. науч. статей междунар. науч. конф. М.: РГГУ, 2021.* С. 126–136.
- Никулина 2009 – *Никулина Л.П.* Организация деловой игры при обучении иностранному языку // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* 2009. № 112. С. 171–176.
- Пассов 1988 – *Пассов Е.И.* Урок иностранного языка в средней школе. М.: Просвещение, 1988. 223 с.
- Пассов 1991 – *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
- Хейзинга 2015 – *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
- Шелл 2020 – *Шелл Дж.* Геймдизайн. Как создать игру, в которую будут играть все. М.: Альпина Паблишер, 2020. 820 с.
- Bartle 1996 – *Bartle R.* Hearts, clubs, diamonds, spades: Players who suit MUDs // *Journal of MUD research,* 1996. № 1 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/247190693_Hearts_clubs_diamonds_spades_Players_who_suit_MUDs (дата обращения 10.10.2023).
- Cavus 2023 – *Cavus N.* The Effects of Gamification in Education: A Systematic Literature Review / N. Cavus, I. Ibrahim I., M. Ogbonna Okonkwo, N. Bode Ayansina, T. Modupeola // *BRAIN. Broad Research in Artificial Intelligence and Neuroscience.* 2023. № 14 (2). P. 211–241. URL: <https://doi.org/10.18662/brain/14.2/452> (дата обращения 01.11.2023).
- Coleman, Money 2020 – *Coleman T.E., Money A.G.* Student-centred digital game-based learning: a conceptual framework and survey of the state of the art // *Higher Education.* 2020. № 79. P. 415–457. URL: <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00417-0> (дата обращения 01.11.2023).
- Deterding 2011 – *Deterding S.* Gamification. Using Game-Design Elements in Non-Gaming Contexts / S. Deterding, M. Sicart, L. Nacke, K. O’Hara, D. Dixon // *CHI’11 extended abstracts on human factors in computing systems: ACM.* 2011. P. 2425–2428. URL: https://www.researchgate.net/publication/221518895_Gamification_Using_game_design_elements_in_non-gaming_contexts (дата обращения 15.09.2023).
- Gee 2003 – *Gee J.P.* What video games have to teach us about learning and literacy // *New York, NY: St. Martin’s Griffin,* 2003. 2nd edn. 256 p.
- Jovanovic 2023 – *Jovanovic B.* Gamer Demographics: Facts and Stats About the Most Popular Hobby in the World // *Dataprot.* 2023. URL: <https://dataprot.net/statistics/gamer-demographics/> (дата обращения 11.11.2023).

- Halliday 1985 – *Halliday M.A.K.* An Introduction to Functional Grammar. London: Hodder Arnold, 1985. 432 p.
- Hymes 1972 – *Hymes D.* On Communicative Competence / In: Pride J.B. & Holmes J. (eds.) Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin. 1972. P. 269–285. URL: <https://wwwhomes.uni-bielefeld.de/sgramley/Hymes-2.pdf> (дата обращения 13.09.2023).
- Kapp 2012 – *Kapp K.M.* The gamification of learning and instruction: game-based methods and strategies for training and education. San Francisco: Pfeiffer, 2012. 336 p.
- Landers 2015 – *Landers Richard N.* Developing a Theory of Gamified Learning // Simulation & Gaming. 2015. № 45. P. 752–768. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1046878114563660?journalCode=sagb> (дата обращения 03.11.2023).
- O'Connor, Wilkins 1972 – *O'Connor J.D., Wilkins D.A.* Linguistics in Language Teaching // Journal of the International Phonetic Association. 1972. Vol. 3. № 1. P. 42–44. URL: <https://doi.org/10.1017/S0025100300000682> (дата обращения 17.09.2023).
- Pelling 2011 – *Pelling N.* The (short) prehistory of “gamification”... // Funding Startups (& other impossibilities). 2011. URL: <https://nanodome.wordpress.com/2011/08/09/the-shortprehistory-of-gamification/> (дата обращения 07.09.2023).
- Prensky 2005 – *Prensky M.* Computer games and learning: Digital game-based learning // Handbook of computer game studies. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. Vol. 18. P. 97–122. URL: https://www.academia.edu/1113207/Computer_games_and_learning_Digital_game_based_learning (дата обращения 17.09.2023).
- Salen, Zimmerman 2003 – *Salen K., Zimmerman E.* Rules of play: game design fundamentals. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. 689 p.
- Yu-Kai Chou 2015 – *Yu-Kai Chou.* Actionable Gamification: beyond points, badges, and leaderboards. Octalasis Media, 2015. 480 p.

Человек, общество и власть в Римской империи

УДК 316.35(37)

ББК 60.54(0)32

М.С. Ульянкина

Представления об *amicitia* (дружба) в письмах Сенеки и Плиния Младшего

Статья посвящена смысловому наполнению одной из основных категорий социальной жизни элиты Древнего Рима – *amicitia* (дружба) – на примере эпистолярных сочинений Сенеки и Плиния Младшего в их социокультурном контексте (I – нач. II в. н. э.). В этих письмах, несомненно являвшихся частью литературной традиции своего времени, нашли свое отражение как нравственно-этические представления о дружбе римского гражданина из высших слоев общества, так и реальные коммуникативные практики раннеимперского времени. В репрезентации Сенекой феномена *amicitia* отчетливо наблюдаются признаки общего направления трансформаций, позволяющих историку провести условный рубеж между республикой и империей. Так, римлянин, традиционно ориентированный на полисные ценности, политические интересы гражданского коллектива, стал гораздо более погружен в сферу частных, индивидуальных нужд. В таком свете дружба предполагала в первую очередь личную связь, основанную на эмоциональной привязанности и общем досуге. Маркеры изменений в понимании *amicitia* стоит искать в прямо и косвенно транслируемых идеях, важнейшие из которых – доверие, открытость, бескорытность. Особое значение также имеет разрушение прежних, связанных с политической активностью горизонтальных связей внутри римской элиты: по-новому понимаемая дружба могла выступать способом компенсировать их в условиях уменьшившихся властных полномочий. В переписке Плиния с его многочисленными адресатами находят отражение схожие принципы и соответствующие практики, что свидетельствует о наличии тенденции к восприятию *amicitia* как эмоциональной связи. Тем не менее специфические черты политического климата середины I – начала II в. н. э. наложили отпечаток на некоторые особенности риторики и социального поведения элиты, что также упоминается в статье.

Ключевые слова: Римская империя, Сенека, Плиний Младший, социальная жизнь элиты, *amicitia*, дружба

Человек как существо социальное уже на протяжении многих тысячелетий живет внутри коллективов и дополнительно маркирует свою принадлежность к той или иной группе. Жизнь в социуме предполагает создание многочисленных способов коммуникации с окружающими людьми. К числу таковых, несомненно, стоит отнести и дружбу,

конфигурация которой определяется системой этических представлений и практических правил, действующих внутри коллектива. Данная статья посвящена феномену *amicitia* (дружба) и трансформации принципов социального взаимодействия индивидов в контексте трансформационных процессов в Римской империи на примере эпистолярного наследия Сенеки (ок. 1 г. до н. э. – 65 г. н. э.) и Плиния Младшего (61 – ок. 114 г. н. э.). Такой выбор источников позволяет взглянуть на отношение интеллектуальной и политической элиты Древнего Рима к одной и той же проблеме в ее историческом развитии. Если в «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки мы часто видим рассуждения теоретического характера, то в случае Плиния этические представления переложены на почву практической коммуникации, что позволяет проследить укоренение тренда на новое представление об *amicitia*.

Плеяду писем, посвященных вопросам дружбы, Сенека открывает рассуждением о доверии, без которого, по мнению автора наставлений, невозможна *vera amicitia* (истинная дружба):

Ты пишешь, что письма для передачи мне отдал другу, а потом предупреждаешь, чтобы не всем, тебя касающимся, я с ним делился, потому что и сам ты не имеешь обыкновения делать так... <...> ...но если ты кого-нибудь считаешь другом и при этом не веришь ему, как самому себе, значит, ты заблуждаешься и не ведаешь, что есть истинная дружба¹ (Sen. Ep. III. 1–2).

Прежде всего стоит обратить внимание на то, что *amicitia* в контексте данного нравственного увещевания предстает в качестве комплекса индивидуальных связей человека. Их построение зависит не столько от традиционных контактов между фамилиями и родами и устоявшихся отношений патроната-клиентелы, сколько от личных представлений человека о достойном, верном и заслуживающем доверия друге. Дружба – это то, что приобретается самостоятельно в процессе рефлексии:

Во всем старайся разобраться вместе с другом, но прежде разберись в нем самом. Подружившись, доверяй, суди же до того, как подружился. Кто вопреки наставлению Феофраста судит, полюбив, вместо того чтобы любить, составив суждение, те путают, что должно делать раньше, что позже (Sen. Ep. III. 2).

¹ *Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Отв. ред. М.Л. Гаспаров; Примеч. и пер. С.А. Ошерова. М.: Наука, 1977. 383 с. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках, с указанием сокращенной фамилии автора и номера эпизода.)*

Понятие *amicitia* (дружба) представляется достаточно многозначным и, что самое важное, изменяющимся во времени: с его помощью римляне описывали социальные связи самого разного характера. Обращаясь к сочинению Цицерона (106–43 до н. э.) «О дружбе», ряд исследователей (Дж. Грубер-Миллер, В. Коллинз, И.В. Шталь) приходят к выводу о том, что *amicitia* в контексте первостепенной значимости полисных норм представляет собой в большей степени политический союз [Брагова 2016, с. 108]. Как мы увидим в ходе повествования, Сенека, живущий в другой социокультурной и политической реальности, совсем иначе расставляет смысловые акценты в разговоре о дружбе.

Вместе с тем исследователь Р. Сэллер обращает внимание на богатство даже одновременно существующих в раннеимперский период значений данной категории: “*amicus*” – это полисемичное слово, которое было одинаково хорошо применимо к политическим союзникам или личным приближенным, к покровителю или клиенту [Saller 1989, p. 57]. На эту многогранность дефиниции указывает и сам Сенека. В том же письме III Сенека стремится очертить границы того, что он в данном случае понимает под *amicitia*: автор говорит об *amicus* не с прагматической точки зрения, но с позиций эмоциональной и духовной близости, а также нравственных оснований, определяемых стоической философией. Так, по отношению к потенциальному другу в письме III звучат слова, производные от *amo* – любить, *rectus* – душа, сердце, то есть чувственно окрашенная лексика. Для Сенеки как для стойка важно иметь возможность говорить с другом как с самим собой: “*Quid est quare me coram illo non putem solum?* (Почему мне не думать, что в его присутствии я все равно что наедине с собой?)” – вопрошает Сенека (Sen. Ep. III. 3). Разумеется, внимание к приватному пространству человека – отличительная черта стоицизма. Вместе с тем нам представляется довольно симптоматичным курс на индивидуализацию личных связей – он укладывается в общую тенденцию к отчуждению стремлений отдельного человека от интересов гражданского коллектива (именно полисные идеалы долгое время преобладали в системе ценностей римлянина). По замечаниям Г.С. Кнабе, тренд обнаруживает себя во многих сторонах жизни индивида: в возвышенном образе власти, «парящей» над коллективом граждан, в менее инициативном политическом поведении, моде, легко заимствующейся у других народов, планах городской застройки, архитектуре, ориентированной на свободу пространства, в мобильности населения и особенностях самоидентификации [Кнабе 1997]. При некоторой преобладности политических и бытовых представлений изменения, позволяющие историку провести условную линию демаркации между республиканским и имперским временем, проявляют себя через внимание к частному, приватному, индивидуальному. Есть все основания полагать, что тот же процесс затронул и привычную конфигурацию

социальных связей, изменив как сами способы приобретения *amicitia*, так и ее внутреннее содержание.

В этом контексте важно подчеркнуть возросшую именно в I в. н. э. популярность во многом индивидуалистического, пересматривающего место человека в обществе учения стоиков. Этот феномен, на наш взгляд, необходимо рассматривать не как простую дань греческой философской традиции, но как реакцию на общественные изменения. Стоицизм зародился в эпоху раннего эллинизма, он был хорошо известен римлянам во времена Катона Младшего Утического, о своем видении стоической философии писал Цицерон², причем скорее в критическом ключе, однако активная рецепция идей приходится на раннеимперскую эпоху. Стоическая мысль снискала такую популярность в среде элиты, что, как отмечает С.Н. Кочеров, к «золотому веку» Антонинов вовсе приобретает черты своеобразной идеологии [Кочеров 2016, с. 32]. Поэтому нравственные рассуждения Сенеки, вовлеченного не только в философскую, но и политическую жизнь Древнего Рима, можно рассматривать как наиболее яркое проявление общего направления изменений.

Мотив восприятия дружбы как индивидуальной связи, в основу которой положена приверженность общей ценностной картине, находит свое продолжение и в других письмах, посвященных *amicitia*. «Я назову тебе многих, кто лишен не друзей, но самой дружбы. Такого не может быть с теми, чьи души объединяет общая воля и жажда честного», – пишет Сенека (Sen. Ep. VI. 3). На этой почве общих представлений о норме те, кто связаны отношениями *amicitia*, разделяют и интеллектуальный досуг: большая часть рассматриваемого письма посвящена вопросу обмена философскими штудиями. Идея о важности интеллектуального общения в дружеском кругу Сенеки и его собеседника находила свое практическое воплощение в пересылке писем с рассуждениями нравственно-этического содержания и книг с собственными замечаниями. Например:

Пошлю я тебе и книги, а чтобы ты не тратил труда на поиски вещей полезных, сделаю пометки, по которым ты сразу найдешь все, что я одобряю и чем восхищаюсь (Sen. Ep. VI. 5).

Возвращаясь к письму III, мы также увидим, что коммуникативная ситуация, породившая рассуждения Сенеки о *vera amicitia*, также связана с циркуляцией писем в дружеском кругу. Так, вероятно, имело место хождение посланий от человека к человеку в качестве образцов литературно-философского творчества: «Ты пишешь, что письма

² *Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков* / Пер. Н.А. Федорова. М.: РГГУ, 2000. 472 с.

для передачи мне отдал другу» (Sen. Ep. III. 1). Дополнительно заметим: Сенека в целом уделяет достаточно большое внимание «дружбе мудрецов» как особому виду дружеской связи. Именно в рамках этих рассуждений впервые категории дружбы и утилитарной полезности находятся в одном ряду, однако прагматический обмен обнаруживает себя именно в интеллектуальной форме:

Мужи добра полезны друг другу... <...> ...чем мудрый поможет мудрому? Подбодрит его, укажет случай поступить благородно и еще поделится с ним мыслями, научит тому, что сам открыл (Sen. Ep. CIX. 1–3).

Иного рода прагматика, которую Сенека видит в доктрине дружбы эпикурейцев, порицается:

Пусть мудрому никто, кроме него самого, не нужен, он все-таки желает иметь друга, хотя бы ради деятельной дружбы, чтобы не оставалась праздной столь великая добродетель, и не ради того, чтобы, как говорит Эпикур в том же письме, «было кому ухаживать за ним в болезни, помогать в оковах или в нужде», но чтобы самому было за кем ухаживать в болезни, кого вызволять из-под вражеской стражи (Sen. Ep. IX. 8).

Необходимо выразить согласие с выводами Д. Констана, который выделяет смысловое наполнение *amicitia* в условиях изменения конфигурации власти и перехода к принципату как отдельную исследовательскую проблему и емко обозначает суть имевших место трансформаций. Если в республиканское время условия для дружбы создавались посредством личных связей внутри аристократических кругов и отношений между политическими кандидатами и их последователями, то в эпоху принципата положение несколько изменилось: отношения в среде знати стали открыто иерархическими, потому идеи о дружбе адаптировались к новым социальным практикам и в противовес формировали пространство горизонтальной системы контактов. В Древнем Риме имперского времени, как замечает исследователь, *amicitia* – частная связь, основанная на взаимной привязанности, уважении и эгалитаризме, которые проявили себя во внимании к интеллектуальному философскому досугу, особенно его коллективным формам [Konstan 1997, p. 148]. Так, на наш взгляд, в этом состоят причины «поворота» в вопросах дружбы к психоэмоциональной стороне жизни и сопряженному с ней досуговому аспекту как элементу частного, приватного пространства.

Кроме того, для Сенеки важен тот аспект *amicitia*, который связан с получением удовольствия (причем не только в философском смысле этого слова): обратим внимание на появление в лексиконе описания дружеских уз слов, по своему смыслу связанных с положительными

эмоциями – *delectari* (находить удовольствие, радоваться), *dulcedo* (прелесть), *dulcis* (сладостный, приятный), *gaudere* (радоваться, наслаждаться), *iucundus* (приятный, милый) и, конечно же, *voluptas* (удовольствие, наслаждение) [Evenepoel 2006, p. 192].

Вместе с тем любопытно, что Сенека указывает на неминуемо социальную природу человека: несмотря на то что мудрец в стоической мысли должен безболезненно оставить все свои социальные связи, прийти к автаркии, он тем не менее хочет обзавестись *vera amicitia* и вовсе не из рационального расчета (*Sen. Ep. IX*). В этом рассуждении обнаруживает себя взгляд на дружбу скорее как на близкий эмоциональный контакт, нежели как на систему обязательств. Именно такое понимание *amicitia* подводит к размышлениям: стоит ли считать дружеские связи аффектом, мешающим полноценно жить и мыслить философу-стоику? В рамках того же рассуждения Сенека ставит и связанный с прозой политической жизни в эпоху императора Нерона вопрос:

А как будет жить мудрец, если он, взятый под стражу, переселенный на чужбину, замешкавшийся в долгом плавании, выброшенный на пустынный берег, останется без друзей? (*Sen. Ep. IX. 16*)

Ответ прост: смиренно уйдет в себя. Вполне возможно, что такая риторика – результат рефлексии сложных политических перипетий, участником которых стал сам Сенека: речь идет прежде всего о смерти Секста Афрания Бурра, префекта преторианцев, отправленного императором Нероном в ссылку. Эта гибель в какой-то степени повлияла на решение Сенеки оставить политическую карьеру. Особенно примечателен тот факт, что Бурр, обвиненный в планируемом против императора заговоре, был одним из числа наиболее активно поддержавших возведение Нерона на трон. Это обстоятельство могло достаточно серьезно сказаться на разочаровании Сенеки в политическом климате эпохи еще до обвинения самого автора писем в растратах и заговоре. Так, воспитатель Нерона стал заранее задумываться о потенциально незавидном будущем, что и отразилось в его размышлениях о месте *amicitia* в жизни человека.

В рассуждениях Сенеки относительно принципов и функций *amicitia*, в постановке вопросов, касающихся места человека внутри сети социальных связей, можно увидеть признаки некоторой трансформации, смены ценностных парадигм, происходящей под влиянием тренда к отчуждению индивида от гражданского коллектива, а также в связи с особенностями политического климата эпохи Нерона. В интерпретации Сенеки, приверженца набирающей популярность в среде древнеримской элиты стоической философии с ее индивидуалистическим императивом «отвоюй себя для себя самого», *amicitia*

предполагает в первую очередь наличие глубокой эмоциональной связи: друг – это «второе я», он разделяет устремления, связанные с индивидуальной, приватной, в том числе досуговой и психоэмоциональной стороной жизни человека.

Сохранение данной тенденции прослеживается и в коммуникативных ситуациях из писем Плиния Младшего, яркого представителя древнеримской элиты рубежа I–II вв., в основе групповой идентичности которой лежало отправление литературного досуга. Кроме того, Плиний также был приверженцем популярной на тот момент стоической философии и декларировал соответствующий взгляд на добродетель.

Примечательно, что в дружеской коммуникации автора со своими адресатами присутствует мотив открытости: «Я написал тебе об этом потому, что привык говорить с тобой, как с самим собой»³ (Plin. Ep. V. 1. 12). В подтверждение тезиса можно также привести слова Плиния о радости за друга: «Мне хорошо, потому что хорошо тебе» (Plin. Ep. V. 18. 1). Особенно важно, что постулируемая душевная связь с другом находит свое практическое применение. Так, Плиний участвует в урегулировании конфликта в домашнем пространстве Сабиниана, выгнавшего своего вольноотпущенника, которого автор писем призывает вернуть *in domum*, используя эмоциональный аргумент и тем самым утверждая душевную близость с адресатом: «не мучь также себя; ты, столь мягкий от природы, мучишься, гневаешься» (Plin. Ep. I. 13. 2).

Вместе с тем, как отмечалось выше, дружеские связи воспринимаются как что-то, что может и должно приносить *voluptas* (удовольствие). Обратимся к истории знакомства Приска и Сатурнина, описанной в цикле из трех писем (VII. 7, VII. 8 и VII. 15). Из текста посланий мы узнаем, что друзья сошлись благодаря посредничеству Плиния, и насколько позволяет полагать контекст, случилось это на вилле автора писем: «Я знал, что совместная жизнь с нашим Приском будет тебе [Сатурнину] приятна» (Plin. Ep. VII. 15). Так, их взаимные дружеские обязательства зарождаются в первую очередь на основе удовлетворенности от общения и симпатии: «Он [Приск] заявляет, что дружба с тобой доставляет ему особое удовольствие» (Plin. Ep. VII. 7. 2).

Кроме того, Плиний также говорит о получении удовольствия от совместного проведения досуга. Долго гостив у своего отошедшего от политических дел друга Тита Вестриция Спуринны, он так описывает полученный опыт: «Затем он усаживается; опять книга и беседа, ко-

---

³ Письма Плиния Младшего. Книги I–X / Пер. М.Е. Сергеевко и А.И. Довагура; Примеч. М.Е. Сергеевко и др. 2-е изд., перераб. Москва: Наука, 1984. 405 с. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенной фамилии автора и номера эпизода.)

торая содержательнее книги; потом садится в повозку, берет с собой жену (женщину примерную) или кого-либо из друзей, недавно меня. Как прекрасна, как сладостна эта беседа с глазу на глаз! сколько в ней от доброго старого времени! О каких событиях, о каких людях ты услышишь! какими наставлениями проникнешься!» (Plin. Ep. III. 1. 4–6).

Особое значение в конструировании социальных связей в различных обществах имеет пространство пира, отражающее представления об этических нормах и эстетическом идеале в различных обществах. В данном контексте интересен следующий случай: Плиний Младший пишет Юнию Авиту о том, как на одном из пиршеств хозяин разливал вино гостям разного качества в соответствии со статусом и достатком приглашенных:

Вино в маленьких бутылочках он [хозяин обеда. – М. У.] разлил по трем сортам: одно было для него и [иное. – М. У.] для нас, а другое для друзей попроче (*minoribus amicis*) (друзья у него расположены по ступенькам) (Plin. Ep. II. 6. 2).

И такое поведение Плиний осуждает, сопровождая следующим комментарием: «Если тебе жалко денег, – пишет он, – то лучше сберечь их, ограничивая себя, а не оскорбляя других» (Plin. Ep. II. 6. 5). Д. Констант находит схожий сюжет у Ювенала – современника Плиния: пятая сатира Ювенала остроумно изображает унижение младших гостей на званом обеде, которое он порицает, в связи с чем стихотворение иногда приводится как аргумент в пользу того, что дружеские узы и связь патрона с его клиентами – один и тот же вид отношений [Konstan 1997, p. 138]. Однако историк интерпретирует поэтический текст в обратном ключе: «Сарказм Ювенала как в сторону хозяина, так и в сторону заискивающих был бы неуместен, если бы не существовало представлений о том, что эти два вида отношений (дружба и клиента) различны» [Konstan 1997, p. 139]. В такой интерпретации те, кого Плиний в II. 6 называет “*minoribus amicis*”, – клиенты. В эту концепцию отлично укладывается упоминавшаяся идея Р. Сэллера о многозначности определения “*amicus*” [Saller 1989, p. 57]. Однако при подобной трактовке вызывает вопросы уточнение самого Плиния: “*nam gradatim amicos habet*”. Уточнение о том, что друзья у хозяина обеда ранжированы, расположены по ступенькам, может быть способом объяснить читателю-адресату, почему Плиний вообще употребляет выражение “*minoribus amicis*”. Вероятно, автор письма желает подчеркнуть, что в данном случае он выражает мысль, пользуясь уничижительной терминологией хозяина застолья, чьи нравы он находит непозволительными: если бы речь шла исключительно о клиентской связи, акцент на искусственности имущественного неравенства не представлял бы ценности. В любом случае, по мнению Плиния, грубой формы иерархичности в пространстве пира,

как и в *amicitia* в целом (если мы принимаем, что речь в данном контексте идет не о клиентах), быть не может. Этот сюжет, на наш взгляд, является прекрасной иллюстрацией к озвученному ранее тезису: новое представление о дружбе, в основе которого лежит примат личных привязанностей над остальными факторами, – способ компенсировать горизонтальные социальные связи внутри элиты, утраченные из-за уменьшения ее политической роли при сосредоточении большей власти в руках правителя-принцепса.

Вместе с тем в понимании *amicitia* Сенекой и Плинием есть различия, вызванные спецификой политического контекста. Сенека – человек, отошедший от дел, разочарованный в политической атмосфере современного ему Рима, которая стала делом рук его подопечного – Нерона, Плиний же – действующее доверенное лицо императора Траяна, он существует в рамках большей институциональной стабильности. Оказавшись в других условиях, Плиний при всей своей ориентированности на стоический идеал ценит практическую политическую деятельность, прагматично используя в ее контексте дружеские контакты и придерживаясь правила «если ты поможешь мне, я помогу тебе» (Plin. Ep. II. 9). Тем не менее, как было многократно замечено ранее, мы видим, что оба автора, выходя на уровень философских рассуждений или становясь участником реальной коммуникационной ситуации, интерпретируют дружбу в качестве личной психоэмоциональной эгалитарной связи. Таким образом, речь идет о тенденции к распространению нового понимания категории *amicitia*. Идеи, озвучиваемые Сенекой, являясь частью общего тренда развития древнеримского социума, находят свое дальнейшее продолжение в представлениях и практиках интеллектуальной и политической элиты Римской империи рубежа I–II вв.

Литература

- Брагова 2016 – Брагова А.М. Понятие *amicitia* в сочинениях Цицерона // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. № 1. С. 103–110.
- Кнабе 1997 – Кнабе Г.С. Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 66–78.
- Кочеров 2016 – Кочеров С.Н. Римский стоицизм как соединение этической теории и моральной практики // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 1. С. 31–45.
- Evenepoel 2006 – Evenepoel W. Seneca's Letters on Friendship: Notes on the Recent Scholarly Literature and Observations on Three Quaestiones // L'antiquité Classique. 2006. Vol. 75. P. 177–193.
- Konstan 1997 – Konstan D. Friendship in the Classical World. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 206 p.
- Saller 1989 – Saller R. Patronage and Friendship in Early Imperial Rome: Drawing the Distinction // Patronage in Ancient Society / Ed. by A. Wallace-Hadrill. London: Routledge, 1989. P. 49–62.

Д.А. Манаева

Представления о магии в сочинениях христианских апологетов II в. н. э.

В статье рассматриваются представления о магии, отраженные в сочинениях христианских апологетов II в. н. э. На основе анализа апологетических произведений Иустина Философа, Татиана, Минуция Феликса и Тертуллиана автор отмечает значительное внимание христианских писателей к теме магии. Хотя общее отношение к магии во всех рассмотренных сочинениях явно негативное, подробность описания различных связанных с ней сюжетов показывает большой интерес к этой теме, существовавший в римском обществе II в. Прослеживаемое в текстах стремление апологетов четко разграничить магические практики и христианские, а также значительное количество деталей, которые они сообщают о магии, говорит о влиянии на христианскую мысль распространенных в римском обществе убеждений. При этом в некоторых случаях в апологиях обнаруживается не столько разграничение между принципиально несовместимыми и даже противоположными практиками, сколько доказательство большей эффективности христианских средств для достижения тех же самых целей (например для изгнания демонов из одержимых).

Ключевые слова: раннее христианство, апологетика, Римская империя, II век, магия

Во II в. н. э. Римская империя переживает значительные перемены, особенно в религиозной сфере, что традиционно отмечается во многих исследованиях. Эти изменения включают как появляющиеся нововведения, так и трансформацию существующих верований и практик. Вызывают исследовательский интерес способы, с помощью которых в такие времена люди пытаются найти ответы на новые и сложные вопросы, с которыми они сталкиваются, и решают свои жизненные проблемы. Особое внимание обращает на себя рост интереса к магии, который можно рассматривать как важное проявление происходивших изменений в жизни и мировоззрении обитателей римского Средиземноморья во II в. н. э. В этот же период начинает стремительно набирать популярность христианство, что оказывает

существенное влияние на религиозные и культурные аспекты жизни принявших новую веру людей. Безусловно, отмеченные тенденции и феномены сосуществуют в одном времени и в одних и тех же сообществах, так что весьма любопытно их соотнести между собой.

Во II в. появляется новый литературный жанр – апологетика, который предлагает уникальную оптику для изучения эпохи, позволяющую более глубоко понять мировоззренческие изменения и увидеть, как люди адаптировались к новым вызовам и осмысливали происходящие вокруг них перемены. Апологетические сочинения ранних христиан были направлены не только на защиту веры от нападок язычников и иудеев, но и на разъяснение ее сущности (возможно, даже и для самих христиан [Лебедев 2021, с. 79]). Эти тексты также отражали стремление их авторов сформировать определенный образ как христиан, так и тех, кто находился вне христианской общины. Поскольку апологеты уделяют значительное внимание теме магии, изучение их отношения к ней и подробностей, связанных с осуществлением магических практик, их сочинения представляют большой интерес для исследования поставленной выше проблемы. В них можно увидеть особым образом преломленное отношение к магии, характерное для римского общества II в., определенную часть которого составляли и христианские писатели.

В исследовании анализируются «Первая апология» и «Вторая апология» Иустина Философа, «Слово к эллинам» Татиана Ассирийца, «Октавий» Марка Минуция Феликса и «Апологетик» Тертуллиана, созданные во II в. н. э. Как было отмечено выше, эти сочинения имеют большой потенциал для анализа отношения римлян II в. к магии. Однако в историографии этот потенциал оказывается не вполне использован, потому что апологии редко становятся отдельным предметом исследования и лишь фрагментарно используются для реконструкции представлений о магии и магических практиках. К отдельным примерам из апологетики обращается А.В. Петров, но концентрирует внимание на более масштабном процессе трансформации магии из неблагочестивой практики в теургию – элитарное явление, которое стремится соответствовать «требованиям нормативного благочестия» [Петров 2003, с. 83]. Среди авторов, занимающихся исследованием магии в раннем христианстве, можно выделить С. Хаара, который рассматривает представления о силах, помогающих магам в занятиях магией, и исследует пересечения магии с языческой религией на широком источниковом материале, но лишь фрагментарно использует апологетику II в. н. э. [Наар 2003, р. 88]. В работе П.Н. Лебедева, посвященной сюжетам, связанным с экзорцизмом, в христианской апологетике отмечается пересечение представлений о божественной помощи и возможностях магии на языковом уровне, что представляет несомненный интерес для настоящего исследования [Лебедев 2023,

с. 354]. Значительную ценность представляет также работа Т. де Брюна, который рассматривает значение магии в жизни римского общества и утверждает, что обвинение в причастности к магическим практикам в первые века новой эры часто могло использоваться для дискредитации соперника [Врун 2017, р. 19–24]. В настоящей же статье хотелось бы более подробно остановиться на апологетике II в. н. э. и попробовать проверить на ее примере ряда отмеченных выше наблюдений исследователей об отношении к магии в римском обществе.

Что касается определения общего отношения самих апологетов к магии, это можно проследить на основе смысловых рядов, в которые они ее помещают вместе с какими-либо другими занятиями. Часто магия соседствует с различными видами предсказаний и науками. У Татиана Ассирийца магия встречается в ряду древних наук наравне с различными видами взаимодействия людей с миром богов и науками: «Ведь гадательное искусство изобрели телмессяне, из тех, что поспособнее, карийцы – предсказания по звездам, по полету птиц – фригийцы и древнейшие исавры, киприоты – жертвоприношения, астрономию – вавилоняне, магию – персы, геометрию – египтяне, а грамоту – финикийцы. Так что перестаньте подражание называть изобретением»¹ (Tat., Orat. 1). В противовес Татиану, в сочинении Тертуллиана магия упоминается в одном смысловом ряду с хозяевами публичных домов, сводниками и сутенерами (Tert., Apol. 63.1)², а также называется одним из искусств, наравне с астрологией и гаданиями, «переданными людям павшими ангелами» (Tert., Apol. 35.11–12). Тертуллиан представляет причастных к магическим практикам как людей эгоистичных и циничных, преследующих собственные цели даже во время празднеств, потому что приходят туда для того, чтобы «выучить мольбы об исполнении своих желаний и освятить пример и образ своей надежды, тайно изменяя в сердце имя принцепса» (Tert., Apol. 35.11–35.12). Иустин Философ в «Первой апологии» приравнивает магию к внебрачным отношениям, жадности и ненависти по отношению к соседям (Iust., 1 Apol. 14)³. Поскольку у большин-

¹ *Татиан. Слово к эллинам* / Пер. Д.Е. Афиногенова // Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 93–117. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках, с указанием сокращенной фамилии автора и номера главы и статьи.)

² *Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс. Апологетик* / Пер. А.Ю. Братухина. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 111–191. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках, с указанием сокращенной фамилии автора и номера главы и статьи.)

³ *Иустин Философ. Первая Апология* // Соч. Святого Иустина Философа и Мученика / Пер. с древнегреч., вступ. ст., коммент. и указатель П. Преображенского. М.: Университетская типография, 1995. С. 31–104. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках, с указанием сокращенной фамилии автора и номера главы и статьи.)

ства авторов магия располагается в одном ряду с общественно порицаемыми занятиями, а люди, использующие ее, наделяются отрицательными качествами, можно говорить о восприятии магии как явления опасного и, явно негативном отношении христианских писателей к ней.

Магия также часто представлялась в апологиях практикой, сопряженной с обманом. Среди занятий магов Тертуллиан называет предсказания и чудеса, которые разыгрываются с помощью «шарлатанских ухищрений» (*circulatoriis praestigiis*) (Tert., Apol. 23.1). Также он указывает на связь магии и обмана: «Вы скажете, что тут задействованы магия или какой-нибудь другой обман этого рода» (Tert., Apol. 23.7). Марк Минуций Феликс, описывая демонов, которые содействуют магическим обрядам, также подчеркивает, что магии сопутствует обман. По его словам, предсказания демонов содержат ложь, и сами демоны «и обманываются, и обманывают; они не знают чистой истины и не исповедуют того, что знают, во вред себе» (Min. Fel., Oct. 26). Связь магии с обманом встречается и в сочинении Иустина Философа. Автор отмечает, что Менандр из Капаретеи стал известным благодаря тому, что обманывал многих с помощью магического искусства (*πολλοὺς ἐξαπατῆσαι διὰ μαγικῆς τέχνης*) (Iust., 1 Apol. 26). Для описания действий Менандра Иустин Философ использует глагол *ἐξαπατάω* – вводить в заблуждение, обманывать. Далее в тексте он, когда речь вновь будет идти о Менандре из Капаретеи, повторит тот же глагол с явно негативной коннотацией (*οἱ καὶ μαγικὰς δυνάμεις ποιῆσαντες πολλοὺς ἐξηπάτησαν*) (Iust., 1 Apol. 56). Однако, говоря о колдовстве, Иустин Философ трижды использует и вполне нейтральные глаголы – *χράομαι* (заниматься) (Iust., 1 Apol. 14), *ποιέω* (совершать, исполнять) (Iust., 1 Apol. 26, 30).

Важным аспектом представлений о магии, отраженных в раннехристианских апологиях, является не только оценка ее как явления, но и подробное описание авторами механизмов ее действия. Иустин Философ упоминает силы, посылающие сны, и существ-помощников: «В самом деле, пусть даже некромантия и предсказания посредством неоскверненных мальчиков и вызывания душ человеческих и так называемые у магов наводители снов (*ὄνειροποιοί*) и божества-помощники (*πάρεδροί*)» (Iust., 1 Apol. 18). В понимании Иустина Философа, для колдовского обряда необходим некий дух-посредник, который бы связывал мага с объектом его воздействия. Именно эти «наводители снов» и духи-помощники, как отмечает автор, давали колдуну силу для магического действия. Такой силой-посредником Иустин называет демонов и отмечает, что демоны оказывают на людей воздействие «посредством снов» (*δι' ὄνειρων*) или «магических чарований» (*διὰ μαγικῶν στροφῶν*) (Iust., 1 Apol. 14). Указания на связь демонов со сновидениями встречаются и в «Апологетике» Тертуллиана. Автор отме-

чает, что демоны «насылают сновидения, имея в своем распоряжении помогающую им силу однажды призванных ангелов и демонов» (Tert., Apol. 23.1). Связь состояния сна и воздействия демонов характерна для христианской традиции, вобравшей в себя как античную теоретическую мысль о сущности сновидений, так и иудейскую [Крюкова 2013, с. 34]. Как отмечает А.Н. Крюкова, сны, внушаемые демонами, представляют собой у христианских авторов лишь один из четырех видов сновидений, среди которых также выделяются сны, посылаемые Богом, рожденные душой под воздействием внешних обстоятельств, и получаемые в состоянии экстаза [Крюкова 2013, с. 35].

В текстах апологетов при описании занятий магией демоны не раз упоминаются и вне контекста сновидений, как силы, помогающие магам. Минуций Феликс пишет про чудеса (*miraculi*), сотворяемые магами с помощью демонов: «Маги ... забавляют людей своими чудесами с помощью демонов; по их наущению и с их помощью показывают они фокусы» (Min. Fel., Oct. 26)⁴. Апологет также упоминает, что маги посредством демонов могут воздействовать на восприятие человека: они «заставляют видеть то, чего нет, или не видеть того, что есть» (Min. Fel., Oct. 26). Сила демонов в этом контексте уже не ограничивается лишь безобидными развлечениями для публики. Автор предполагает, что демоны способны целенаправленно влиять на понимание человеком происходящих вокруг него процессов, изменяя его в соответствии со своими целями.

Как и у Минуция Феликса, демоны в представлении Тертуллиана способны воздействовать как на живые предметы, так и на неживые:

...насылают сновидения, имея в своем распоряжении помогающую им силу однажды призванных ангелов и демонов, посредством которых обычно прорицают и козы и столы (Tert., Apol. 23.1).

Поскольку в качестве объектов воздействия демонов Тертуллиан называет как одушевленные, так и неодушевленные объекты, можно говорить о восприятии магии как явления, способного изменять привычную сущность как живых существ, так и предметов окружающей среды и наделять их несвойственными им возможностями.

В некоторых случаях упоминания демонов в сочинениях апологетов позволяют увидеть, как на языковом уровне отражается пересечение представлений о помощи христианского Бога с представлениями о возможностях магии. Во «Второй апологии» Иустина Философа

---

⁴ *Марк Минуций Феликс. Октавий / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко // Сочинения древних христианских апологетов. СПб.: Алетейя, 1999. С. 226–274. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенной фамилии автора и номера главы и статьи.)*

описывается, как христиане исцеляют одержимых демонами, «заклинная (ἔλτορκίζοντες) именем Иисуса Христа», – и в этом же предложении бессильные языческие экзорцисты называются, среди прочего, «заклинателями (ἔλτορκιστῶν)» (Iust., 2 Apol. 6) [Лебедев 2023, с. 354]. В этом отрывке также прослеживается сравнение эффективности религиозных и магических практик для изгнания демонов. Иустин указывает на то, что «многие из наших, из христиан, исцеляли и ныне еще исцеляют множество одержимых демонами во всем мире», в то время как другие заклинатели, заговорщики и чародеи с этим справиться не смогли. Подобный параллелизм показывает, что в некоторых случаях христиане не столько отделяют себя от осуждаемых ими языческих практик, сколько стремятся доказать свое превосходство в достижениях тех же целей, для которых могла использоваться традиционная магия.

В тексте Минуция Феликса также упоминаются два способа изгнания демонов – с помощью заклинаний и с помощью молитвы:

Большей части ваших известно, что сами демоны сознаются в том, кто они, всякий раз, когда мы изгоняем их из людей, мучая заклинаниями и обжигая молитвой (Min. Fel., Oct. 27.5).

Такое пересечение в «Октавии», а также возможность сопоставления эффективности на первый взгляд диаметрально противоположных практик во «Второй апологии» могут свидетельствовать о том, что использование магических практик для изгнания демонов было распространено наравне с христианскими.

Сравнение христианских практик и магии можно увидеть и в «Слове к эллинам» Татиана Ассирийца. Рассматривая два варианта лечения – с помощью силы христианского Бога и с помощью магических практик, автор подчеркивает превосходство первого (Tat., Orat. 18). Более того, стремясь представить людей, обращающихся за помощью к магическим практикам, глупыми и невежественными, он намеренно описывает этот способ лечения абсурдным и нелогичным:

...лечишься, словно пес с помощью травы, олень с помощью гадюки, свинья с помощью речных раков, а лев – обезьян (Tat., Orat. 18).

Здесь вновь, как и в тексте Иустина Философа, сравнение автором настолько противоположных подходов к врачеванию свидетельствует о том, что некоторая конкуренция между ними существовала. По крайней мере публика была хорошо осведомлена о возможности использовать оба способа, в связи с чем Татиан считает уместным их упоминать.

В отношении подробностей, которые апологеты сообщают о магических практиках, Татиан Ассириец выделяется на фоне остальных авторов. Например, можно обратить внимание на упоминаемые им кожаные подвески (σκυτίδων ἐξαρτήμασι), которые он называет одним из инструментов для осуществления магических манипуляций. Он также указывает контексты их употребления – в случае посещения демонов, для лечения, для обольщения, для мести (Tat., Orat. 17). Также в обрядах, связанных с любовной магией, как пишет Татиан, могли применяться травы, корни растений и кости. «Многообразие корней и сочленения костей и жил (καὶ τῶν ῥιζῶν αἱ ποικίλαι νεύρων τε καὶ ὀστέων παραλήψεις)» называются автором «носителями коварства демонов», которые используются как для того, чтобы «прислуживать предубодействию», так и для того, чтобы «помогать ненавидеть кого поало» (Tat., Orat. 17).

В сочинениях апологетов встречаются и упоминания конкретных магов, что, на первый взгляд, странно для работ, посвященных защите христианской веры. Тертуллиан пишет о Симоне Самарянине (Tert., Apol. 13.9), Иустин Философ – о том же маге Симоне (Iust., 1 Apol. 26) и о его ученике Менандре, а Минуций Феликс – о Состане. Говоря о Симоне Самарянине, как Тертуллиан, так и Иустин Философ считают необходимым подчеркнуть его известность в обществе. Так, в «Апологетике» встречается указание на установленную магу статую (Tert., Apol. 13.9), а в «Первой апологии» упоминается, что «почти все Самаряне, а некоторые и из других народов признают его за первого бога и поклоняются ему» (Iust., 1 Apol. 26). По сравнению с Тертуллианом, Иустин Философ дает еще более детальное описание жизни Симона Самарянина. Он сообщает, что при императоре Клавдии Симон прибыл в Рим и практиковал там магию (Iust., 1 Apol. 26). Именно Иустин Философ впервые относительно других источников, в которых так или иначе упоминается маг Симон, пишет о женщине по имени Елена, которая сопровождала мага (Iust., 1 Apol. 26). Более того, Иустин знает и о существовании ученика Симона – Менандра из Капаретеи (Iust., 1 Apol. 26).

На этом фоне выделяется Минуций Феликс, который не просто в «Октавии» упоминает мага Состана, но и описывает его как первого среди тех, кто «с подобающим благоговением говорит об истинном Боге, признает ангелов, служителей и вестников истинного Бога, и представляет их присутствующими пред Его престолом в таком страхе, что они трепещут от манования, от взгляда Господа» (Min. Fel., Oct. 26). Несмотря на то что христианская апологетика часто подчеркивала противоречие между магией и силой христианского Бога, Минуций Феликс считает уместным описывать Состана с положительной стороны как мага, но мага, лояльного христианской вере. С одной стороны, подобный смысловой акцент свидетельствует о том,

что подобное сочетание автор не считает в целом характерным для своего времени, поскольку такая характеристика преподносится как отличительная черта Состана. В то же время, согласно Минуцию Феликсу, Состан был не единственный, кто мог заниматься магическими практиками, при этом оставаясь уважаемым среди христианской общины, поскольку упоминается, что были и подобные ему люди.

Таким образом, несмотря на то что в целом христианские апологеты II в. н. э. изображают магию как неблагочестивое занятие, связывают ее с обманом и часто ставят в один ряд с осуждаемыми занятиями (от внебрачных связей до убийств), они в некоторых случаях и проводят параллели между действиями магов и христианскими чудесами, и даже ищут в числе известных магов союзников для защиты своей веры. Заметная осведомленность апологетов о магических практиках может свидетельствовать о том, что христианство не оказывалось в стороне от растущего интереса к магии, наблюдаемого в обществе. Более того, из-за отмечаемых критиками христианства сходств в действиях христиан и магов для защиты веры было важно провести границы, разделявшие магические и христианские практики. Но сама проходимость и расплывчатость этих границ, вероятно, показывает, что христианская мысль не существовала в вакууме и не была столь сильно изолирована от распространенных в римском обществе убеждений, как это иногда представляется.

Литература

- Крюкова 2013 – Крюкова А.Н. Поэтика сновидений в раннехристианской литературе: на материале «Мученичества Перпетуи и Фелицитаты», «Мученичества Мариана и Иакова» и «Мученичества Монтана, Луция, Флавиана и других мучеников»: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 181 с.
- Лебедев 2021 – Лебедев П.Н. Кому были адресованы христианские апологии II в. // Память и идентичность III: Сб. статей по материалам Всерос. науч. конф. 07–08 октября 2020 г. М.: РГГУ, 2021. С. 67–82.
- Лебедев 2023 – Лебедев П.Н. Представления об экзорцизме в христианской апологетике II в. // Миф, ритуал, литература / Отв. ред. Ю.В. Иванова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 347–356.
- Петров 2003 – Петров А.В. Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб.: РХГИ, СПбГУ, 2003. 415 с.
- Bruyn 2017 – Bruyn T., de. Making Amulets Christian: Artefacts Scribes, and Contexts. Oxford: Oxford University Press, 2017. 285 p.
- Haar 2003 – Haar S. Simon Magus: The First Gnostic? Berlin: Walter de Gruyter Berlin, 2003. 386 p.

Е.С. Дорожкина

Культ женщин императорского дома на греко-римском Востоке по данным нумизматических источников (I–III вв. н. э.)

Статья посвящена становлению комплекса персональных культов женщин императорского дома в рамках императорского культа. В работе рассматривается специфика их почитания в провинциях греко-римского Востока в I–III вв. н. э. и оценивается степень римского влияния на полисную религиозную идентичность. Исследование построено на анализе нумизматических памятников римской и полисной чеканки с привлечением нарративных, эпиграфических и иных источников.

Ключевые слова: культ императора, принципат, полис, женщины императорского дома, римская нумизматика, римская религия, идентичность

Обожествление правителя имело место во множестве стран еще до возникновения Римской империи, но именно Древний Рим стал первым государственным образованием, в котором элементы республиканской формы правления и развитая правовая система сочетались с культом монарха. В Римской империи эпохи принципата императорский культ являлся частью как религиозной, так и политической жизни, был важной частью образа власти. В его эволюции ярко отражались процессы трансформации не только Римской империи эпохи принципата, но и всего античного мира.

Стоит вначале обозначить, что сам термин «императорский культ» или «культ императора» является историографической конструкцией. В древности культа, который был бы обозначен данным названием, не существовало. Сегодня термин «римский императорский культ» используется современными историками для описания практики поклонения обожествленному императору и определенным членам его семьи, зародившегося в Риме после смерти Юлия Цезаря, официально начавшегося с обожествления Октавиана Августа в 14 г. н. э. и продолжавшегося на протяжении практически всего имперского периода [Smith 2014, p. 3716; Gradel 2004, p. 7].

В эллинистических государствах традиция обожествления правителей уходит корнями еще во времена классической Греции, где в ходе кризиса полисной идеологии вокруг тиранов начали формироваться зачатки культа власти [Сапрыкин, Ладынин 2016, с. 7]. Дальнейшее его развитие в эллинистическом мире можно условно разделить на эллинскую и македонскую тенденции: первая подразумевала личное прославление правителя, вторая – использование образа божественного царя для институализации власти [Сапрыкин, Ладынин 2016, с. 11]. Обе эти тенденции отразились и в римском императорском культе, однако основной идеологический базис был обусловлен тенденциями политического развития Римской республики [Сапрыкин, Ладынин 2016, с. 15]. В эпоху империи римская и эллинистическая традиции вновь встречаются на территории восточных провинций.

От начала правления Октавиана Августа, при котором произошла институционализация культа императора, до конца «кризиса III века» и начала эпохи домината в рамках культа членов императорской семьи, который являлся частью императорского культа, обожествлялись, главным образом, женщины. Ими были покойные дочери, супруги и другие ближайшие родственницы правящих императоров.

Культ женщин императорского дома в рамках культа императора зародился в начале эпохи правления династии Юлиев-Клавдиев. Формально первой обожествленной женщиной из семьи императора стала сестра императора Калигулы Юлия Друзилла, пользовавшаяся его особым расположением¹ (Suet. Calig. 24). Она неожиданно скончалась в 38 г. н. э., и сенат обожествил ее под именем божественной Друзиллы, также посмертно даровав ей титул *augusta* и провозгласив земным воплощением богини Венеры.

Однако, помимо обожествления Юлии Друзиллы, следует также обратиться к биографии Ливии Друзиллы, супруги Октавиана Августа. Имевшая огромное влияние при дворе мужа, в период правления своего сына Тиберия она стремительно начала терять политическую поддержку. Тиберий, видевший в Ливии политического противника, старался максимально отдалить ее от политической жизни в столице, и в конце концов Ливия была отослана из Рима. Она скончалась в 29 г. н. э., и несмотря на решение сената назначить ей почести сверх положенных женщине ее статуса² (Dio Cass. LVIII. 2. 1–3), сын отказал-

---

¹ Светоний. Жизнь двенадцати Цезарей / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, Е.М. Штаерман. М.: Наука, 1993. 345 с. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках, с указанием сокращенной фамилии автора и номера эпизода.)

² Кассий Дион. Римская история. Книги LI–LXIII / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках, с указанием сокращенной фамилии автора и номера эпизода.)

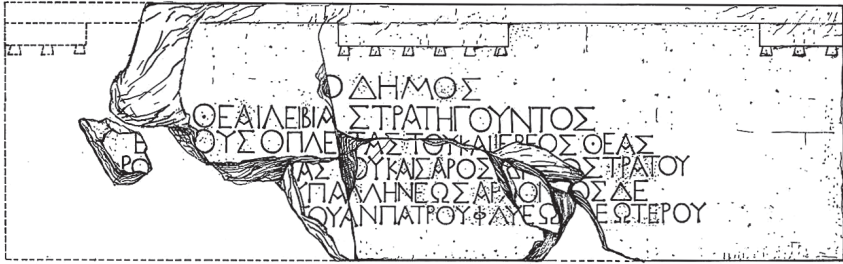

Рис. 1. Надпись из храма Немезиды в Рамнунте (Аттика), I в. н. э.
 Источник: Stafford E. The People to the Goddess Livia: Attic Nemesis and the Roman Imperial Cult // Kernos. 2013. Vol. 26. P. 3, fig. 1

ся ее обожествить. Это произошло только во время правления внука, императора Клавдия. Однако на Лесбосе Ливия стала божественной начиная еще с эпохи Августа, что отражалось на легендах монет с ее изображением³ (RPC I 2338). Также в Рамнунте в храме Немезиды была найдена надпись, начинавшаяся словами «Ο δῆμος θεῆι Λειβίᾳ (Народ божественной Ливии)»⁴ (IG II² 3242) [Stafford 2013, p. 205–207] (рис. 1).

Хотя римляне не признавали за женщинами политическую субъектность [Шпет 1994, с. 269], их образы довольно часто использовали для укрепления образа правящего императорского дома и благополучного и процветающего государства [Гуревич, Рапсат-Шарлье 2006, с. 71–72] не только на территории Рима, но и в его восточных провинциях.

Образы обожествленных женщин дошли до нас через статуи, храмовые изображения и другие изобразительные источники, однако наиболее ярко и обильно они переданы на нумизматическом материале. Монеты в античности являлись одним из наиболее эффективных средств пропаганды. Изображения на аверсах и реверсах доносили до населения образы, которые были призваны укрепить власть императора и в их глазах наделить его качествами, подобающими правителю. Использовались для этого не только образ правителя или его предшественников, но и образы представительниц императорского дома. Неисчерпаемый исследовательский потенциал нумизматики

³ The Roman Provincial Coinage. Vol. I: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC–AD 69) / Ed. by A. Burnett, M. Amandry and P.P. Ripollès. London; Paris, 1992. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

⁴ Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores (Attic Inscriptions after the year of Euclides), 2nd edn., Parts I–III, ed. Johannes Kirchner. Berlin, 1913–1940. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

как источника по имагологии императорского культа уже был продемонстрирован исследователями [Абрамзон 2013, с. 54].

Полисная чеканка греко-римского Востока обладает огромным потенциалом для изучения местной идентичности. Провинциальная чеканка невероятно богата, а степень сохранности материала предоставляет возможность для сравнительного анализа [Howgego 2004, p. 2]. Монеты с изображением женщин императорского дома чеканились во многих провинциях на востоке Римской империи: на территории Крита, Азии, Киликии, Антиохии, Вифинии и Понта и других провинций. Изображения на реверсах и сопровождающие их надписи несут важную информацию о механизме обожествления членов императорской семьи, а также его иконографии⁵.

Помимо сопровождающих легенд и изображений, важно обратить внимание и на используемую на монетах в отношении женщин императорского дома титулатуру. Главным образом по отношению к обожествленным женщинам императорского дома употребляются титулы *diva augusta* и *θεία σεβαστή*, указывающие на их божественный статус и знатное происхождение. Однако семантика данных титулов хоть и схожа, но отнюдь не тождественна.

Augusta – почетный титул, присваиваемый некоторым женщинам императорского дома, женская форма титула *augustus*. Следует отметить, что проблематика появления и эволюции данного титула в историографии рассмотрена гораздо менее подробно, чем титула *augustus* [Kazhdan 1991, p. 694]. Главным образом, титул *augusta* рассматривается в связи с отдельными персонами, которые этот титул получили [Boatwright 2021, p. 31].

Впервые титул *augusta* появляется еще в начале эпохи Юлиев-Клавдиев, когда Ливия, жена Октавиана Августа, получила на основании его завещания имя Юлия Августа (Dio Cass. LVI. 46. 1). Вопрос о семантике и происхождении титула Август крайне сложен и вызывает дискуссии и по сей день, в данной работе будет рассмотрен его греческий аналог [Токарев 2005, с. 165–173].

В восточных провинциях наряду с титулом *augusta* использовался титул *σεβαστή*, однако их семантика не была идентичной. Если титул *augustus* уходит корнями в Рим царского периода, то титул *σεβαστός*, как отмечает А.Н. Токарев, впервые был использован в греческом языке после 27 г. до н. э. и являлся «официальным переводом латинского титула римских императоров и неологизмом для греков эпохи импе-

---

⁵ В рамках исследования были рассмотрены нумизматические памятники I–III вв. н. э. с изображениями обожествленных членов императорской семьи на имперской и полисной чеканках из изданий каталогов Roman Imperial Coinage и Roman Provincial Coinage как наиболее полные на сегодняшний момент.

ратора Августа» [Токарев 2005, с. 175]. Предположительно жители восточных грекоязычных провинций воспринимали *σεβαστός* именно как титул в отличие от *augustus*, который считывался как когномен, при этом слова эти существовали параллельно. Так, например, на монетах Фурии Сабинии Транквиллины из Киликии титулы *augusta* и *σεβαστή* фигурируют вместе (RPC VII.2 2646).

Первые монеты с изображениями императрицы Ливии, жены Августа, были произведены в провинциях Крит, Азия и Киликия. Следует отметить, что монеты с легендой ΘΕΑ ΛΙΒΙΑ, то есть Божественная Ливия, появляются еще в правление императора Августа, то есть до смерти самой Ливии (RPC I 2496) (рис. 2). Они были отчеканены на Лесбосе и в Ионии и изображали профили Октавиана Августа на аверсе и его жены на реверсе. Чеканка монет с изображением Ливии продолжалась при правлении Тиберия и позднее Клавдия, однако после его смерти прекратилась.

В чеканке времен императора Тиберия на легендах реверсов также начал фигурировать титул *σεβαστή* (RPC I 2346). Помимо изображений Ливии вместе с ее мужем, сыном Тиберием или внуком Клавдием, присутствуют также изображения Ливии с Афиной на реверсе, что характерно для региона Киликии⁶ (RPC III 3318). Чеканка монет того времени показывает, что Афина часто появлялась на монетах той эпохи: существуют как изображения на аверсах, так и на реверсах в паре, например, с императором Августом (RPC I 1309A, 1425; 1428). Афина также была символом мира [Janson, Janson 2004, p. 111, 160], что пе-

Рис. 2. Бронзовая монета с профилем Октавиана Августа на аверсе и с образом обожествленной Ливии Друзиллы на реверсе. Отчеканена в Клазоменах не позднее 14 г. н. э. Монетный тип: RPC I 2496. Экземпляр из собрания Американского нумизматического общества. Идентификатор: 1944.100.45946

⁶ The Roman Provincial Coinage. Vol. III: From Nerva to Hadrian (AD 96–138) / Ed. by M. Amandry et al. London; Paris, 2015. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

рекликается с популярными в чеканке изображениями богини *Рах*⁷ (RIC I (2nd ed.) Augustus 252).

Апофеоз Друзиллы довольно скудно отражен в провинциальной чеканке. Традиционный образ трех сестер Калигулы сопровождался легендой, отражающей апофеоз Юлии через формулировки *Diva Drusilla* или *Θεα Δρουσίλλα* (Божественная Друзилла) (RPC I 2012, 2014, 2704a).

Изображения на монетах Домиции, жены Домициана, можно разделить на два типа, один из которых чеканился в Пафлагонии, а другой в Ионии. Если на ионийских монетах Домиция изображена в паре с Домицианом⁸ (RPC II 1025), то на монетах из Пафлагонии изображение Домиции помещено на аверсе, на реверсе же находится изображение Геры (RPC II 713A). При этом в имперской чеканке единственным косвенным признаком обожествления Домиции были изображения павлина, что могло отражать ее принадлежность к императорской семье, а не апофеоз⁹ (RIC II.1 (2nd ed.) Domitian 150).

Существуют также монеты, выпущенные в честь Поппеи и Клавдии, жены и дочери императора Нерона. Отчеканенные в провинции Иудея, они изображают два храма с колоннами, в центре которых находятся статуи двух женщин (RPC I 4846) (рис. 3). На аверсе

Рис. 3. Монета с изображением храма Поппеи на аверсе и храма Клавдии на реверсе. Отчеканена в Панаеде из сплава на основе меди. Монетный тип RPC I 4846. Экземпляр из собрания Отделения монет, медалей и древностей Национальной библиотеки Франции. Идентификатор: Y 28473.5

⁷ The Roman Imperial Coinage Vol. I: Augustus–Vitellius (31 BC–69 AD) / Ed. by H. Mattingly and E.A. Sydenham. London, 1923 (revised by C.H.V. Sutherland, R.A.G. Carson, 1984). (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

⁸ The Roman Provincial Coinage Vol. II: From Vespasian to Domitian (AD 69–96) / Ed. by A. Burnett, M. Amandry, I. Carradice. London, Paris, 1999. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

⁹ The Roman Imperial Coinage Vol. II: Vespasian–Hadrian (69–138 AD) / Ed. by H. Mattingly, E.A. Sydenham. London, 1926. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

Рис. 4. Мраморная статуя Клавдии, дочери Нерона, 63–68 гг. Археологический музей Флегрейских полей, Баколи (Италия). Источник: URL: <https://www.flickr.com/photos/184393744@N06/51220278967/> (дата обращения 10.08.2024)

изображен храм с двумя колоннами и статуей женщины посередине. Надпись, гласящая *DIVA POPPAEA AVG*, позволяет считать, что храм посвящен именно ей, а в центре стоит именно ее статуя. На реверсе же изображен храм с шестью колоннами, в центре которого также помещена статуя женщины. Надпись *DIVA CLAUDIA NER F* предполагает, что храм посвящен Клавдии.

Хотя та скончалась в трехмесячном возрасте, ее статуя 68 г. из Археологического музея Флегрейских полей (рис. 4) позволяет предполагать, что в период между смертью девочки и концом правления Нерона успела выработаться некоторая общая иконография ее изображений, которая соответствует изобразительному канону детских погребений: начиная с эпохи Августа на надгробиях практически никогда не изображают младенцев вне зависимости от возраста усопшего ребенка [Carrol 2011, p. 101]. Исходя из этого, можно предположить, что иконография, выработанная изначально в Италии, распространилась и в восточных провинциях.

Монеты Фаустины Старшей, жены Антонина Пия, чеканились массово и на монетных дворах многих городов. В провинциях были выработаны различные изобразительные паттерны. Так, в городах Дельфы, Никополь, Мендес и Антиохия на реверсе монет с портретами Фаустины печатались символы городов¹⁰ (RPC IV.1 4601, 4604). Так,

¹⁰ The Roman Provincial Coinage Vol. IV.1: From Antoninus Pius to Commodus (AD 138–192): Cyrenaica to Bithynia-Pontus / Ed. by V. Heuchert. Online, 2005. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

Рис. 5. Бронзовая монета с образом Вибии Сабины. Отчеканена в Коринфе в 128–137 гг. н. э. Монетный тип RPC III 240. Экземпляр из собрания Отделения монет, медалей и древностей Национальной библиотеки Франции. Идентификатор: Fonds général 854

например, на монетах, выпущенных в Дельфах, изображался Аполлон или Пифия (RPC IV.1 7854, 4602), а на монетах Никополя – различные религиозные атрибуты с легендой Νικόπολις (RPC IV.1 4185). Также среди городов Азии популярным было чеканить в паре с Фаустиной Диониса, иногда его изображали вместе с Аполлоном, едущим на колеснице, запряженной козой и пантерой¹¹ (RPC IV.2 7773).

Отражение религиозной идентичности полиса могло реализовываться не только прямо, но и косвенно, в том числе и в прижизненной чеканке август. На прижизненной чеканке Сабины, например, изображен Меликерт верхом на дельфине (RPC III 240) (рис. 5). Меликерт, древний герой, имеющий финикийские корни, являлся покровителем города Тира. Однако, по легенде, Меликерта, утонувшего в море вместе с матерью, дельфин вынес на берег недалеко от Коринфа¹², то есть его культ также был частью религиозной повседневности этого города, так как являлся частым сюжетом в его чеканке [Циркин 1977, с. 86].

На чеканке август можно проследить не только религиозную идентичность городов, но и социальные и политические аспекты их жизни. Особенно хорошо эти сюжеты отражены в чеканке Юлии Домны. Монеты с ее изображениями были широко распространены в чеканке Александрии и Лаодикеи, при этом, как и в Риме, чеканка

¹¹ The Roman Provincial Coinage Vol. IV.2: From Antoninus Pius to Commodus (AD 138–192): Asia / Ed. by V. Heuchert. Online, 2005. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

¹² Leucothea // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Leucothea> (дата обращения 10.08.2024).

Домны отличалась необычайным разнообразием сюжетов: от вполне классических Венеры, Юноны и Цереры до порой уникальных. Так, в Александрии, одном из главных центров средиземноморской торговли, печатались монеты, на реверсе которых изображалась Aequitas¹³ (RIC IV Septimius Severus 607A), покровительница справедливости, в том числе честных торговцев¹⁴. Ее также чеканили и в Лаодикее Сирийской (RIC IV Septimius Severus 635), которая благодаря своему географическому положению стала одним из важнейших центров торговли в Малой Азии времен поздней Республики¹⁵ (Cic. Ep. ad Fam. II. 1. 7). С помощью образов обожествленных женщин на чеканке полисы также выражали свою лояльность Риму. В Александрии печатались монеты Юлии Домны с реверсами, на которых была изображена богиня Рома (RIC IV Septimius Severus 613).

Также классические сюжеты на монетах могли перекликаться с сюжетами, знакомыми любому образованному античному человеку: например, на монетах Юлии Домны в Лаодикее Сирийской изображали Венеру, которая держит в руках яблоко, что является явной отсылкой к сюжету Илиады (RIC IV Septimius Severus 646).

Отдельное внимание следует уделить аспектам, разительно отличавшим местные культы от имперской политики. Выше уже упоминались монеты с изображениями божественной Ливии, которые были отчеканены задолго до ее официального обожествления императором Клавдием и даже до ее смерти, что подтверждает тезис о ее прижизненном почитании в некоторых провинциях.

Отдельный интерес представляют серии монет с изображениями Агриппины Старшей и Агриппины Младшей, на которых их портреты сопровождаются титулом *θεία σεβαστή* (RPC I 2741, 2388A). Випсания Агриппина – жена Германика и мать императора Калигулы. Будучи известной своим политическим влиянием при дворе, она закончила свою жизнь в изгнании, впав в немилость императора Тиберия. При этом при Калигуле в Азии чеканились монеты с изображением Германика и ее самой (RPC I 2348). Вместе с ней изображался Асклепий,

¹³ The Roman Imperial Coinage Vol. IV: Pertinax–Uranus Antonius / Ed. by H. Mattingly, E.A. Sydenham, C.H.V. Sutherland. London, 1986. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенного названия.)

¹⁴ Aequitas. Highlights of the collection // National Archaeological Museum of Tarragona. URL: <https://www.mnat.cat/en/artwork/14/aequitas/> (дата обращения 10.08.2024).

¹⁵ Цицерон. Письма к близким // Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. с лат. и комм. В.О. Горенштейна. В 3 т. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. Т. I: годы 68–51. 536 с. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенной фамилии автора и номера эпизода.)

бог врачевания и воскрешения (RPC I 2741), что предположительно отсылало к ее смерти в ссылке¹⁶ (Тас. Ann. VI.25).

Юлия Агриппина, или Агриппина Младшая, дочь Агриппины Старшей и мать Нерона, – яркая политическая фигура своего времени, павшая от руки собственного сына (Тас. Ann. XIV.8.1). Однако в городе Иерокесарии были выпущены монеты, легенда которых прямо указывает на божественность Агриппины (RPC I 2388A). Данные монеты в отличие от предыдущего примера, скорее всего, выпускались еще при жизни Агриппины Младшей, так как под конец жизни ее отношения с Нероном ухудшались так же стремительно, как и рост влияния на Нерона Сабины Поппеи, его будущей жены и политической противницы Агриппины (Тас. Ann. XIV.9). В этом случае Агриппина Младшая изображена вместе с Артемидой. Иеракома или Иерокесария, где была напечатана данная монета, была известна своим культом Артемиды Персидской и имела сохранившиеся связи с персами со времен вхождения Лидии в державу Ахеменидов. Артемида Персидская, а также Персей, по легенде являвшийся прародителем народа персов, изображались также на монетах других женщин императорского дома, например Фаустины Младшей (RPC IV.2 11395 (temporary)).

Отдельно следует рассмотреть культ семьи Феофана из Митилен как пример обожествления знатных, но не входящих в семью императора людей. Будучи уроженцем Митилен и другом Помпея Великого, Феофан в большей степени известен в историографии как автор записок о кавказском походе Помпея, в которых впервые были описаны эти территории. Записки не дошли до наших дней, но оставили след в работах многих античных авторов, например в «Географии» Страбона [Gold 1985, p. 312].

Во время Первой Митридатовой войны Митилены присоединились к бунту Лесбоса против римского владычества и за это в 88 г. были разграблены и лишены привилегий свободного города¹⁷. Позднее Помпей вернул Митиленам их привилегии, так как Феофан, верный соратник Помпея, был выходцем из этого города. В благодарность жители города обожествили его и его жену Архедамию, причислив их к сонму богов [Gold 1985, p. 313]. При Августе в Митиленах была выпущена серия монет с изображением Феофана и его жены. На них чета была изображена так же, как традиционно изображалась императорская семья: на аверсе изображался профиль Феофана, а на реверсе –

---

¹⁶ Тацит. *Анналы* // Тацит Корнелий. Сочинения: в 2 т. / Пер. с лат. С.А. Бобовича. СПб.: Наука, 1993. Т. 1: *Анналы. Малые произведения*. 319 с. (Здесь и далее отсылки на это издание даны в круглых скобках с указанием сокращенной фамилии автора и номера эпизода.)

¹⁷ Lesbos // The Princeton Encyclopedia of Classical Sites. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0006:entry=lesbos> (дата обращения 10.08.2024).

Рис. 6. Латунная монета с изображением божественных Феофана и Архедами. Отчеканена в Митиленах во время правления Октавиана Августа. Монетный тип RPC I 2342. Экземпляр из Монетного кабинета Венского художественно-исторического музея. Инвентарный номер GR 31390

его жены с надписью ΘΕΑ ΑΡΧΕΔΑΜΙΣ (RPC I 2342) (рис. 6). Из письменных источников известно, что Тиберий после смерти Ливии усилил политические репрессии, в том числе против потомков Феофана (Тас. Ann. VI. 18). В это время и позже чеканка монет с изображением божественной четы прекращается.

Таким образом, смело можно подытожить, что иконографии женщин императорского дома на греко-римском Востоке крайне разнообразны. В местной чеканке использовались изображения таких богинь, как Гера, Афродита и Артемида, покровительствовавших женским добродетелям и являвшихся традиционными для римской иконографии божественных август. При этом основу иконографии составляли сюжеты, включавшие в себя местных богов или богов-покровителей. Локальная идентичность греческих полисов по-прежнему была в первую очередь сосредоточена на религии, а чеканка на региональных монетных дворах была наиболее популярным способом выразить эту идентичность. Изображения местных божеств были довольно широко распространены на провинциальных монетах греко-римского Востока, где в отличие от западной части империи они обычно не преобразовывались и не интегрировались в римский пантеон. При этом чеканка с изображением членов императорской семьи отражала не только религиозные, но также социально-политические аспекты жизни полисов, будь то характер их взаимоотношений с Римом или основная деятельность их населения. Изображения Ливии, Агриппины Старшей, Агриппины Младшей и Архедами, указывающие на их божественность, позволяют нам выявить высокую степень самобытности и самостоятельности не только культа женщин императорского дома, но и религиозной жизни населения Римской империи в целом.

Литература

- Абрамзон 1993 – *Абрамзон М.Г.* Римский императорский культ в памятниках нумизматики. Магнитогорск: МГПИ, 1993. 195 с.
- Гуревич, Рапсат-Шарлье 2006 – *Гуревич Д., Рапсат-Шарлье М.Т.* Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме / Пер. с фр. Н.Н. Зубкова. М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2006. 259 с.
- Сапрыкин, Ладынин 2016 – *Сапрыкин С.Ю., Ладынин И.А.* Введение // Боги среди людей: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 5–15.
- Токарев 2005 – *Токарев А.Н.* Augustus и Σεβαστός: о семантике терминов // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 2005. С. 165–174.
- Циркин 1977 – *Циркин Ю.Б.* Мифология Мелькарта // Античный мир и археология. 1977. Вып. 3. С. 72–89.
- Шпет 1994 – *Шпет Т.* «Власть женщин» в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» / Пер. с нем. Т.И. Дудниковой // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 242–270.
- Boatwright 2021 – *Boatwright M.T.* The Imperial Women of Rome: Power, Gender, Context. Oxford; NY: Oxford University Press, 2021. 404 p.
- Carrol 2011 – *Carrol M.* Infant Death and Burial in Roman Italy // Journal of Roman Archaeology. 2011. Vol. 24. P. 99–120.
- Gold 1985 – *Gold B.K.* Pompey and Theophanes of Mytilene // The American Journal of Philology. 1985. Vol. 106. No. 3. P. 312–327.
- Gradel 2004 – *Gradel I.* Emperor Worship and Roman Religion. Oxford: Oxford University Press, 2004. 428 p.
- Howgego 2004 – *Howgego C.* Coinage and Identity in the Roman Provinces // Coinage and Identity in the Roman Provinces / Ed. by C. Howgego et al. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 1–17.
- Janson, Janson 2004 – *Janson H.W., Janson A.F.* History of Art: The Western Tradition. Vol. 1. New Jersey: Prentice Hall Professional, 2004. 1031 p.
- Kazhdan 1991 – *Kazhdan A.P.* The Oxford Dictionary of Byzantium. NY.; Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. I. 729 p.
- Smith 2014 – *Smith C.* Encyclopedia of Global Archaeology. NY.; Springer, 2014. 11473 p.
- Stafford 2013 – *Stafford E.* “The People to the Goddess Livia”: Attic Nemesis and the Roman Imperial Cult // Kernos. 2013. Vol. 26. P. 205–238.

Abstracts

Maiya S. Larina

Pragmatics of Russian sayings

The article is devoted to the study of pragmatics of Russian sayings. The subject of the study is the pragmatic features of sayings and their characteristic properties. As part of the study, the criteria for separating sayings from proverbs are identified, the pragmatics of six sayings are described and their meanings are interpreted.

Keywords: phraseology, sayings, proverbs, pragmatics, speech acts, lexicography

Aleksandra N. Romashko

Paponymy and variability
in the formation of relative adjectives

The article is dedicated to the study of paronymy and variability in the formation of relative adjectives in the Russian language. The theoretical aspects of paronymy and variability are presented. Special attention is paid to the analysis of single-root pairs of relative adjectives with suffixes -n- and -ov-. The morphological conditions of the formation of these adjectives are considered. Special emphasis is placed on the analysis of lexicographic descriptions and actual uses of selected adjectives.

Keywords: Russian language, word formation, paronymy, variability, single-root synonyms, relative adjectives

Amir Kooshesh Zakaria

The concept of a “communicative situation”
on the example of a command situation

The article introduces the concept of a communicative situation as a thematically and illocutionarily significant fragment of dialogical discourse. The article offers a description of a communicative situation of a command. A communicative situation is a microdialogue caused by the implementation of the speaker’s intention. We consider the general meaning of an imperative speech act, its semantic types, such as a request,

offer, demand, advice, order, etc., and dwell in detail on the methods of formal implementation of a communicative situation of a command. We consider 1. the introduction of a command speech act and the construction of a command speech act: 1) imperative SV or NSV; 2) infinitive; 3) a verb in the form of the 2nd person future tense; 4) imperative interjection. The article considers only communicative acts expressing a positive reaction of agreement in response to a command.

Keywords: pragmatics, speech act theory, dialog, directives, command, speech act of consent

Valeriya A. Savenkova

Stereotypical formulas of gratitude expression
in modern Russian speech etiquette

The article examines microdialogues with the speech act of gratitude and describes the stereotypical formulas of gratitude in modern Russian speech etiquette in terms of their pragmatic differences.

Keywords: illocutionary act, speech etiquette, dialogical unity, gratitude

Anastasiya S. Mamonova

Formulas of moral support in dialogic speech

The article is dedicated to the formulas of moral support in dialogic speech, namely: formulas of reassurance, support and condolence/compassion. The author describes in detail some of the most common formulas of moral support, their specifics of use and differences, and also gives examples of their use in dialogic speech (most of the examples in the article are taken from The Russian National Corpus). A special emphasis is put on the grammatical form, lexical composition and 'national specificity' of some formulas of moral support. Also the article provides the lists of the formulas of moral support collected by the author, classification of the types of interlocutor's worries compiled by the author, and main tactics of reassurance and support identified by the author. Finally, the author comes to the conclusion about the importance and necessity of a detailed study and description of the formulas of moral support due to the lack of thorough research on this topic.

Keywords: speech etiquette, formulas of moral support, dialogic speech, speech acts, intention, tactics of reassurance and support

Anna V. Khristich

On the issue of strategies for calming,
comforting and encouraging dialogue

The article examines the dialogic lines of calming, comforting, encouraging. These groups, which are close semantically and pragmatically, are distinguished; speech patterns and speech situations that stimulate their use are analyzed. The linguistic material is classified by strategies and tactics of their use. Illustrative examples are taken from the collection of the National Corpus of the Russian Language (NCRL).

Keywords: communicative strategies, pragmatics, intents of cheering up, soothing, comforting

Alina R. Ibatullina

Phraseological units in the Russian
language school course

The article is dedicated to the use of phraseological units studied in the framework of a school course in the Russian language at the Unified State Exam. The author analyzes the material on the topic of phraseology, which is presented in textbooks on the Russian language for grades 5-11, phraseological units from the list proposed by the Federal Institute of Pedagogical Measurements to solve task No. 24 on the Unified State Exam in the Russian language. The author notes which phraseological units are studied in the framework of the school course based on the list of textbooks recommended by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, compares the units of the FIPI list and the units presented in the “School Phraseological Dictionary of the Russian language” with the phraseological units of the school curriculum, and also conducts a survey among respondents who have passed the Unified State Exam in the Russian language who are not studying / not have studied philological or linguistic profiles, on the knowledge of phraseological units studied as part of a school course. The author concludes that it is necessary to correct the material presented in school textbooks on the Russian language, namely, to expand the topic of phraseology and add new examples so that they include phraseological units presented on the Unified State Exam and belonging to a different type than those currently presented in textbooks.

Keywords: phraseological units, Russian language, school course, Unified State Exam, list of phraseological units of the FIPI

Olga A. Nazarova

Gamification as a teaching technique
for the Russian as a foreign language

The article discusses gamification as an educational technique in relation to teaching Russian as a second language. According to several experts, gamification has the potential to address issues with student motivation and engagement, personalize learning, and enhance understanding of educational content, while also strengthening students' "soft skills". However, gamification may not be appropriate for all educational settings and student groups, and its efficacy will depend on the selection of game mechanics that target both external and intrinsic motivation of learners. It is crucial to strike a balance between game elements and learning activities, so as to avoid distracting students from the learning process, on the one hand, while preventing the game from becoming a monotonous experience, on the other.

Keywords: gamification, gaming methods, teaching Russian as a second language

Mariya S. Ulyankina

Representations of amicitia (friendship)
in the letters of Seneca and Pliny the Younger

The article is devoted to the semantic content of one of the main categories of social life of the elite of Ancient Rome – amicitia – on the example of the epistolary works of Seneca and Pliny the Younger in the socio-cultural context of the 1st – early 2nd centuries AD. These letters, undoubtedly part of the literary tradition of their time, reflect both the moral, ethical ideas of a Roman citizen from the upper stratum of society about friendship and the real communicative practices of early imperial times. Seneca's representation of the phenomenon of amicitia clearly shows signs of the general direction of transformations that allow the historian to draw a conventional boundary between the Republic and the Empire. Thus, the Romans, traditionally oriented towards polis values, the political interests of the civil collective, became much more immersed in the sphere of private, individual needs. In this light, friendship presupposed primarily a personal bond based on emotional attachment and shared leisure time. The markers of change in the understanding of amicitia are to be found in directly and indirectly transmitted ideas, the most important of which are trust, openness, and selflessness. The destruction of the previous horizontal links within the Roman elite, connected with political activity, is also of particular importance: the newly understood friendship could act as a

way to compensate for it in the conditions of diminished authority. Pliny's correspondence with his numerous addressees reflects similar principles and practices, indicating a tendency to perceive amicitia as an emotional bond. Nevertheless, specific features of the political climate (middle of 1st and early 2nd centuries AD) imprinted some features of elite rhetoric and social behavior, which is also mentioned in the article.

Keywords: Roman Empire, Seneca, Pliny the Younger, social life of the elite, amicitia, friendship

Darya A. Manaeva

Views on magic in the works
of Christian apologists of the 2nd century AD

The article considers the views on magic reflected in the works of Christian apologists of the 2nd century AD. Based on the analysis of apologetic works of Justin Martyr, Tatian, Minucius Felix and Tertullian, the author notes the significant attention of Christian writers to the topic of magic. Although the general attitude to magic in all the works examined is clearly negative, the detailed descriptions of various subjects related to it show the great interest in this topic that existed in Roman society in the 2nd century. The desire of the apologists to clearly distinguish between magical practices and Christian ones, as well as the considerable amount of detail they report about magic, traced in the texts, shows the influence of the beliefs prevalent in Roman society on Christian thought. In some cases, however, the apologies reveal not so much a distinction between fundamentally incompatible or even opposite practices, but rather present evidence of the greater effectiveness of Christian means to achieve the same goals (e.g., to expell demons from the possessed).

Keywords: early Christianity, apologetics, Roman Empire, 2nd century, magic

Ekaterina S. Dorozhkina

The cult of the imperial women
in the Greco-Roman East according
to numismatic sources (I–III AD)

The article is devoted to the formation of a complex of personal cults of women of the imperial family within the framework of the imperial cult. The paper considers the specifics of their veneration in the provinces of the Greco-Roman East in the 1st – 3rd centuries A.D. The study focused

on numismatic monuments of Roman and polis coinage with the involvement of narrative, epigraphic, and other sources. Analyzing the titulature used on the coinage and visual images associated with deified women, the author draws a number of conclusions about the relationship between local and imperial worship traditions. Along with the images of goddesses who patronized female virtues, traditional for the Roman iconography of deified women, the coinage actively uses deities that played an important role in the religious life of the polis and reflected the religious identity of their inhabitants.

Keywords: imperial cult, principate, polis, imperial women, Roman numismatics, Roman religion, identity

Сведения об авторах

Дорожкина Екатерина Сергеевна, студентка исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, сотрудник Государственного исторического музея, Dorozhkina.Katerine@yandex.ru

Ибатуллина Алина Рамильевна, студентка Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, aliandr2003@mail.ru

Кушеш Закариа Амир, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, a.kooshesh73@yahoo.com

Ларина Майя Сергеевна, студентка Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, larinaa705@yandex.ru

Мамонова Анастасия Сергеевна, студентка Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет; anastasia_720@mail.ru

Манаева Дарья Александровна, студентка исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет; spenser_m@list.ru

Назарова Ольга Александровна, магистрант Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, olganazarova21@gmail.com

Ромашко Александра Никитична, студентка Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, alya.romashko.03@mail.ru

Савенкова Валерия Алексеевна, студентка Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, valerisavenkova2003@gmail.com

Ульянкина Мария Сергеевна, студентка исторического факультета, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, ulmaria375@gmail.com

Христич Анна Вячеславовна, студентка Института филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, khristichanne@mail.ru

Data about the authors

Dorozhkina Ekaterina S., student, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, employee of the State Historical Museum, Dorozhkina.Katerine@yandex.ru

Ibatullina Alina R., student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, aliandr2003@mail.ru

Khristich Anna V., student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, khristichanne@mail.ru

Kooshesh Zakaria Amir, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, a.kooshesh73@yahoo.com

Larina Maiya S., student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, larinaa705@yandex.ru

Mamonova Anastasiya S., student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, anastasia_720@mail.ru

Manaeva Darya A., student, Faculty of History, Russian State University for the Humanities; spenser_m@list.ru

Nazarova Olga A., master's degree student, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, olganazarova21@gmail.com

Romashko Aleksandra N., student, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, alya.romashko.03@mail.ru

Savenkova Valeriya A., student, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, valerisavenkova2003@gmail.com

Ulyankina Mariya S., student, Faculty of History, Russian State University for the Humanities, ulmaria375@gmail.com

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 8,3.
Заказ № 2063

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru